

**Санкт-Петербургский общественный фонд
«Музей Галины Васильевны Старовойтовой»**

при участии

Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики – Санкт-Петербург», Санкт-Петербургского Союза ученых,
Санкт-Петербургской ассоциации социологов, Института региональной прессы,
Центра независимых социальных исследований,
Европейского университета в Санкт-Петербурге
при поддержке Правительства Санкт-Петербурга

**Современные вызовы
гражданским обществам
и государствам в Европе и России:
угрозы и безопасность
vs солидарность и права человека**

*Сборник статей участников
Семнадцатого международного конкурса научных работ
студентов и молодых ученых
памяти Галины Васильевны Старовойтовой «Галатее»*

Под редакцией В.В. Костюшева

НОРМА

Санкт-Петербург
2016

УДК 342.7
ББК 66.033.1
С56

С56 **Современные вызовы гражданским обществам и государствам в Европе и России: угрозы и безопасность vs солидарность и права человека. Сборник статей участников Семнадцатого международного конкурса научных работ студентов и молодых ученых памяти Галины Васильевны Старовойтовой «Галатейя» / Под ред. В.В. Костюшева. – СПб.: Норма, 2016. – 232 с., илл.**

ISBN 978-5-87857-269-9

УДК 342.7
ББК 66.033.1

© СПб общественный фонд
«Музей Галины Васильевны Старовойтовой», 2016
© Норма, 2016

Оглавление

Предисловие редактора	5
СКИБО Дарья Быть иностранным агентом: как вести себя под давлением закона в России	12
ГОМЕЛАУРИ Ангелина Проблемы интеграции иммигрантов во Франции и России: когда политический курс обречен на провал?	34
НЕГОДИНА Галина «Ведь жить и заниматься только математикой – это неправильно»: кто и почему помогает трудовым мигрантам в Санкт-Петербурге и Берлине?	56
МАКЕЕВА Александра Есть ли место правам человека в программах профилактики и лечения ВИЧ? Снижение вреда vs снижение вовлеченности	68
БЕКРЕЕВ Андрей Гражданское общество, адреналин и фрейм	82
СОРБАЛЭ Алексей Конфликт в Боснии и Герцеговине: этноцентризм vs евроцентризм	100
ФЕДЮНИН Сергей Демократия: глобальный кризис жанра?	115
ГРЕЧИШНИКОВ Александр Допустимость и пределы нарушений прав человека в борьбе с терроризмом в контексте Международного пакта о гражданских и политических правах, а также Конвенции о защите прав человека и основных свобод	133
БАЛАГАНСКАЯ Ирина Понятие неприкосновенности частной жизни по российскому и международному праву	145

КАПЛАН Даниил Борьба с государством: забытые люди и возбужденная толпа	155
ЛЕЛЯКОВА Ирина Психологические последствия информационного стресса, вызванного террористическими актами	167
ЛЮБИМОВА Анжела Новая форма международной деятельности ультраправых	178
ЧЕБОТАРЕВА Василиса Факторы террористической активности в странах Европы	190
ШАМИЕВ Кирилл Хотят ли русские войны? Институциональные причины «неофициального» участия российских военнослужащих в вооруженных конфликтах	199
ШЕНЦЕВА Таисия Non-compliance behavior в Европейском Союзе через призму конструктивизма: на примере принятия антироссийских санкций и миграционного кризиса	212
ЮМАЕВА Наталья Утонувший мальчик или обесщеченные женщины?	222
Послесловие от участников конкурса	228

Предисловие редактора

Конкурс научных работ студентов и аспирантов «Галатея» памяти Г.В. Старовойтовой (1946–1998) проводится Санкт-Петербургским общественным фондом «Музей Галины Васильевны Старовойтовой» с 1999 г. В настоящем издании представлены лучшие статьи участников XVII конкурса, проведенного в 2016 г. и посвященного теме «Современные вызовы гражданским обществам и государствам в Европе и России: угрозы и безопасность vs солидарность и права человека».

Конкурс и фонд поддержки молодых ученых были задуманы самой Галиной Васильевной вместе с академиком Д.С. Лихачевым. Последние беседы об организации фонда состоялись в 1998 г., незадолго до убийства Галины Васильевны. Конкурс проводится при поддержке многих научных и общественных организаций (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский Союз ученых, Санкт-Петербургская ассоциация социологов, Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ), Институт региональной прессы, Фонд Фридриха Науманна, НИУ ВШЭ СПб и многих других). Работой жюри конкурса за 17 лет руководили известные российские ученые: Владимир Ядов, Борис Фирсов, Яков Гордин, Николай Гиренко, Виктор Воронков, Владимир Гельман, Дмитрий Дубровский, Владимир Костюшев, Александр Сунгуров, Григорий Тульчинский. В 2016 г. председателем жюри конкурса была Елена Белокурова. В жюри работали социологи, этнографы, политологи, психологи, историки, экономисты, журналисты – Анна Шароградская, Мария Мацкевич, Николай Скворцов, Михаил Соколов, Наталья Гришина, Сергей Акопов, Александр Балаян, Михаил Горный, Дмитрий Травин и другие коллеги. Важной особенностью конкурса является то, что члены жюри получают от оргкомитета анонимные тексты, которые оценивают независимо друг от друга: имена авторов работ открываются после оценивания накануне научной конференции.

Тема конкурса каждого года определяется оргкомитетом (председатель Ольга Васильевна Старовойтова) и членами жюри в контексте актуальных проблем международной и внутривосточной ситуации в России, близких научным интересам и гражданским позициям Г.В. Старовойтовой – этничность, права человека, свобода совести, проблемы ксенофобии и экстремизма, толерантности и доверия, этнические и политические конфликты. Конкурс имеет международный статус – в нем участвуют студенты и аспиранты университетов из многих городов России и других стран, победители получают премии, среди

которых самой важной является памятная бронзовая медаль победителя конкурса. Каждый год издается том лучших конкурсных работ.

Конкурс известен в разных университетах России и за рубежом. Например, на конкурс 2015 г. по теме «Власть и общество в условиях межгосударственных конфликтов» было представлено 64 научные работы из 30 университетов 25 городов (Архангельск, Волгоград, Ереван, Луганск, Москва, Новосибирск, Самара, Томск и др.). Первое место было присуждено Мария Туровец из Волгограда за работу «Война против протеста: “военные” аргументы в деполитизации протестного движения».

В 2016 г. на конкурс по теме «Современные вызовы гражданским обществам и государствам в Европе и России: угрозы и безопасность vs солидарность и права человека» было подано 78 работ из 32 университетов 18 городов: НИУ ВШЭ СПб – 12 работ; СПбГУ – 7 работ; СПб гуманитарный университет профсоюзов – 6 работ; СПбГЭУ – 5 работ; ЛГУ им. А.С. Пушкина, РГПУ им. А.И. Герцена, Уральский федеральный университет, Российский гидрометеорологический университет – по 4 работы. Поступили также работы из университетов Казани, Екатеринбурга, Тольятти, Пензы, Омска, Барнаула, Петрозаводска, Самары, Иркутска, Владивостока, Красноярска, Москвы, Брисбена (Австралия). Представлены тексты из России, Франции, Австрии, Австралии, Украины. В финал конкурса жюри отобрало работы 22 авторов из 12 университетов 7 городов, среди университетов и научных учреждений – НИУ ВШЭ СПб, СПбГУ, ЦНСИ, Европейский университет в СПб, СПбГУ, Национальный институт восточных языков и цивилизаций в Париже, Сибирский федеральный университет, Уральский федеральный университет и другие.

Первое место и бронзовую медаль памяти Г.В. Старовойтовой получила Дарья Скибо, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (СПб) и Института гуманитарных наук (Вена, Австрия), за исследование «Быть иностранным агентом: как вести себя под давлением закона в России» (92 балла из 100), второе место разделили между собой Ангелина Гомелаури, студентка 4-го курса департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ СПб – за исследование «Проблемы интеграции иммигрантов во Франции и России: когда политический курс обречен на провал?» (88 баллов), Галина Негодина, магистрантка 1-го курса департамента социологии НИУ ВШЭ СПб, получившая также стипендию администрации СПб им. Г.В. Старовойтовой и специальный приз памяти правозащитника Н.М. Гиренко – за исследование практик помощи трудовым мигрантам в Санкт-Петербурге и Берлине (87 баллов), Александра Макеева,

студентка 3-го курса департамента социологии НИУ ВШЭ СПб – за работу по изучению соблюдения прав человека в программах профилактики и лечения ВИЧ (Александре также присуждена стипендия администрации СПб им. Г.В. Старовойтовой) (85 баллов), Третье место разделили Андрей Бекреев, магистрант Европейского университета в СПб («Гражданское общество, адреналин и фрейд») (85 баллов), Алексей Сорбалэ, студент 4-го курса департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ СПб («Конфликт в Боснии и Герцеговине: этноцентризм vs евроцентризм») (84 балла) и Сергей Федюнин из Национального института восточных языков и цивилизаций (Париж) («Демократия: глобальный кризис жанра?») (83 балла). Специальный приз Фонда Фридриха Науманна получил студент юридического факультета НИУ ВШЭ СПб Александр Гречишников за исследование допустимости и пределов нарушений международных договоров в чрезвычайных ситуациях.

Научная конференция с представлениями докладов финалистов конкурса состоялась 4 июня 2016 г. в НИУ ВШЭ СПб – с дискуссиями по заявленным темам. Имена победителей были объявлены в завершение конференции после обсуждения всех докладов, авторам лучших исследовательских работ были вручены премии и призы, всем участникам – памятные подарки. С поздравлением победителей выступили члены жюри и председатель оргкомитета конкурса Ольга Старовойтова.

Настоящий сборник работ финалистов конкурса подготовлен при активном участии председателя жюри конкурса 2016 г. Елены Белокуровой. Оргкомитет и жюри конкурса выражают благодарность всем молодым коллегам, представившим тексты для участия в конкурсе, а также отдельную признательность редакторам издательства «Норма» Маргарите Филипповой и Дмитрию Капитонову за внимательную работу при подготовке материалов конкурса 2016 г. к публикации.

Библиография изданий международного конкурса памяти Г.В. Старовойтовой за период 2000–2016 гг.

Этничность и национализм в современном мире. Сборник работ участников Первого конкурса молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей». СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; ООО «Изд-во «Петрополис», 2000. 276 с.

Защита прав человека в Российской Федерации. Сборник работ участников Второго конкурса молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. О.В. Старовойтовой. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; ООО «Изд-во «Петрополис», 2001. 116 с.

Ксенофобия, экстремизм и терроризм: есть ли выход? Сборник работ участников Третьего конкурса молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. О.В. Старовойтовой. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; ООО «Изд-во «Петрополис», 2001. 212 с.

Свобода совести и свобода слова в электронную эру: Россия и международный опыт. Сборник работ участников Четвертого конкурса научных работ молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. Б.М. Фирсова. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2003. 138 с.

Тревоги и надежды моего поколения: ценности, политическое участие, повседневные практики российской молодежи в начале XXI века. Сборник работ участников Пятого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. В.В. Костюшева. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2004. 182 с.

Теория и практика становления и развития гражданского общества в России. Сборник работ участников Шестого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. М.М. Соколова. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2005. 108 с.

Петербург: социальный рельеф и культурный ландшафт. Сборник лучших работ участников Седьмого ежегодного конкурса памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. О.В. Старовойтовой. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2006. 104 с.

Практики толерантности и интолерантности в современном российском обществе: публичная сфера и повседневность. Сборник работ участников Восьмого конкурса молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. В.Я. Гельмана. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2007. 192 с.

Современные молодежные сообщества в культуре и политике. Сборник статей участников Девятого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. В.В. Костюшева. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2008. 226 с.

Права человека: история и современность. Сборник статей участников Десятого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. Д.В. Дубровского. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2009. 296 с.

Диалог государства и общества: формы и модели взаимодействия. Сборник работ участников Одиннадцатого конкурса молодых ученых и студентов «Галатей» / Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2010. 192 с.

Культура гражданского и политического участия / неучастия в современном обществе. Сборник работ участников Тринадцатого конкурса молодых ученых и студентов «Галатей» / Под ред. Г.Л. Тульчинского. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2012. 256 с. (В издании 2012 г. опубликованы также лучшие работы Двенадцатого конкурса 2011 г. по теме «Общественные изменения в посткоммунистических странах: история, тенденции, проблемы преобразований»).

Миграция в России и мире: ресурс или проблема? Сборник работ участников Четырнадцатого конкурса молодых ученых и студентов «Галатей» / Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2013. 208 с.

Доверие. Сборник работ участников Пятнадцатого конкурса молодых ученых и студентов «Галатей» / Под ред. В.М. Воронкова. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2014. 176 с.

Власть и общество в условиях межгосударственных конфликтов. Сборник статей участников Шестнадцатого международного конкурса научных работ студентов и молодых ученых «Галатей» / Под ред. В.В. Костюшева. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2015. 224 с.

Современные вызовы гражданским обществам и государствам в Европе и России: угрозы и безопасность vs солидарность и права человека. Сборник статей участников Семнадцатого международного конкурса научных работ студентов и молодых ученых «Галатей» / Под ред. В.В. Костюшева. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2016. 232 с.

В 2010 г. издан том лучших конкурсных работ за 10 лет (2000–2009 гг.) – с библиографией всех работ конкурса за десятилетие: **Памяти Галины Старовойтовой: конкурс научных работ молодых ученых «Галатей». Лучшие конкурсные работы, 2000–2009** / Под ред. О.В. Старовойтовой, В.В. Костюшева. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2010. 704 с.

**Наталья
ЮМАЕВА**

**Василиса
ЧЕБОТАРЕВА**

**Тайсия
ШЕНЦЕВА**

Даниил КАПЛАН

**Александр
ГРЕЧИШНИКОВ**

**Анжела
ЛЮБИМОВА**

Сергей ФЕДЮНИН

Дарья СКИБО

Ирина ЛЕЛЯКОВА

**Владимир
КОСТЮШЕВ**

**Александра
МАКЕЕВА**

Андрей БЕКРЕЕВ

Галина НЕГОДИНА

Кирилл ШАМИЕВ

Ангелина ГОМЕЛАУРИ

Алексей СОРБАЛЭ

Быть иностранным агентом: как вести себя под давлением закона в России

Аннотация

В 2012 г. в России был принят «закон об иностранных агентах», изменивший структуру третьего сектора и повседневную жизнь многих российских некоммерческих организаций. Серия поправок не только установила новую юридическую формулу – «иностранного агент», но и породила специфический тип правоприменения и новую судебную практику, потребовавшую пересмотра таких базовых законодательных категорий, как, например, политическая деятельность. Среди представителей российских НКО, зарубежных фондов и общественных организаций утвердилось мнение, что данный закон репрессивен и направлен на усиление контроля за независимыми негосударственными организациями. В своем эссе я собираюсь объяснить, почему это так и что сегодня значит «быть иностранным агентом».

Abstract

In 2012, Russia passed the so-called “foreign agent’s law”, which transformed the structure of the Russian third sector, as well as everyday life for many non-profit organizations. The related legal amendments did not only invent a new legal definition – “an NGO, implementing functions of a foreign agent”. They also generated new types of law enforcement and court practices (including unscheduled inspections of NGOs, and new fines), and more fundamentally resulted in the redefinition of certain basic legal concepts, such as of ‘political activity’. NGO representatives, foreign funders and other non-profit organizations argue that this law is repressive and that its purpose is to increase the government’s control over independent non-governmental organizations, and civil society as a whole.

¹ Скибо Дарья (skibo.daria@gmail.com) – научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) и Института гуманитарных наук (Вена, Австрия). Первое место в конкурсе.

*Будь начеку!
В такие дни
Подслушивают стены.
Недалеко от болтовни и сплетни
До измены.*

С. Я. Маршак,
стихи с плаката Н. Ватолиной и Н. Денисова
«Не болтай!», 1941 г.

Перед началом и в течение Великой Отечественной войны на территории Советского Союза, особенно в приграничных районах, подрывную деятельность осуществляло множество диверсионных групп и шпионов. В это время для предотвращения всевозможных «актов вредительства и саботажа» (подрыва мостов, повреждения линий электропередач и т.п.) от советской пропагандистской машины требовалось осуществление политики информирования населения об опасности коммуникации, особенно с «незнакомцами». Бдительность и осторожность приобрели чрезвычайную актуальность и стали новыми измерениями гражданской сознательности и долга. Один из агитационных плакатов того времени принадлежит авторству художников Нины Ватолиной и Николая Денисова. Изображение женщины, прикладывающей палец к губам, которое сопровождается стихами Самуила Маршака и девизом того времени – «Не болтай!», стало одним из самых популярных постеров, и сейчас его можно увидеть практически на всей сувенирной продукции, производимой в России. Однако этот плакат, созданный в 1941 г., актуален не только в силу своих художественных свойств: современный дискурс ненависти и встроенная в него идея поиска врага (внутреннего или внешнего) – шпиона, угрожающего национальной безопасности, пытающегося разрушить традиционные ценности российского общества, привычный жизненный уклад, диверсанта, использующего разнообразные методы для преступного воздействия на общественное мнение и/или государственную политику и действующего в интересах своих иностранных спонсоров, – живы как никогда. В течение последних трех лет некоммерческие организации, признанные иностранными агентами, находятся в ситуации, когда именно на них силами и средствами пропагандистской машины навешивается ярлык врага и вредителя.

Еще один эпизод, на который бы я хотела обратить внимание, касается моего персонального статуса в настоящее время. Я являюсь

сотрудником российской некоммерческой организации «Центр независимых социологических исследований» (Санкт-Петербург), которая была внесена в реестр иностранных агентов. Поскольку мы не подали заявление о регистрации в качестве иностранного агента на добровольных началах, нам был присужден штраф на общую сумму 325 тыс. рублей (в соответствии со ст. 19.34 и 19.5 Административного кодекса Российской Федерации)². В соответствии с законом каждая лекция, презентация, а также любые обнародованные материалы, произведенные иностранным агентом, должны быть отмечены специальным предупреждением об их происхождении, поэтому я считаю своей обязанностью упомянуть данный факт непосредственно в тексте эссе. В случае, если я не сделаю этого, всегда остается вероятность того, что организация, в которой я работаю, будет оштрафована снова.

1. «Закон об иностранных агентах»

Написание эссе о судьбе и статусе иностранных агентов следовало бы начать с рассказа о третьем секторе в России в целом, с подробного анализа политического и социального контекста, не упуская из вида саму ситуацию обсуждения и принятия этого законопроекта. К сожалению, я не политолог, и мой академический и социальный бэкграунд — единственное основание моей методологической позиции. Поскольку я не способна провести качественный анализ современного российского политического режима (в рамках теории нелиберальной демократии или гибридных политических режимов), целью настоящей работы станет описание некоторых возможных стратегий, которые были изобретены российскими НКО в новых политических и правовых условиях, возникших после принятия «закона об иностранных агентах». Мое исследование базируется на анализе документов (всех, находящихся в открытом доступе: прокурорских предписаний и представлений, решений российских судов разного уровня, комментариев представителей некоммерческих организаций и т.д.), интервью, проведенных с экспертами в этом вопросе (в основном с сотрудниками организаций, подвергшихся прокурорским проверкам в 2013 г., а также представленных в реестре позднее), и включенном наблюдении.

² Центр независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) обжаловал решение мирового судьи О.Н. Камальдинова, принятое в июне 2015 г., сначала в Куйбышевском районном суде, а затем в Санкт-Петербургском городском суде. Наконец, в апреле 2016 г. Верховный суд Российской Федерации отменил решение о назначении штрафа в 300 тыс. рублей и прекратил производство по делу. Более детальная информация на сайте организации (<http://cisr.ru>).

Черновик «закона об иностранных агентах» был представлен в Государственной Думе Российской Федерации в июне 2012 г. Фактически «закон об иностранных агентах» не является отдельным нормативно-правовым актом, но представляет собой серию поправок³. Они были подписаны Владимиром Путиным уже в июле 2012 г.

Этот закон организует деятельность некоммерческих организаций, основанных и функционирующих на территории Российской Федерации. НКО в России — это организация, в уставные цели которой не входит получение прибыли и разделение ее между членами. Деятельность таких правовых субъектов регулируется множеством законов (специальным законом «О некоммерческих организациях», Административным и Гражданским кодексами, другими нормативно-правовыми актами — в зависимости от сферы деятельности, и, конечно, Конституцией Российской Федерации). Основное отличие некоммерческих организаций от коммерческих — невозможность осуществлять предпринимательскую деятельность. Зачастую государственные (и муниципальные) структуры работают в тех же полях, что и некоммерческие организации (речь, например, может идти о социальном обеспечении, образовании и т.п.), однако НКО не могут быть частью государства и обладают гораздо меньшими ресурсами.

Принятые в 2012 г. поправки к закону создали новый тип некоммерческих организаций, который прежде не существовал в российской правовой системе. Закон постулирует два признака, носители которых должны регистрироваться в качестве иностранного агента. Некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента, — это российская НКО:

— во-первых, получающая денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ) (далее — иностранные источники) (п. 6 ст. 2);

³ Полное название «закона об иностранных агентах» — Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Принят Государственной Думой 13 июля 2012 г., одобрен Советом Федерации 18 июля 2012 г.

– во-вторых, участвующая, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации (п. 6 ст. 2).

Статья 2 Федерального закона № 7-ФЗ также содержит определение политической деятельности, принятое на территории Российской Федерации:

«Некоммерческая организация, за исключением политической партии, признается участвующей в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, она участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях» (п. 6 ст. 2).

Закон предусматривает список организаций, чья деятельность не может быть признана политической. Среди них – научные институты, культурные центры, организации, занимающиеся социальной поддержкой населения, защитой материнства и детства, спортивные клубы, экологические движения и другие. Вместе с тем в реестре иностранных агентов в настоящее время находится множество организаций, ведущих работу в перечисленных областях – правозащитной, экологической, исследовательской и других.

К тому же закон (в его первой версии) предусматривал множество новых правил и дополнительных требований к организациям – иностранным агентам. Во-первых, он учреждал создание реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, и постулировал необходимость регистрироваться в таком качестве, если оба критерия (иностранное финансирование и политическая деятельность) удовлетворены. Каждая организация до осуществления «политической деятельности», если она имеет финансирование из иностранных источников, должна была уведомить Министерство юстиции по специальной форме.

Во-вторых, такие организации (а также их департаменты и подразделения) должны проходить ежегодный аудит. Им следует обеспечивать Министерство юстиции содержательными отчетами, включающими информацию о проведенных мероприятиях, о составе руководящих органов (каждые шесть месяцев), информацию о расходовании средств, полученных из иностранных источников (ежеквартально), аудиторский отчет (раз в год). Раз в полгода иностранные

агенты должны публиковать эту информацию в интернете по специальной форме, разработанной Министерством юстиции. Раз в год работа иностранных агентов изучается в рамках плановых прокурорских проверок. Кроме того, прокуроры могут прийти в такие организации и запросить всю документацию неограниченное число раз (в год) по жалобе любого гражданина (или анонимного лица) в рамках внеплановых прокурорских проверочных мероприятий.

Кроме того, все материалы, которые производятся и распространяются иностранным агентом (книги, брошюры и то, что публикуется в средствах массовой информации и в интернете), все проводимые такой организацией публичные мероприятия должны сопровождаться знаком или уведомлением о статусе иностранного агента.

После подписания закона ни одна организация добровольно не подала заявление о вступлении в реестр. В 2013 г. оказалось, что стремительно принятый закон не работает, и такое положение дел вызвало волну прокурорских проверок в НКО. По указанию Президента РФ весной 2013 г. они прошли более чем в 300 некоммерческих организациях. Официальная статистика не была обнародована прокуратурой, а многие НКО не публиковали никакие материалы, касающиеся проверок, поскольку опасались правовых и неправовых последствий, к которым это могло привести. Проверки сопровождались не только общественным резонансом, но и значительным числом процедурных нарушений со стороны прокуроров (например, отсутствием уведомления о проведении проверки, ненадлежащим представлением сотрудников прокуратуры во время проверочных мероприятий и др.).

По результатам проверок Генеральный прокурор Российской Федерации Юрий Чайка в июле 2013 г. перед Федеральным Собранием сделал доклад об активности НКО⁴. Чайка сказал, что до начала проверок ни одна НКО не была включена в реестр и потому прокурорам пришлось ознакомиться с документами около 1000 негосударственных организаций, чтобы выявить несоответствие их работы закону. Согласно Чайке, в результате проверок было обнаружено, что в 2010–2013 гг. 215 российских НКО получили в качестве финансирования из-за рубежа около 6 млрд рублей. Прокуроры обнаружили, что 22 организации из числа прошедших проверку должны быть немедленно включены в реестр как иностранные агенты. Эти 22 организации получили за три года более 800 млн рублей из иностранных

⁴ Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://генпроц.gov.ru/genprokuror/appearances/document-83568/>.

источников. В то же время они участвовали в подготовке и освещении выборов, проводили публичные мероприятия и подготавливали черновики законопроектов, но не намеревались регистрироваться в качестве агентов. Чайка отметил, что, по его мнению, все эти организации заняли «выжидательную позицию»: либо приостановили «политическую деятельность», либо продолжают ею заниматься, но не получают зарубежные средства и, таким образом, нарушают закон. В качестве примера он упомянул «Мемориал» и «Голос», которые для того, чтобы избежать получения статуса иностранного агента, создали разветвленную структуру из 63 отдельных юридических лиц. Среди других способов избежать регистрации Чайка упомянул «сложные финансовые схемы», когда иностранные деньги получает физическое лицо, а не организация, и тогда она не может быть внесена в реестр. Чайка подчеркнул, что работа НКО не является прозрачной для российского правительства, что она влияет на публичные интересы и саму идею национальной безопасности, и потому он предложил усилить контроль за НКО и третьим сектором. В числе инициатив Генерального прокурора – запрет для иностранных агентов на участие в работе государственных и муниципальных структур, обеспечение проведения ежегодных и внеплановых проверок некоммерческих организаций (этот пункт позже был добавлен в закон), наделение правоохранительных органов правом получать информацию, содержащую банковскую тайну.

В целом доклад Чайки имел обличительный характер, однако его автор забыл упомянуть значительное число процедурных и административных нарушений со стороны прокуроров, дискриминацию и оскорбительное поведение в отношении работников некоммерческих организаций, а также другие факты неуважения и непрофессионализма, которые сотрудники исполнительной власти демонстрировали во время проверочных мероприятий. Многие организации, прошедшие проверки, обжаловали не только их результаты (представления и предостережения районных прокуратур), но и саму процедуру их проведения.

Примерно в то же время одна из некоммерческих организаций подала заявку на внесение в реестр, создав таким образом первый прецедент работы «закона об иностранных агентах». Этой организацией стало некоммерческое партнерство «Содействие развитию конкуренции в странах СНГ» (вошло в реестр 18 июня 2013 г.), статус которого не слишком ясен. Организация была создана по инициативе Федеральной антимонопольной службы и включала в основном юристов, работающих в сфере антимонопольного законодательства

в Украине, Беларуси, России и Армении. Технически партнерство было так называемым *GONGO* (*government-organized non-governmental organization*).

В июне 2014 г. Владимир Путин подписал закон, наделяющий Министерство юстиции правом вносить некоммерческие организации в реестр иностранных агентов без решения суда⁵.

Согласно мнению правозащитников, работающих в этом поле, и представителей самих НКО, данный закон был (и остается) дискриминирующим и, кроме того, препятствует осуществлению профессиональной деятельности упомянутыми организациями. Изначально не была прописана процедура выхода из реестра, и организации, однажды внесенные в него, должны были оставаться в нем вечно независимо от того, продолжают они или нет получать иностранное финансирование и/или осуществлять «политическую деятельность». Процедура выхода из реестра оказалась представлена в Государственной Думе в рамках законопроекта, инициированного Президентом Российской Федерации, только в феврале 2015 г. По новым правилам, чтобы выйти из реестра организаций, выполняющих функции иностранного агента, НКО должна подать специальное заявление в Министерство юстиции. Далее органы исполнительной власти проводят внеплановую проверку, цель которой – выяснить, действительно ли НКО прекратила действовать как иностранный агент. В результате организация может быть исключена из реестра, но никаких гарантий не существует. НКО будет исключена из реестра (точнее, она останется в реестре, но появится пометка о прекращении исполнения функций иностранного агента) в том случае, если она не получала иностранное финансирование и/или не осуществляла «политическую деятельность» в течение года до того, как было подано заявление в Министерство юстиции.

«Политическая деятельность» как юридический термин – это еще один камень преткновения и повод для дебатов вокруг «закона об иностранных агентах». С одной стороны, закон дает более или менее ясное определение того, какие виды активности следует относить к политическим. С другой стороны, большинство организаций, прошедших проверки и получивших предписание войти в реестр иностранных агентов, не были вовлечены в политическую деятельность. Среди наиболее курьезных примеров «политической деятельности» – петиция о сокращении рыболовного сезона, презентация книги,

⁵ Федеральный закон от 04.06.2014 № 147-ФЗ «О внесении изменений в статью 32 Федерального закона “О некоммерческих организациях”». Принят Государственной Думой 23 мая 2014 г., одобрен Советом Федерации 28 мая 2014 г.

круглые столы, конференции и т.п. Один из наиболее вопиющих случаев — *Муравьевский парк устойчивого природопользования* (Амурская область), который был включен в реестр иностранных агентов из-за петиции о закрытии весеннего охотничьего сезона, адресованной губернатору Амурской области и размещенной на официальном сайте организации.

Многие НКО опротестовывали действия прокуроров во время проверок весной 2013 г. Кроме того, в Конституционный суд Российской Федерации поступил запрос о проверке конституционности «закона об иностранных агентах», инициированный *Костромским центром поддержки общественных инициатив*. Запрос был рассмотрен на заседании 8 апреля 2014 г. Решение по этому делу показывает, что Конституционный суд отказался признать закон неконституционным. В то же время суд ограничил понимание термина «политическая деятельность»: в случаях, когда устав или другие организационные документы не содержат никаких целей, связанных с политикой, организация не может быть названа политической, даже если своими действиями она выражает критическую позицию в отношении органов государственной власти и формирует соответствующее общественное мнение. Суд также уточнил, что для признания организации иностранным агентом необходимо, чтобы политические цели декларировали не только члены НКО в индивидуальном и частном порядке, но вся организация в целом⁶.

Среди первых организаций, которые были включены в реестр иностранных агентов:

- *«Голос»*, движение в защиту прав избирателей. В апреле 2013 г. суд оштрафовал *«Голос»* на 300 тыс. рублей, а также назначил штраф исполнительному директору *«Голоса»* Лилии Шибановой в размере 100 тыс. рублей за невхождение в реестр. Осенью 2013 г. лидеры организации попытались начать процесс трансформации организации в другую юридическую форму — общественное движение, — но не имели в этом успеха. Решение суда было отменено, но статус иностранного агента остался в силе: *«Голос»* по-прежнему находится в реестре иностранных агентов, а региональные отделения организации

⁶ Постановление Конституционного суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона “О некоммерческих организациях”, части шестой статьи 29 Федерального закона “Об общественных объединениях” и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда “Костромской центр поддержки общественных инициатив”, граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смирнского и В.П. Юкечева». Полный текст решения: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/536432/>.

(«Голос-Урал» и «Голос-Поволжье») были внесены в реестр в феврале и июле 2015 г.

• *Костромской центр поддержки общественных инициатив* стал второй организацией, включенной в реестр, после «Голоса». Суд оштрафовал *Костромской центр* на 300 тыс. рублей и его исполнительного директора Александра Замарянова еще на 100 тыс. рублей за нарушение федерального закона. Прокуроры усмотрели политическую деятельность в организации круглого стола «Перезагрузка перезагрузки: куда движутся российско-американские отношения?» с участием представителей российских и американских властей, включая Говарда Соломона, заместителя министра-советника по политическим вопросам посольства США в России (28 февраля 2013 г.). В июне 2014 г. организация была внесена в реестр. В июне 2015 г. *Центр* был исключен из реестра с формулировкой «организация прекратила выполнение функций иностранного агента».

• *Автономная некоммерческая организация «Центр социальной политики и гендерных исследований»* (Саратов) была включена в реестр 5 июня 2014 г. по решению Кировского районного суда города Саратова. В качестве политической деятельности прокуроры признали исследовательский проект «Пересмотр социальной политики на постсоветском пространстве: идеологии, акторы и культуры» и публикацию книги «Критический анализ социальной политики на постсоветском пространстве» в апреле 2013 г. Процесс внесения организации в реестр сопровождался одной из самых грязных пиар-кампаний в истории «закона об иностранных агентах»: Павел Романов, известный российский социолог и один из основателей *Центра*, скончался после продолжительной болезни. Российские медиа не гнушались использовать заголовки вроде «Российский ученый умер после попадания в список “иностранцев”» и спекулировать на его смерти для того, чтобы создать шокирующий и скандальный материал⁷. *Центр* был исключен из реестра в мае 2015 г. по причине прекращения деятельности и последующей ликвидации.

Продолжительная история применения «закона об иностранных агентах» позволяет обобщить опыт НКО, внесенных в реестр или готовящихся к попаданию в него, и сформулировать некоторые тезисы о том, каково быть иностранным агентом в России.

⁷ В качестве примера: <http://www.article20.org/ru/news/rossiiskii-uchenyi-umer-posle-popadaniya-v-spisok-inostrannyh-Vxz3WzCLTIU> или <http://politsovet.ru/45383-rossiyskiy-uchenyi-umer-posle-popadaniya-v-spisok-inostrannyh-agentov.html>.

2. Быть иностранным агентом

Все стратегии «выживания» под давлением «закона об иностранных агентах» могут быть разделены на две группы: первая – стратегии до попадания в реестр; вторые – стратегии внутри реестра организаций, выполняющих функции иностранного агента.

А. Стратегии организаций до попадания в реестр иностранных агентов

А1. Подать заявление в Министерство юстиции Российской Федерации и зарегистрироваться в качестве агента на добровольной основе

В случае, если руководство организации принимало решение зарегистрироваться в качестве иностранного агента, НКО могла избежать прокурорского «расследования» и сократить финансовые издержки, которые неотвратимо наступали для тех организаций, которые, по мнению правоприменителей, нарушали федеральный закон, «уклоняясь» от вхождения в реестр. Среди негативных последствий такого решения – «пятно» на репутации и утрата солидарности, возникшей внутри третьего сектора в связи с принятием «закона об иностранных агентах» и выражающейся в единодушном сопротивлении ему. Кроме того, ярлык «иностраный агент» в некоторых случаях может препятствовать продолжению профессиональной активности (особенно если речь идет о работе с муниципальными, городскими и государственными учреждениями). Такие организации, как уже было упомянуто выше, имеют более сложную отчетность и могут быть проверены прокуратурой по жалобе любого гражданина.

Среди организаций, вошедших в реестр добровольно, – *Союз молодых политологов* (Карачаево-Черкесия, 15 декабря 2014 г.), *Новосибирский областной общественный фонд «Фонд защиты прав потребителей»* (Новосибирск, 17 апреля 2015 г.), *Ефремовский районный союз промышленников и предпринимателей* (Тула, 28 мая 2015 г.) и другие.

А2. Продолжать работу в обычном режиме

Любая организация после вступления в силу «закона об иностранных агентах» могла продолжать свою работу в штатном режиме. Это означает, что руководство НКО не принимало решения о создании другого юридического лица, не отказывалось от получения иностранных грантов или не меняло повестку дня организации, но и не планировало подавать заявление о регистрации в качестве иностранного агента. Многие из организаций, которые избрали такую стратегию,

пребывают в состоянии тотальной неопределенности, поскольку могут быть в любой момент проверены прокуратурой, внесены в реестр Министерством юстиции или оштрафованы районным судом. Никто из них не уверен, как еще может измениться «закон об иностранных агентах», поправки к которому принимались несколько раз со времени его подписания три года назад.

Среди организаций, долгое время продолжавших работу в штатном режиме, — *Центр независимых социологических исследований* (Санкт-Петербург), внесенный в реестр 22 июня 2015 г. и оштрафованный в общей сумме на 325 тыс. рублей.

А3. Прекратить любые финансовые контакты с иностранными фондами и донорами

В случаях, когда для НКО важно сохранить репутацию и не «испортить поле», если она сфокусирована на работе в России (особенно с местной властью, профсоюзами и т.п.), организация может выбрать стратегию прекращения финансовых контактов с иностранными фондами и грантодателями. Часто это ставит под угрозу само существование НКО, поскольку найти спонсоров в России по-прежнему достаточно сложно.

Так, в интервью «Интерфаксу» известная правозащитница Людмила Алексеева сказала, что *Московская Хельсинкская группа* отказывается от иностранного финансирования с момента принятия «закона об иностранных агентах»⁸.

В. Стратегии «внутри» реестра

Любая организация, однажды нашедшая себя в реестре иностранных агентов, вынуждена ответить на три следующих вопроса:

- Собираемся ли мы продолжать свою работу?
- Готовы ли мы прервать финансовые (и даже профессиональные) контакты с иностранными фондами и партнерами и начать поиск других возможностей в России (в форме участия в состязаниях за муниципальные, региональные или государственные гранты или организовав поиск поддержки среди российских бизнесменов)?
- Будем ли мы изменять существующие профессиональные цели и повестку дня?

В зависимости от ответов на эти вопросы организации могут реализовывать один из следующих сценариев.

⁸ Больше информации: <http://www.interfax.ru/russia/255499>.

В1. Отказаться от иностранных денег и предпринять попытку выйти из реестра организаций, выполняющих функции иностранного агента

Когда процедура выхода из реестра иностранных агентов была прописана в законе, некоторые НКО попытались осуществить ее и были успешны. В то же время не все организации, отказавшиеся от иностранных денег для выхода из реестра, смогли найти замещающее финансирование в России, что поставило под угрозу и благополучие сотрудников таких НКО, и работу над текущими проектами.

Среди успешных примеров организаций, избравших подобную стратегию, — центр «ГРАНИ» (Пермь), основанный в 2007 г. Центр был внесен в реестр в феврале 2015 г., но смог доказать в суде, что закон не был нарушен. В итоге «ГРАНИ» не были оштрафованы и покинули реестр в июне 2015 г. Уже упоминавшийся *Костромской центр поддержки общественных инициатив* покинул реестр в июне 2015 г., но штрафы для организации (300 тыс. рублей) и ее руководства (100 тыс. рублей) не были отменены. «Солдатские матери» (правозащитная организация, основанная в 1991 г.) была внесена в реестр в августе 2014 г. В то время данная НКО уже не получала деньги из иностранных источников. На этом основании «Солдатские матери» покинули реестр в октябре 2015 г.

В2. Создать новую «чистую» организацию или реорганизоваться в другую юридическую форму

В случаях, когда для организации важно «остаться чистой», ее руководство может принять решение о создании нового юридического лица. Однако местные власти относятся к таким организациям с осторожностью. Есть гипотеза, что со временем иностранные агенты будут законодательно исключены из всех существующих государственных программ поддержки НКО (в том числе из президентских и государственных дотационных программ). Если новая организация носит то же имя, что и старая, регистрируется по тому же юридическому адресу и в составе управляющего органа имеет те же лица, что и прежняя, высока вероятность, что и она попадет в реестр. Это касается в первую очередь тех организаций, которые решили перерегистрироваться в формы, попадающие под действие закона о некоммерческих организациях (АНО, РОО и другие). В случаях, когда НКО перерегистрируется в коммерческую структуру, у нее могут возникнуть сложности с получением денежных средств, поскольку не все российские и иностранные фонды имеют право жертвовать коммерческим организациям.

Например, региональная организация «*Нуори Карьяла*» («*Молодая Карелия*», Петрозаводск), созданная в 1994 г. и работающая в сфере сохранения культуры и коренных языков карелов, вепсов и финнов, получила статус иностранного агента в июне 2015 г. после внеплановой проверки управления Министерства юстиции. В августе 2015 г. «*Нуори Карьяла*» приняла решение о прекращении деятельности. Команда ликвидированной организации почти в полном составе вошла в состав сотрудников нового юридического лица (зарегистрировано в январе 2016 г.) — *Карельской республиканской общественной организации «Центр поддержки коренных народов и общественной дипломатии “Молодая Карелия”»*.

Некоторые юридические формы позволяют организациям не попадать под действие «закона об иностранных агентах». В этом смысле закон не работает для общественных движений, однако процесс реорганизации в таком случае достаточно сложен. Создание сети из различных организаций отчасти решает проблему с финансовыми потоками и законодательным преследованием, в то же время такие НКО сложны в управлении. Организация может столкнуться с проблемой, когда несколько административных производств и судебных процессов ведутся одновременно в отношении разных департаментов и/или юридических лиц, что требует значительных человеческих и финансовых ресурсов.

«*Российская ЛГБТ-сеть*», прошедшая прокурорскую проверку в марте 2013 г., не была внесена в реестр иностранных агентов или оштрафована, поскольку является общественным движением, а «закон об иностранных агентах» не распространяется на такой тип юридических лиц.

В3. Закрывать организацию и/или прекратить работу

Многие организации оценивают внесение в реестр как присвоение позорного ярлыка. Они выражают свое нежелание продолжать работу в сложившихся в России условиях и начинают процесс ликвидации организаций. Иногда он осложняется текущими судебными процессами и наложенными штрафами. К сожалению, такая стратегия — одна из наиболее популярных. Часто организации не подают документы в соответствующие органы и просто прекращают работу.

Наиболее яркий пример подобного сценария — «*Династия*», фонд Дмитрия Зимина, который был признан иностранным агентом в мае 2015 г. В июне того же года суд оштрафовал организацию на 300 тыс. рублей (за отказ от регистрации в качестве иностранного агента). В июле руководство фонда заявило о прекращении всех проектов

и ликвидации организации. Полностью «*Династия*» прекратила свою работу в октябре 2015 г. Та же судьба постигла «*Фонд “Среда”*», основанный сыном Дмитрия Зими́на Борисом. В июле 2015 г. эта НКО также была признана иностранным агентом. «*Среда*» занималась в основном поддержкой независимых СМИ, организацией публичных лекций и проектов, способствующих популяризации науки.

В4. Создать НКО за рубежом

В случаях, когда НКО создает «дублера» или партнерский центр за пределами Российской Федерации, существует надежда, что работа в России может быть продолжена в штатном режиме и российская НКО избежит правового преследования и ограничений в профессиональной деятельности. В то же время поправки к Федеральному закону «О некоммерческих организациях» требуют, чтобы любые финансовые вливания в НКО, превышающие 200 тыс. рублей, были дополнительно проверены органами исполнительной власти независимо от происхождения денежных средств. Это означает, что и профессиональные, и финансовые контакты с зарубежными партнерами также оказываются под угрозой.

В5. Продолжить работу в статусе иностранного агента

Многие организации продолжают работу со статусом иностранного агента и не предпринимают попыток реорганизоваться или выйти из реестра. Они не создают дополнительных юридических лиц, поскольку в условиях неопределенности не могут выбрать ни одну из рассмотренных стратегий или изобрести другую. Многие из них ограничены в ресурсах: каждый из сценариев, даже ликвидация организации, требует привлечения значительного числа финансовых средств, а также людей, которые будут заниматься развитием, реорганизацией НКО или отстаиванием ее интересов в суде. Единственный путь для них – продолжать работать и надеяться, что ситуация изменится. Кроме того, им приходится выбирать, будут ли они оспаривать решение Министерства юстиции и назначенные судами штрафы или нет. Обращение в суд требует значительных финансовых и временных инвестиций и не гарантирует, что дело увенчается успехом (например, будут отменены решения судов по поводу назначения штрафов за отказ от регистрации в качестве иностранного агента). Другой путь – оплатить назначенные штрафы (и, к сожалению, ожидать новых).

«*Гражданский контроль*», петербургская правозащитная организация, была внесена в реестр в декабре 2014 г. Она основана в 1993 г. группой правозащитников, журналистов и адвокатов. Целью

организации было (и остается) создание гражданского контроля над активностью правоприменителей для предотвращения нарушения прав людей. «Гражданский контроль» обратился в суд (в настоящее время дело находится на рассмотрении в Верховном суде Российской Федерации), но в то же время получил штраф от пожарного надзора. Как недавно написала Елена Шахова, директор организации, на своей странице в социальной сети «Фейсбук», преследования продолжаются, и сотрудники Федеральной службы безопасности приглашают Елену «на разговор». Центр независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) обжаловал решение мирового судьи О.Н. Камальдинова, принятое в июне 2015 г., сначала в Куйбышевском районном суде, а потом — в Санкт-Петербургском городском суде. Наконец, в апреле 2016 г. Верховный суд Российской Федерации отменил решение о назначении штрафа в 300 тыс. рублей и прекратил производство по делу.

Вб. Ликвидация НКО в судебном порядке

В феврале 2016 г. суд произвел новый сценарий, который может возникнуть для организации — иностранного агента. К сожалению, это нельзя назвать стратегией руководства организации, поскольку в таком случае НКО практически полностью лишается субъектности, однако подобный вариант развития событий не может не быть упомянут. Верховный суд Республики Татарстан ликвидировал правозащитную ассоциацию «АГОРА» 10 февраля 2016 г. «АГОРА» была внесена в реестр в июле 2014 г. До и после попадания в реестр сотрудники «АГОРЫ» помогали организациям, столкнувшимся с неправовым осуществлением прокурорских проверок весной 2013 г., а также обжаловали предписания прокуратуры и Министерства юстиции в судах всех уровней. Эта помощь (фактически — профессиональная деятельность сотрудников «АГОРЫ») была рассмотрена как противодействие прокуратуре и политическая деятельность. Сотрудники организации продолжают работать, однако юридического лица «Межрегиональная Ассоциация правозащитных общественных объединений “АГОРА”» больше не существует.

3. Последствия

Помимо того что иностранные агенты облагаются более значительным «отчетным бременем», чем все другие типы некоммерческих организаций — и это можно называть дискриминацией в легальном поле, — они находятся под действием других последствий, вызванных принятием этого закона.

Общественное мнение

и символический смысл ярлыка «иностранный агент»

К сожалению, у меня не было возможности протестировать гипотезу о том, как российские граждане относятся к иностранным агентам, но я приведу данные опроса, проведенного *«Левада-центром»* в октябре 2012 г. Сотрудники *«Левада-центра»* опросили 1600 граждан, и основной вопрос, который они задавали, — «Что, по-вашему, значит сочетание “иностранный агент”?»

Ответы россиян демонстрируют негативную оценку формулы «иностранный агент»: 62% опрошенных ответили, что иностранный агент — это «шпион, представитель иностранных спецслужб, агент, работающий под прикрытием», или «скрытый внутренний враг, действующий в России в интересах других стран, пятая колонна»⁹.

«Юристы за гражданское общество» описывают множество случаев, когда Министерство юстиции получает жалобы от граждан, заявляющих, что такие организации, как *«Голос»* или уже упомянутый *«Левада-центр»*, работают как иностранные агенты и должны быть включены в соответствующий реестр, поскольку получают иностранное финансирование и вовлечены в политическую деятельность.

Термин «иностранный агент» стал частью словаря ненависти наряду с «пятой колонной», «врагом народа», «шпионом» и «нацпредателем». Негативные коннотации активно продвигаются в медиа. Новая волна обсуждения иностранных агентов возникла после принятия «закона о нежелательных организациях»¹⁰. Одной из самых значительных фигур на ниве государственной пропаганды остается Дмитрий Киселев и его ТВ-шоу, «обнажающее» весь вред, который эти организации (российские иностранные агенты, а также институты и фонды, вошедшие в реестр нежелательных организаций) причиняют стране и гражданам.

Финансовые издержки и затраты времени

Наконец, наряду с символическими эффектами ношения ярлыка «иностранный агент» существует ряд специфических последствий, связанных с затратами времени, денег и бессмысленного использования человеческих ресурсов. Написание дополнительных отчетов

⁹ К сожалению, данные были удалены с официального сайта «Левада-центра», но по-прежнему доступны в аналитической записке № 101 от 2 ноября 2012 г.: <http://www.memo.ru/uploads/files/994.pdf>.

¹⁰ Федеральный закон от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

для Министерства юстиции, бесконечное копирование первичной бухгалтерской документации, участие сотрудников во внеплановых проверках НКО, судебные процессы (иногда несколько параллельных процессов против организации в целом и против ее официального руководства в судах разных уровней, географически удаленных друг от друга) требуют от организации привлекать дополнительные ресурсы и нести определенные издержки. Средняя рыночная стоимость аудита, который стал обязательным для иностранных агентов, варьируется от 30 до 520 тыс. рублей (в зависимости от региона и характеристик организации). Иностранные агенты оплачивают аудит из собственного бюджета. Размеры штрафов, назначенных судами разных уровней для НКО, которые отказались добровольно регистрироваться в реестре иностранных агентов, варьируются от 200 до 900 тыс. рублей. Если все организации, которые были оштрафованы, выплатят эти суммы, бюджет пополнится на 31 млн рублей.

Осторожность и самоцензура

Угнетающая атмосфера и необходимость быть осторожными возникла в третьем секторе с момента вступления «закона об иностранных агентах» в силу. Организации для обеспечения собственной безопасности должны были отказаться от «неудобных» и «сензитивных» тем, частично сократить или полностью прекратить работу в некоторых направлениях. Самоцензура (и в каком-то смысле паранойя) производится внутри самих НКО и после вступления в силу закона о «нежелательных организациях»: теперь любое упоминание фондов, чья работа запрещена на территории России, может привести к непредсказуемым (но всегда негативным) последствиям. Публикация информации о текущем положении дел (например, о судебном оспаривании решений Министерства юстиции) может не столько помочь, сколько навредить НКО. Каждый сотрудник организации – иностранного агента – вынужден быть осторожным в публичных высказываниях, поскольку его персональная позиция может быть расценена как позиция организации в целом. Попытки создать свод правил внутренней коммуникации и некоторый «кодекс» общения с внешними структурами породили практику отключения телефонов на важных встречах, контроля содержания рабочей и личной электронной почты и т.п. Некоторые организации взяли на вооружение автоматические подписи к электронным сообщениям следующего содержания:

«[Организация] уведомляет, что вся переписка, направленная с корпоративной электронной почты, принадлежащей от правителю, в том числе данное электронное письмо, является

конфиденциальным (на основании статей 6, 9, 16, 17 ФЗ от 27.07.2006 № 149 “Об информации, информационных технологиях и защите информации” и статей 7, 24 ФЗ от 27.07.2006 № 152 “О персональных данных”) и содержит информацию ограниченного доступа, на которую распространяется в соответствии со статьями 4, 6.1, 10, 14 ФЗ от 29.07.2004 № 98 “О коммерческой тайне” режим коммерческой тайны, не подлежащую разглашению. Если Вы не являетесь надлежащим адресатом, то настоящим Вы уведомлены, что любое раскрытие, копирование, распространение или использование содержания этого сообщения строго запрещено. Если Вы получили это сообщение по ошибке, пожалуйста, поставьте нас в известность об этом немедленно, ответив на это письмо, и затем удалите его из своей системы. Спасибо!»

Неопределенность

С 2012 г. «закон об иностранных агентах» был несколько раз изменен. После того как Министерство юстиции получило право внести организации в реестр без решения суда и после того как была описана процедура выхода из реестра, мы продолжаем ждать новых поправок к закону. Последние поправки о (пере)определении политической деятельности были приняты в апреле 2016 г.¹¹ Теперь официально любое публичное обнародование результатов социологических опросов и исследований является политической деятельностью. Неопределенность – это то, что заставляет организации, попавшие в реестр, страдать наиболее серьезно: руководство НКО не способно планировать долгосрочную стратегию развития организации и даже принимать тактические решения, поскольку не существует понимания об их последствиях. Контекст меняется слишком стремительно и непредсказуемо, чтобы организации – иностранные агенты – могли оставаться уверенными в будущем.

Кооперация и партнеры

В условиях нарастающей неопределенности в правовом поле, а также недружелюбия (и даже враждебности) в отношении иностранных агентов растет риск разрушения профессиональных контактов и партнерских связей. Никто не хочет быть вовлеченным в «дело об иностранных агентах», поскольку всегда существует риск, что

¹¹ 20 апреля 2016 г. законопроект № 1000884-6 «О внесении изменений в пункт 6 статьи 2 Федерального закона “О некоммерческих организациях” в части уточнения понятия политической деятельности» был принят Государственной Думой в первом чтении. Его дальнейшая судьба решается.

«репутационное пятно» организации из реестра затронет и ее партнеров. Информанты отказываются участвовать в исследованиях и давать интервью, партнеры хотят закончить текущие проекты и не планируют организовывать новые. Стратегия дистанцирования от иностранных агентов связана не столько с порицанием или подозрительностью, сколько с тем, что такие организации могут перестать выглядеть как надежные партнеры: поскольку они всегда находятся в опасности быть оштрафованными или (после прецедента в Татарстане) ликвидированными по суду, есть вероятность, что совместные проекты не будут завершены в силу внешних причин. Немногие организации готовы принимать этот риск. Те из них, кто готов продолжать сотрудничество (особенно иностранные фонды), ввели практику подписания специальных гарантийных писем.

4. Некоторые выводы и перспективы

В своем эссе я планировала описать контекст и правила, в которых иностранные агенты находятся, осуществляя свою рутинную работу. На сегодняшний день в реестре организаций, выполняющих функции иностранного агента, насчитывается 147 организаций, но эта цифра может стремительно меняться, поскольку Министерство юстиции и прокуратура продолжают активно работать в сфере применения «закона об иностранных агентах»¹². Число организаций в реестре — один из аргументов сторонников закона. В России зарегистрировано около 225 тыс. некоммерческих организаций, и только 147 из них находятся в реестре. По мнению сторонников закона, это малое, но необходимое зло, которое должно быть под пристальным вниманием органов исполнительной власти. Логика, подразумевающая, что «агенты» играют по правилам их иностранных «хозяев», вызывает во мне стойкое отвращение. Я верю, что организации, внесенные в реестр, представляют собой наиболее активную и развитую часть российского третьего сектора и провели значительную работу для формирования гражданского общества в России. В своем эссе я пыталась показать это.

«Закон об иностранных агентах» имеет трехлетнюю историю. Организации, попавшие под его действие, изобрели различные стратегии выживания, но не всегда были успешны: многие из них прекратили свою работу, были признаны банкротами или ликвидированы, другие вынуждены большую часть времени и ресурсов тратить

¹² По данным сайта Министерства юстиции, раздел — «Реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента»: unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx (дата обращения: 09.08.2016).

на отстаивание своей позиции в российских судах. В добавление к административным штрафам, которые могут быть наложены как на организацию, так и на ее руководящих лиц, мы имеем новую поправку в законе, предполагающую уголовную ответственность за «злостное нарушение закона» (непредоставление или ненадлежащее предоставление отчетной документации и др.) – тюремное заключение до двух лет (ст. 330.1 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Я использую слово «выживание» сознательно, чтобы подчеркнуть те трудности, которые производит «закон об иностранных агентах» для осуществления профессиональной активности организаций, попавших под его действие. Говоря о перспективах (и закона, и стратегий выживания), я могу добавить следующее. Применение закона постоянно расширяется: в феврале 2016 г. Министерство юстиции внесло в реестр центр «Сибальт». Последние 20 лет эта НКО работала как социально ориентированная организация, реализующая программы и проекты, направленные на профилактику ВИЧ-инфекции и информирование населения о СПИДе. Формальными причинами внесения в реестр были публикация и распространение ЛГБТ-брошюры «Права человека в России». Вопрос состоит только в том, кто следующий войдет в реестр и что еще может быть рассмотрено как «политическая деятельность».

После принятия Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении поправок к «закону об иностранных агентах» понятие «политическая деятельность» официально пополнилось формулировкой:

«5) осуществление деятельности, направленной на формирование общественно-политических взглядов и убеждений, в том числе путем проведения и обнародования опросов общественно-го мнения или иных социологических исследований» (п. 6 ст. 2. ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»).

Очевидно, что такая формулировка закона «загоняет» социологов и других исследователей в рамки государственных институтов. Принимая во внимание практику применения «закон об иностранных агентах», нельзя сказать, что социальные исследователи, работающие в некоммерческих организациях, имеют стабильное будущее в России.

Несмотря на явно дискриминационную природу закона, он принес в третий сектор солидарность и рефлекссию. Сегодня «быть иностранным агентов» означает, что вы действительно имеете определенные достижения и распознаетесь как профессионал в своей сфере и опасный оппонент, который должен быть обезврежен. Можно сказать, что наряду с очерняющими названиями иностранных

агентов – вроде «пятой колонны», «нацпредателя», «шпиона», «грантососа» и даже «врага народа» – этот ярлык стал своего рода знаком качества и маркером принадлежности к сплоченному, профессиональному и борющемуся сообществу.

Источники

1. Аналитическая записка № 101 от 02.11.2012 «Результаты исследования “Левада-центра” восприятия слов “иностраннный агент” и “политическая деятельность” применительно к деятельности российских НКО». URL: <http://www.memo.ru/uploads/files/994.pdf>.

2. Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-83568/>.

3. Законопроект № 1000884-6 «О внесении изменений в пункт 6 статьи 2 Федерального закона “О некоммерческих организациях”».

4. Постановление Конституционного суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона “О некоммерческих организациях”, части 6 статьи 29 Федерального закона “Об общественных объединениях” и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда “Костромской центр поддержки общественных инициатив”, граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева».

5. Сайт Министерства юстиции РФ, раздел «Реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента». URL: unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx.

6. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.06.2016, с изм. от 03.07.2016) «О некоммерческих организациях».

7. Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента».

8. Федеральный закон от 04.06.2014 № 147-ФЗ «О внесении изменений в статью 32 Федерального закона “О некоммерческих организациях”».

9. Федеральный закон от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Проблемы интеграции иммигрантов во Франции и России: когда политический курс обречен на провал?

Аннотация

Данная работа посвящена изучению вопросов, связанных с иммиграционной и интеграционной политикой во Франции и России. Анализ, проведенный сквозь призму концепции коалиций поддержки П. Сабатье – Х. Дженкинса-Смита, позволяет ответить на один из важнейших вопросов: можем ли мы говорить о наличии единого политического курса в изучаемых сферах или же принимаемые меры носят ситуационный характер.

Abstract

This paper is dedicated to the study of the French and Russian policy in the field of Muslims' integration in 2000–2015. There were 2 main laws in the case of France which were passed in that period and which had been influencing on the status of representations of different religions, particularly of Muslims.

This paper elucidates the adoption of the laws: was it a unified political course or only two distinction measures which did not link with each other. The attempt has been made to study these laws in the advocacy coalitions framework of P. Sabatier and H. Jenkins-Smith's.

That research helps us to give an answer to the main question: why the French policy in the sphere of integration did not effective. Moreover, it is carried out a parallel with the Russian policy in the similar sphere.

С начала 2010-х гг. Россия и Франция столкнулись со сходными проблемами, которые стали возможны по причине неэффективной иммиграционной и интеграционной политики государств. Растущая иммиграция принесла с собой ряд сложностей, одна из которых –

¹ Гомелаури Ангелина (gomelauri@yandex.ru) – студентка 4-го курса департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ СПб. Второе место в конкурсе.

нежелание иммигрантов-мусульман² разделять гражданские ценности принимающего общества. Данная проблема становится с каждым годом острее, заголовки в СМИ громче, а общество к представителям ислама нетерпимее. Поэтому в данной работе мы уделим внимание рассмотрению проблемы интеграции иммигрантов во Франции и России и ответим на важный исследовательский вопрос: почему политика данных стран в сферах иммиграции и социализации иммигрантов не является эффективной?

В нашем исследовании мы решили применить концепцию коалиций поддержки (*advocacy coalitions framework*) Поля Сабатье – Хэнка Дженкинса-Смита, описывающую не только факторы, ведущие к изменению курса, но и уровни убеждений акторов, выступающих за принятие определенного варианта решения. Ученые выделяют три уровня системы убеждений, которые определяют взгляды акторов на проведение государственной политики, рассматривая политический процесс «как соревнование между коалициями акторов, которые пропагандируют свои убеждения о политических проблемах и их решениях» [2]:

1) «Глубинные сущностные убеждения» (*deep core beliefs*) – «фундаментальные, нормативные и онтологические аксиомы, определяющие видение личности, общества и мира в целом» [3]. Актор смотрит на мир сквозь призму данных убеждений, что обуславливается высоким уровнем их стабильности и достаточной широтой (охватом всех основных сфер жизни человека) [4].

2) Средний уровень представлен «сущностными убеждениями о политическом курсе» (*policy core beliefs*) – «базовыми стратегиями и позициями по поводу политического курса, необходимыми для осуществления глубинных сущностных убеждений в конкретной области политики» [5].

3) «Инструментальные убеждения» (*instrumental policy beliefs*) наименее устойчивы и заключаются в наличии «множества инструментальных решений и механизмов поиска информации, необходимых для имплементации сущностных убеждений о политическом курсе в конкретной области политики» [6], целью которых является достижение запланированного результата в политическом поле (*policy core*).

² Отслеживанию роста числа иммигрантов согласно их религиозной принадлежности, как и определению точного количества мусульман во Франции и России, препятствуют не только законодательные нормы [1], но и огромное число лиц, нелегально проживающих на территории изучаемых стран – представителей Средней Азии в России и арабских стран (преимущественно Магриба) во Франции.

Согласно концепции П. Сабатье – Х. Дженкинса-Смита, существует четыре пути изменения политического курса [7]: это «внешние» и «внутренние» шоки (*external and internal events or shocks*), а также «политико-ориентированное» и «кросс-коалиционное обучение» (*policy-oriented and cross-coalition learning*).

«Внешние шоки» представляют собой события, происходящие за пределами данной политической сферы и тем не менее оказывающие на нее влияние (например, социально-экономические потрясения, изменение правящих коалиций и т.д.) [8]. Важно отметить, что данные события могут не только способствовать изменению убеждений на втором и третьем уровнях, но и, соответственно, привести к изменению главенствующих коалиций. «Внутренние шоки», напротив, происходят в рамках системы (политической сферы), являются результатом сбоев в ее работе и, таким образом, указывают на ее недостатки [9]. «Политико-ориентированное обучение» – длительный процесс, который можно определить как «относительно устойчивый процесс чередования мысли или поведенческих намерений, которые являются результатом [получения] опыта и/или новой информации и которые связаны с достижением или пересмотром политических целей» [10]. Наконец, «кросс-коалиционное обучение» заключается в институционально организованных «профессиональных форумах», в рамках которых коалиции обмениваются информацией и достигают договоренностей [11].

Рассмотрев теорию коалиций поддержки П. Сабатье – Х. Дженкинса-Смита, мы хотели бы затронуть и инкременталистскую модель Ч. Линдблома, которая основана на идее о том, что не-радикальное политическое решение (ряд небольших шагов) принимается не с намерением искоренить проблему в целом, а лишь благодаря тому, что оно способно повлиять на текущее положение дел, внося некоторые положительные изменения [12]. Такое решение зачастую является продуктом компромисса между всеми участниками процесса, в той или иной мере умиротворяя заинтересованные стороны. Важно заметить, что существующий политический курс не терпит особых изменений и через определенный период времени это, как правило, вновь поднимает сходные проблемы в нереформированной сфере.

Рассматривая законодательную базу, можно отметить, что между иммиграционной политикой и интеграционным/ассимиляционным курсом есть определенная корреляция. Чем больше государство ужесточает меры в отношении въезда иностранцев, желающих стать гражданами страны, тем более политика в области социализации

иммигрантов становится ассимиляционной. Для подтверждения данной идеи достаточно обратиться к анализу иммиграционной политики в разные периоды ее проведения и сопоставить ее с государственными мерами, реализуемыми в области политики интеграции/ассимиляции.

На смену социалисту Франсуа Миттерану, отстаивающему мягкую политику в сферах иммиграции и социализации иммигрантов (и боровшемуся по этому вопросу с правым парламентом) [13], в 1995 г. пришел представитель правых сил Жак Ширак, который продержался у власти два срока — до 2007 г. Важно отметить, что в 1997 г. на смену распущенному президентом парламенту избирается новый, где члены левых партий заняли большинство мест, что и обусловило проведение сложной иммиграционной политики: попытки совмещения «законов Паскуа—Дебре» (ограничивавших возможность получения гражданства и ужесточивших иммиграционный контроль) [14] с упрощением въездных формальностей, возможностью получения вида на жительство на основе уважения к частной и семейной жизни, развитием возможности получения убежища и т.д. [15]

В парламентских выборах 2002 г. победили умеренные правые силы, поддерживавшие политику Жака Ширака, что несколько поменяло тон политики, проводимой в сфере иммиграции. 14 октября 2002 г. в своей речи в Труа президент заявил о необходимости развития нового интегративного курса, позволяющего сохранить национальное единство, которое базируется на основных ценностях республики и на данный момент находится под угрозой дискриминации, расизма и многих других не менее актуальных общественных проблем [16]. Для продвижения политики интеграции и решения вышеуказанных проблем Ширак предложил ряд мер, основной среди которых явилось создание и реализация Контракта приема и интеграции (*CAI*), согласно которому иммигрант обязан не только пройти обучение языку (что проверяется с помощью тестов), но и иметь так называемое гражданское образование, куда входит знание основных норм Французской республики (включая идею базовых ценностей французского общества — секуляризма, равенства между мужчиной и женщиной, соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина и пр.), а также получение информации о функционировании государственных институтов [17]. Наконец, нам стоит уделить некоторое внимание и президентскому периоду Николя Саркози, занимавшего данный пост с 2007 по 2012 г. (необходимо отметить, что в 2007 г. также состоялись парламентские выборы, в результате которых победила правоцентристская пропрезидентская

партия «Союз за народное движение», что позволило сделать политический курс в области иммиграционной политики более согласованным). Придя к власти, Саркози заявил о необходимости институционального урегулирования иммиграционно-интеграционной политики: в 2007 г. было создано Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и совместного развития, которое отвечало за деятельность по социализации иммигрантов (языковой, гражданской, предоставлению жилья, возможности трудоустройства и т.д.) [18]. Его создание критиковалось экспертами, поскольку затрагивало вопрос формирования национальной идентичности, который, по их мнению, демократическое государство поднимать не вправе, так как это ведет к «стигматизации иммигрантов» [19]. Также в 2007 г. был обнародован «Закон об иммиграции, интеграции и предоставлении убежища», в котором были прописаны условия въезда и пребывания, возможность получения вида на жительство, гражданства; помимо прочего, данный нормативно-правовой акт закреплял обязательность Контракта (знание языка и гражданских ценностей республики) [20]. Приток тунисских иммигрантов весной 2011 г. заставил принять ряд мер по ограничению иммиграции как на уровне Евросоюза, так и на уровне Франции. К примеру, в 2011 г. был поднят вопрос о реформировании Шенгенского соглашения – говорилось, что массовая нелегальная иммиграция несет общественную угрозу, поэтому государству необходимо иметь возможность временного восстановления пограничного контроля [21]. Кроме того, доклад представителя Министерства иммиграции заставил обратить внимание и на проблему легальной иммиграции, так как ежегодно страна принимает до 200 000 иностранцев и надлежащий уровень интеграции не может быть реализован в полной мере [22]. Наконец, был принят «Закон об иммиграции, интеграции и национальной принадлежности», который ужесточил процесс получения французского гражданства и подчеркнул важность принятия французских общественных и культурных ценностей (история, язык и пр.), знание которых проверяется перед подписанием Хартии прав и обязанностей граждан Франции [23]. Важно отметить, что после того, как в результате президентских выборов 2012 г. к власти пришел социалист Франсуа Олланд, иммиграционная политика претерпела значительные изменения, существенно смягчившись [24], что закономерно привело к увеличению количества иммигрантов как в целом, так и в случае Африки (2011 г. – 101 098 человек, 2013 г. – 109 665 человек) [25].

Если 1980-е гг. прошли во Франции преимущественно под знаком борьбы с расизмом, то в 1990-х можно отметить смещение сути

требований: приверженцы ислама, преимущественно иммигранты из стран Магриба, образовавшие диаспоры на территории Франции, требовали публичного признания высокой роли их религии в жизни французского социума [26]. В 1998 г. было начато крупномасштабное исследование, посвященное роли ислама в государстве [27]. Итогом двухлетней работы стал доклад «Ислам в Республике», в котором отмечалось, что рост числа иммигрантов, желающих стать гражданами Франции, «должен был привести к повторному рассмотрению трех фундаментальных понятий французской республиканской традиции не для того, чтобы их отвергнуть, а, напротив, чтобы подчеркнуть богатства, которые они представляют для нашей страны, — светскость, гражданственность и, наконец, равенство» [28]. Авторы доклада указали на то, что мусульманский платок (в любом его виде) является «символом напряженности между исламом и светскими властями» [29], придав ему, таким образом, большое значение — соответственно, принятые после долгих дискуссий законы (Закон № 2004-228 от 15 марта 2004 г., запрещающий ношение религиозной символики в государственных школах, колледжах и общественных лицах [30] и Закон № 2010-1192 от 12 октября 2010 г., запрещающий ношение паранджи и хиджаба в публичных местах [31]) несли в том числе и показательный характер. Они подчеркивали желание государства защитить вековые ценности (которые, согласно теории П. Сабатье и Х. Дженкинса-Смита, могут быть охарактеризованы как «глубинные сущностные убеждения»). В целом доклад показал, что государству необходимо решить вопрос интеграции мусульман во французское общество, пока с ростом иммиграции проблема не достигла больших масштабов.

В конце 1990-х гг. был сделан ряд попыток по формированию единого мусульманского органа, который бы смог представлять всех верующих перед лицом государства [32]. В результате в 2003 г. образовался двухуровневый (национальный и региональный) Французский мусульманский совет. По замыслу государства, он должен был стать проводником модели «умеренного ислама», что способствовало бы возникновению «светского ислама», при котором религиозная и общественная стороны жизни верующего разделены [33]. Однако вмешательство государства в дела Совета было воспринято радикальными мусульманскими лидерами [34] как попытка взять под тотальный контроль управление исламской общиной. Кроме того, несовпадение формального и неформального лидера привело к расколу Совета [35], что сделало невозможным реализацию данной государственной идеи.

В 2003 г. произошло еще одно немаловажное событие, повлиявшее на политику в области социализации иммигрантов: комиссия по светскости под руководством Бернара Стази представила президенту Жаку Шираку доклад, содержащий ряд рекомендаций по проведению политики лаицизма (то есть «жесткой светскости», которая «выступает против любого проявления религиозности человека в общественном пространстве» [36]) в условиях современных реалий [37]. Ключевой идеей стала необходимость новых законов, которые поддержали бы интегрирование мусульман во французскую общественную жизнь, (так, в частности, нормативный акт, утверждающий принципы светскости в государственных образовательных учреждениях, должен «при всем уважении к свободе совести и к особенностям частных образовательных учреждений, в школах, колледжах и лицеях запретить ношение любой религиозной одежды и любых знаков, свидетельствующих о той или иной религиозной <...> принадлежности» [38]).

Решения комиссии подготовили почву для принятия самого раннего и наиболее важного с символической точки зрения Закона № 2004-228 от 15 марта 2004 г., запрещающего ношение религиозной символики в государственных школах, колледжах и общественных лицеях [39]. 10 февраля 2004 г., через два месяца после ноябрьского доклада Стази, Национальная ассамблея Франции проголосовала за принятие закона о ношении религиозных символов, противоречащих догматам светскости в школах, колледжах и высших учебных заведениях (из 530 голосов 494 «за» при 36 – «против») [40]. Принятие Закона, который должен был положить конец многолетним спорам, вызвало громкую общественную дискуссию. Еще до его одобрения в 2003 г. социальные опросы выявили удивительный парадокс: 49% французов выступали за запрет на ношение мусульманского платка в учебных заведениях, а 45% – полагали, что религиозную одежду запрещать не стоит; для 48% граждан хиджаб стал символом неравноправия полов, подчеркивающим более низкий статус женщины, а 43% не придавали ему этого значения [41]. Таким образом, можно говорить о разделении общества на две практически равные части – соответственно, выбор оставался за государством, которое и сделало его с отсылкой на недопустимость препятствий на пути к приему мусульманами общественных ценностей Франции. Возможно, этому шагу также способствовали массовые выступления исповедующих ислам, начавшиеся в январе 2004 г., когда законопроект был внесен на рассмотрение (митинги прошли в крупных городах страны – Марселе, Лионе, Бордо; только в Париже с протестом вышло более 20 тыс. человек) [42].

Так как проблема была очевидна по своей сути и заключалась не столько в самом вопросе ношения мусульманского платка, сколько в более общем смысле — в отсутствии интеграции иммигрантов-мусульман в светское французское общество, то мы можем говорить о том, что она затрагивала все три уровня убеждений принимающих решение акторов. «Глубинные сущностные убеждения» об идеальной картине сплоченного французского общества не соответствовали, в понимании правых сил, находящихся в этот период у власти, реальности — раздробленность, причиной которой стали иммигранты-мусульмане, не только не желающие отхода от своих культурных и религиозных ценностей, но и прививающие их второму поколению — своим детям, настоящим гражданам Франции, и, более того, пытающиеся вновь смешать церковь и государство, как было более ста лет назад. «Сущностные убеждения о политическом курсе» отражали видение «хорошей» социализационной политики: дети должны принимать и ставить в приоритет ценности французского общества; образовательный процесс способствует формированию взглядов на мир и общество. Инструментальные убеждения же выразились в конкретных принимаемых мерах (то есть на 2004 г.) в Законе, запрещающем ношение религиозной символики в государственных школах, колледжах и общественных лицах. Так как данный Закон стал сигналом о сдвиге политического курса, можно оценить события, которые привели к этому в соответствии с концепцией коалиций поддержки П. Сабатье и Х. Дженкинса-Смита. На наш взгляд, стоит говорить о сложном смещении всех четырех типов пути изменения: внешнего шока, к которому привели теракты 11 сентября 2001 г. и резкий рост мусульманских антисемитских акций в начале 2000-х гг. (нападения на евреев, в том числе в учебных заведениях на школьников, поджоги синагог и т.д.), вызвавшие широкий общественный резонанс и осуждение со стороны французов [43]; внутреннего шока, выражающегося в растущих религиозных требованиях, унижающих полномочия государства и базовые ценности общества (неподчинение старшим по должности женщинам, отказ женщин или их родственников от медицинской помощи мужчин-врачей, желание раздельного обучения подростков и т.д.) [44]; кросс-коалиционного обучения (создание Французского мусульманского совета, который бы мог выступать от лица мусульман Франции и способствовал бы распространению модели «умеренного ислама») [45]; наконец, политико-ориентированного обучения — опыта коррекции интеграционной политики с 1980-х гг., не приводящей к эффективным результатам.

Ранее мы уже затрагивали идею инкременталистской модели Ч. Линдблома: дальнейшие действия власти так и не переросли в полноценный ассимиляционный курс и выразились лишь в ряде слабых мер, дающих кратковременное улучшение, которые не смогли изменить ситуацию в целом.

На смену Жаку Шираку пришел Николя Саркози, также разделяющий взгляды правых. Это сделало возможным принятие двух других знаковых законов – Закона № 2010-1192 от 12 октября 2010 г., запрещающего ношение паранджи и хиджаба в публичных местах [46], и Закона от 16 сентября 2011 г. о запрете молитв на улицах Парижа [47], чему предшествовал ряд событий – в частности, жестко подавленные иммигрантские волнения ноября 2007 г. (менее значительные, чем беспорядки октября-ноября 2005 г., но также показательные) [48]. Принятию первого закона, который подчеркнул поворот в сторону ассимиляционной политики, предшествовали многолетние общественные споры [49] – проблема частных (в университетах, организациях и т.д.) запретов на ношение хиджаба влекла за собой регулярные судебные процессы и требовала решения, которое было найдено политическими элитами в соответствии с их убеждениями по поводу политического курса. Закон был одобрен обеими палатами парламента Франции, а также проверен Конституционным советом и рассмотрен Европейским судом по правам человека, который не выявил противоречий между статьями закона и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [50]. 2 марта 2011 г. к нему был добавлен Циркуляр [51], разъясняющий причину принятия закона: «скрытое лицо подрывает минимальные требования к жизни в обществе. Оно также ставит тех, кто это совершает, в условия отчуждения и неполноценности, несовместимые с принципами свободы, равенства и человеческого достоинства, установленные во Французской республике. Республика живет открыто, потому что она основана на объединении вокруг общих ценностей и построении общей судьбы, она не может принять исключение и отказ от данной практики независимо от предлога или условий» [52]. Таким образом, Циркуляр отражает главную идею политики ассимиляции – единое общество, базирующееся на единых для всех ценностях (не только гражданских, что отличает ее от политики интеграции, но и культурных). Вступление Циркуляра в силу (в апреле 2011 г. шесть месяцев спустя после октябрьского опубликования) вызвало массовые акции протеста именно со стороны приверженцев ислама [53].

Наконец, курс был продолжен рядом новых мер: в сентябре 2011 г. Высший совет выпустил доклад, посвященный поддержке соблюдения

религиозной нейтральности в трудовой сфере [54], 16 сентября 2011 г. был принят Закон о запрете молитв на улицах Парижа [55]. Важным явлением в рамках политического курса в области социализации иммигрантов стал и ввод в употребление термина «ассимиляция», который появился в 2011 г. в циркулярах, посвященных соблюдению секулярных принципов в общественных заведениях [56], а также контролю уровня ассимиляции при получении французского гражданства [57].

Все вышеуказанные меры нельзя оценить как последовательный курс — их содержание зачастую не отражает единой политической концепции по ассимиляции иммигрантов. Попытка восстановить общую французскую идентичность, как отметил в 2012 г. Николя Саркози, провалилась [58]. Более того, в 2012 г. президентское кресло занял социалист Франсуа Олланд (по результатам выборов в парламент в том же году левые также получили большинство мест), который сделал упор на смягчении иммиграционной политики, что привело к увеличению числа иммигрантов. Более того, были приняты меры, способствовавшие отходу от ассимиляционной политики (в частности, с конца 2012 г. прекращена работа Высшего совета по интеграции [59]). В 2013 г. под руководством Жан-Мари Аро была запущена программа по «переоснованию» политики интеграции, которая должна указать направление на достижение компромисса между светскостью и запросом меньшинств, отстаивающих свою религиозную и культурную идентичность [60]. Важно отметить, что подобная политика не отвечает общественным чаяниям — согласно социологическому опросу 2013 г., 7 из 10 французов полагали, что во Франции слишком много иностранцев, а 74% опрошенных заявили, что ислам как религия несовместим с ценностями французского общества [61].

С проблемами в сфере иммиграции и интеграции в начале 2000-х гг. столкнулась и резко «стареющая» Россия: подобно Европе, находящейся в такой же ситуации, она предпочла проводить курс на «разрешительную» иммиграционную политику, привлекая трудовых иммигрантов из Средней Азии (большая часть которых мусульмане). Тем не менее для России, где общество мультикультурально (ислам — одна из традиционных религий, распространенная в Татарстане, Башкортостане и регионах Северного Кавказа), а светскость не перешла на уровень лаицизма, культурный разрыв, казалось бы, не должен был проявиться особенно остро, однако он есть. Это отчасти объясняется тем, что иммигранты из Средней Азии — в первую очередь трудовые иммигранты, что и определяет их стремление жить

в крупных городах средней части страны, где превалирует русское население с определенной ценностной базой. Хотя среди таких внешних иммигрантов распространена идея интеграции [62], принадлежность к исламу часто осложняет процесс вхождения в общество как в России [63], так и во Франции [64]: общество оказывается не готово к тому, чтобы смириться с проявлениями данной религии.

Иммиграционная политика России похожа на французскую (которая, как мы отметили выше, зависит от сил, находящихся у власти): «в 2000-х миграционная политика России подвергалась головокружительным зигзагам: от рестрикционной в начале века, когда под флагом борьбы с незаконной миграцией стали бороться с миграцией как таковой, к либерализации середины первой декады века, откату периода кризиса 2008—2009 гг., последующим попыткам осмысления вызовов, целей и задач, стоящих перед страной, и роли миграции в решении этих проблем» [65]. Не спасло от неустойчивости и принятие в 2012 г. Концепции государственной политики Российской Федерации на период до 2025 г. — «реверсивность политики сохраняется, вносимые законодателями новации в законодательство и практики ее реализации зачастую входят в противоречие с артикулированными целями и задачами» [66]. Политического курса, в основе которого лежит определенная цель (мультикультурализм/интеграция или адаптация иммигрантов), не существует как такового [67]. Конечно, как и во Франции, проводится определенный экзамен на знание языка, необходимый для получения гражданства [68], однако он не предполагает получения «гражданского образования».

Таким образом, в данной исследовательской работе было доказано, что проведение во Франции (случай которой мы проанализировали более углубленно) и России иммиграционной и интеграционной политики в отношении иммигрантов-мусульман не имеет под собой должной программной основы. И тот и другой вид политического курса нуждается в тщательной проработке — более того, необходима единая стратегия, выработанная на несколько десятилетий. Государственные элиты, находящиеся у власти, как мы видели это в случае Франции, провоцируют изменения, опираясь на свои политические предпочтения в целом (при регулярной смене правых и левых новые меры часто опровергают принятые), а также преследуя цель победить в следующих выборах, не решаются на радикальные действия по регулированию курса. Что касается России, то в ней ситуация более сложная: несмотря на то что президент страны и партия, занимающая большинство мест в Федеральном Собрании с начала 2000-х гг., не меняли своих политических взглядов,

иммиграционная политика отличается неустойчивостью и непроработанностью в долгосрочной перспективе. Крайне важная в связи с радикализацией «приезжего» ислама [69] интеграционная политика выражена очень слабо и преимущественно в «технических» деталях (обучение языку). Подводя итог, стоит отметить, что государства должны уделить внимание формированию продуманных политических курсов в данных сферах во избежание проблем в будущем, признаки которых можно наблюдать уже сегодня.

Примечания

1. *Pouchard A., Laurent S.* Quel est le poids de l'islam en France? URL: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/01/21/que-pese-l-islam-en-france_4559859_4355770.html (дата обращения: 24.04.2016).

2. *Sabatier P.A.* Themes and Variations: Taking Stock of the Advocacy Coalition Framework // *The Policy Studies Journal*. 2009. Vol. 37. N 1. P. 122–123.

3. *Kubler D.* Understanding policy change with the advocacy coalition framework: an application to Swiss drug policy // *Journal of European Public Policy*. 8:4. 2001. P. 624.

4. *Sabatier P.* Themes and Variations: Taking Stock of the Advocacy Coalition Framework // *The Policy Studies Journal*. 2009. Vol. 37. N 1. P. 122–123.

5. *Sabatier P., Jenkins-Smith H.* Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach // Boulder, Westview Press, 1993, цит. по Kubler: 1999. P. 117.

6. Ibidem.

7. *Sabatier P.* Themes and Variations: Taking Stock of the Advocacy Coalition Framework // *The Policy Studies Journal*. 2009. Vol. 37. N 1. P. 124.

8. Ibidem.

9. Ibidem.

10. Ibid. Op. cit. Sabatier & Jenkins-Smith, 1999, P. 123.

11. Ibidem.

12. *Sutton R.* The policy process: an overview. ODI Working Paper N 118, Overseas Development Institute, London. 1999. P. 10; 22. Op. Lindblom, C. E. *The Policy-Making Process*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall.

13. Chronologie: histoire de l'immigration en dates. Fin du XIXe siècle, début du XXe siècle, la France devient terre d'immigration // Direction de l'information légale et administrative: La vie publique. URL: <http://www.vie-publique.fr/politiques-publiques/politique-immigration/chronologie-immigration/> (дата обращения: 24.04.2016); *Malik K.* The Failure of

Multiculturalism // Community Versus Society in Europe. URL: <https://kenanmalik.wordpress.com/2015/02/17/the-failure-of-multiculturalism/> (дата обращения: 24.04.2016).

14. *Денисенко М., Хараева О., Чудиновских О.* Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. Франция: Организационное устройство миграционной политики // Сетевой проект «Русского мира» – «Русский Архипелаг». URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/org_ustroistvo/France/ (дата обращения: 25.04.2016).

15. Chronologie: histoire de l'immigration en dates. Fin du XIXe siècle, début du XXe siècle, la France devient terre d'immigration // Direction de l'information legale et administrative: La vie publique. URL: <http://www.vie-publique.fr/politiques-publiques/politique-immigration/chronologie-immigration/> (дата обращения: 25.04.2016).

16. *Caillot S.* La politique française d'intégration. Légitimation d'une politique publique fondée sur une notion équivoque // Université de Poitiers. 2010. P. 25.

17. Contrat d'accueil et d'intégration: signature du contrat // Le site officiel de l'administration française. URL: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F17048> (дата обращения: 24.04.2016).

18. *Caillot S.* La politique française d'intégration. Légitimation d'une politique publique fondée sur une notion équivoque // Université de Poitiers. 2010. P. 29.

19 Chronologie: histoire de l'immigration en dates. Fin du XIXe siècle, début du XXe siècle, la France devient terre d'immigration // Direction de l'information legale et administrative: La vie publique. URL: <http://www.vie-publique.fr/politiques-publiques/politique-immigration/chronologie-immigration/> (дата обращения: 16.03.2016).

20. LOI N 2006-911 du 24 juillet 2006 relative à l'immigration et à l'intégration (1) // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000266495&categorieLien=id> (дата обращения: 24.04.2016).

21. Chronologie: histoire de l'immigration en dates. Fin du XIXe siècle, début du XXe siècle, la France devient terre d'immigration // Direction de l'information legale et administrative: La vie publique. URL: <http://www.vie-publique.fr/politiques-publiques/politique-immigration/chronologie-immigration/> (дата обращения: 16.03.2016).

22. Ibidem.

23. LOI N 2011-672 du 16 juin 2011 relative à l'immigration, à l'intégration et à la nationalité (1) // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cat>

egorieLien=id&cidTexte=JORFTEXT000024191380 (дата обращения: 25.04.2016).

24. Chronologie: histoire de l'immigration en dates. Fin du XIXe siècle, début du XXe siècle, la France devient terre d'immigration // Direction de l'information légale et administrative : La vie publique. URL: <http://www.vie-publique.fr/politiques-publiques/politique-immigration/chronologie-immigration/> (дата обращения: 25.04.2016).

25. *D'Albis H., Boubtane E.* Caractérisation des flux migratoires en France à partir des statistiques de délivrance de titres de séjour (1998–2013). Tableau A.5. Flux migratoires par principaux groupes de nationalités. Population-F, 70 (3), 2015. P. 515; Flux d'immigration par continent d'origine / Bénéficiaires d'un premier titre de séjour d'un an et plus par continent d'origine. Institut national d'études démographique. URL: <http://www.ined.fr/fr/tout-savoir-population/chiffres/france/flux-immigration/annee-continent/#r198> (дата обращения: 16.03.2016).

26. *Понкин И.В.* Ислам во Франции // Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М., 2005. С. 5.

27. Там же. С. 14, 26, 31.

28. Там же. С. 14.

29. Там же. С. 14.

30. LOI N 2004-228 du 15 mars 2004 encadrant, en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appartenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics (1) // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000417977&categorieLien=id> (дата обращения: 16.03.2016).

31. LOI N 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public (1) // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022911670&categorieLien=id> (дата обращения: 16.03.2016).

32. *Понкин И.В.* Ислам во Франции // Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М., 2005. С. 73.

33. Там же. С. 115.

34. Там же. С. 8.

35. Там же. С. 84, 113–114.

36. *Баязитов И.* Мусульманская община во Франции // Общероссийское информационное агентство мусульман. URL: http://www.info-islam.ru/publ/statji/musulmanskaja_obshhina_vo_francii/5-1-0-30549 (дата обращения: 26.04.2016).

37. Там же. С. 116–166.

38. Там же. С. 157, 162–163.

39. LOI N 2004-228 du 15 mars 2004 encadrant, en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appartenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics (1) // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000417977&categorieLien=id> (дата обращения: 26.04.2016).

40. Analyse du scrutin N 436 – Séance du 10 février 2004 Scrutin Public sur l'ensemble du projet de loi relatif à l'application du principe de laïcité dans les écoles, collèges et lycées publics. L'Assemblée nationale française. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/12/scrutins/jo0436.asp> (дата обращения: 26.03.2016).

41. *Понкин И.В.* Ислам во Франции // Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М., 2005. С. 181.

42. В Париже прошла демонстрация протеста против запрета на ношение в школах хиджаба. URL: <http://www.newsru.com/religy/17jan2004/hid.html> (дата обращения: 27.04.2016).

43. *Киллиан К.С.* Французский запрет на религиозную символику в школах и взгляды женщин Магриба на ношение хиджаба // Этнографическое обозрение. 2005. № 3. С. 41; Общинно-религиозная жизнь. Антисемитизм во Франции 1945–2004 гг. // Франция. Евреи Франции: 1945–2004 гг. URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=15505&query=%D4%D0%C0%CD%D6%C8%DF> (дата обращения: 29.04.2016).

44. *Понкин И.В.* Ислам во Франции // Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М., 2005. С. 142–145.

45. Там же. С. 115.

46. LOI N 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public (1) // Legifrance: le service public de la diffusion du droit URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022911670&categorieLien=id> (дата обращения: 29.04.2016).

47. Claude Guéant veut faire cesser les prières de rues. URL: <http://www.20minutes.fr/france/787780-20110915-claude-gueant-veut-faire-cesser-prieres-rues> (дата обращения: 29.04.2016).

48. *Ворожцов Е.В.* Молодежные волнения во Франции: проблемы иммиграции и образования // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 25.

49. Délibération N 2007-117 du 14 mai 2007 // Le site de le Défenseur des droits. URL: <http://www.halde.fr/IMG/alexandrie/2798.PDF> (дата обращения: 29.04.2016); Proposition de Loi visant à lutter contre les atteintes à la dignité de la femme résultant de certaines pratiques religieuses.

L'Assemblée nationale française. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/12/propositions/pion3056.asp> (дата обращения: 29.04.2016); Proposition de Loi visant à interdire le port de signes ou de vêtements manifestant ostensiblement une appartenance religieuse, politique ou philosophique à toute personne investie de l'autorité publique, chargée d'une mission de service public ou y participant concurremment // L'Assemblée nationale française. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/13/propositions/pion1080.asp> (дата обращения: 29.04.2016).

50. Port de la Burqa en France: la loi française de 2010 concernant l'interdiction de dissimulation de son visage dans l'espace public n'est pas contraire à la Convention européenne des droits de l'homme, estiment les juges de Strasbourg // Le portail de référence pour l'espace de liberté, sécurité et justice. URL: <https://europe-liberte-securite-justice.org/2014/07/01/port-de-la-burqa-en-france-la-loi-francaise-de-2010-concernant-linterdiction-de-dissimulation-de-son-visage-dans-lespace-public-nest-pas-contraire-a-la-convention-europeenne-des-droits-de-lh/> (дата обращения: 20.04.2016).

51. Circulaire du 2 mars 2011 relative à la mise en œuvre de la loi N 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000023654701> (дата обращения: 30.04.2016).

52. Circulaire du 2 mars 2011 relative à la mise en œuvre de la loi N 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000023654701> (дата обращения: 16.03.2016).

53. Во Франции вступил в силу закон, запрещающий закрывать лица в общественных местах. Идут задержания мусульманок. URL: <http://www.newsru.com/religy/11apr2011/france.html> (дата обращения: 30.04.2016).

54. Haut Conseil à l'intégration: Expression religieuse et laïcité dans l'entreprise. URL: <http://archives.hci.gouv.fr/IMG/pdf/HCI-Avis-laicite-entreprise-pdf-2.pdf> (дата обращения: 30.04.2016).

55. Claude Guéant veut faire cesser les prières de rues. URL: <http://www.20minutes.fr/france/787780-20110915-claude-gueant-veut-faire-cesser-prieres-rues> (дата обращения: 30.04.2016).

56. Rappel des règles afférentes au principe de laïcité – demandes de régimes alimentaires particuliers dans les services de restauration collective du service public. URL: <http://www.lefigaro.fr/assets/pdf/circulaire-laicite-cantine-1107.pdf> (дата обращения: 30.04.2016); Laïcité à l'hôpital.

URL: <http://www.lefigaro.fr/assets/pdf/circulaire-laicite-hopital-1107.pdf> (дата обращения: 30.04.2016).

57. Circulaire № NOR IOC № 1114306C relative au controle de la conditions d'assimilation dans les procedures d'acquisition de la nationalite francais // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: http://circulaire.legifrance.gouv.fr/pdf/2011/08/cir_33673.pdf (дата обращения: 30.04.2016).

58. Саркози объявил о провале мультикультурализма: уживаться с молящимися на улицах мусульманами невозможно. URL: <http://www.newsru.com/world/11feb2011/sarkozy.html> (дата обращения: 30.04.2016).

59. Avertissement du HCI // Haut Conseil à l'integration URL: <http://archives.hci.gouv.fr/AVERTISSEMENT.html> (дата обращения: 30.04.2016).

60. Rapport sur l'intégration: télécharger le texte en ligne. URL: <http://droit-finances.commentcamarche.net/faq/33164-rapport-sur-l-integration-telecharger-le-texte-en-ligne> (дата обращения: 30.04.2016); François Hollande prend ses distances avec le rapport sur l'intégration. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2013/12/13/01002-20131213ARTFIG00570-rapport-sur-l-integration-ayrault-destabilise.php> (дата обращения: 30.04.2016); Rapport sur l'intégration: vers une laïcité de "compromis". URL: http://www.lexpress.fr/actualite/societe/rapport-sur-l-integration-vers-une-laicite-de-compromis_1307345.html (дата обращения: 30.04.2016).

61. *Malik K.* The failure of multiculturalism // Community Versus Society in Europe. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/failure-multiculturalism> (дата обращения: 30.04.2016).

62. *Мукомель В.И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Этническая идентификация: нерусские среди русских, русские за рубежом // Мир России. 2011. № 1. С. 39.

63. *Мукомель В.И.* Новая миграционная политика России: достижения и проблемы. URL: <http://www.center-bereg.ru/o3008.html> (дата обращения: 01.05.2016).

64. *Malik K.* The failure of multiculturalism // Community Versus Society in Europe. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/failure-multiculturalism> (дата обращения: 20.04.2016).

65. *Мукомель В.И.* Миграционные процессы в России 1985–2015. URL: <http://last30.ru/issue/migration/research/> (дата обращения: 01.05.2016).

66. Там же.

67. *Мукомель В.И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Этническая идентификация: нерусские среди русских, русские за рубежом // Мир России. 2011. № 1. С. 46.

68. Гражданство РФ. URL: <http://grazdanstvo-rf.ru/> (дата обращения: 01.05.2016).

69. Мухаметов Р.А. URL: <http://www.islamrf.ru/news/analytics/point-of-view/36890> (дата обращения: 01.05.2016).

Источники

1. Законы, иные правовые акты, решения суда, заключения экспертов

1.1. Analyse du scrutin N 436 – Séance du 10 février 2004 Scrutin Public sur l'ensemble du projet de loi relatif à l'application du principe de laïcité dans les écoles, collèges et lycées publics // L'Assemblée nationale française. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/12/scrutins/jo0436.asp> (дата обращения: 26.03.2016).

1.2. Circulaire N° NOR IOC N° 1114306C relative au controle de la conditions d'assimilation dans les procedures d'acquisition de la nationalite francais // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: http://circulaire.legifrance.gouv.fr/pdf/2011/08/cir_33673.pdf (дата обращения: 30.04.2016).

1.3. Délibération N 2007-117 du 14 mai 2007. Le site de le Défenseur des droits. URL: <http://www.halde.fr/IMG/alexandrie/2798.PDF> (дата обращения 29.04.2016); Proposition de Loi visant à lutter contre les atteintes à la dignité de la femme résultant de certaines pratiques religieuses // L'Assemblée nationale française. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/12/propositions/pion3056.asp> (дата обращения: 29.04.2016).

1.4. LOI N 2004-228 du 15 mars 2004 encadrant, en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appartenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics (1) // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000417977&categorieLien=id> (дата обращения: 26.04.2016).

1.5. LOI N 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public (1) // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022911670&categorieLien=id> (дата обращения: 29.04.2016).

1.6. LOI N 2011-672 du 16 juin 2011 relative à l'immigration, à l'intégration et à la nationalité (1) // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?categorieLien=id&cidTexte=JORFTEXT000024191380> (дата обращения: 25.04.2016).

1.7. Proposition de Loi visant à interdire le port de signes ou de vêtements manifestant ostensiblement une appartenance religieuse, politique ou philosophique à toute personne investie de l'autorité publique, chargée d'une mission de service public ou y participant concurremment // L'Assemblée nationale française. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/13/propositions/pion1080.asp> (дата обращения: 29.04.2016).

1.8. Port de la Burqa en France: la loi française de 2010 concernant l'interdiction de dissimulation de son visage dans l'espace public n'est pas contraire à la Convention européenne des droits de l'homme, estiment les juges de Strasbourg. Le portail de référence pour l'espace de liberté, sécurité et justice. URL: <https://europe-liberte-securite-justice.org/2014/07/01/port-de-la-burqa-en-france-la-loi-francaise-de-2010-concernant-linterdiction-de-dissimulation-de-son-visage-dans-lespace-public-nest-pas-contraire-a-la-convention-europeenne-des-droits-de-lh/> (дата обращения: 20.04.2016).

1.9. Circulaire du 2 mars 2011 relative à la mise en œuvre de la loi N 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public // Legifrance: le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000023654701> (дата обращения: 16.03.2016).

2. Специальная литература

2.1. Научные статьи:

2.1.1. *Ворожцов Е.В.* Молодежные волнения во Франции: проблемы иммиграции и образования // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 25.

2.1.2. *Киллиан К.С.* Французский запрет на религиозную символику в школах и взгляды женщин Магриба на ношение хиджаба // Этнографическое обозрение. 2005. № 3. С. 41.

2.1.3. *Мухаметов П.А.* URL: <http://www.islamrf.ru/news/analytics/point-of-view/36890> (дата обращения: 01.05.2016).

2.1.4. *Мукомель В.И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Этническая идентификация: нерусские среди русских, русские за рубежом // Мир России. 2011. № 1. С. 39.

2.1.5. *Мукомель В.И.* Миграционные процессы в России 1985–2015. URL: <http://last30.ru/issue/migration/research/> (дата обращения: 01.05.2016).

2.1.6. *Мукомель В.И.* Новая миграционная политика России: достижения и проблемы. URL: <http://www.center-bereg.ru/o3008.html> (дата обращения: 01.05.2016).

2.1.7. *D'Albis H., Boubtane E.* Caractérisation des flux migratoires en France à partir des statistiques de délivrance de titres de séjour (1998–2013). Tableau A.5. Flux migratoires par principaux groupes de nationalités. Population-F. 2015. 70 (3). P. 515.

2.1.8. *Kubler D.* Understanding policy change with the advocacy coalition framework: an application to Swiss drug policy // Journal of European Public Policy. 8:4. 2001. P. 624.

2.1.9. *Malik K.* The failure of multiculturalism // Community Versus Society in Europe. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/failure-multiculturalism> (дата обращения: 20.04.2016).

2.1.10. *Sabatier P.* Themes and Variations: Taking Stock of the Advocacy Coalition Framework // The Policy Studies Journal. 2009. Vol. 37. N 1. P. 122–123.

2.1.11. *Sabatier P., Jenkins-Smith H.* Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach // Boulder, Westview Press, 1993; цит. по Kubler: 1999. P. 117.

2.1.12. *Sabatier P.* Themes and Variations: Taking Stock of the Advocacy Coalition Framework // The Policy Studies Journal. 2009. Vol. 37. N 1. P. 124.

2.1.13. *Sutton R.* The policy process: an overview. ODI Working Paper N 118, Overseas Development Institute, London. 1999. P. 10; 22. Op. Lindblom, C. E. The Policy-Making Process. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall.

2.2. Публицистические статьи:

2.2.1. *Баязитов И.* Мусульманская община во Франции. URL: http://www.info-islam.ru/publ/statji/musulmanskaja_obshhina_vo_francii/5-1-0-30549 (дата обращения: 26.04.2016).

2.2.2. В Париже прошла демонстрация протеста против запрета на ношение в школах хиджаба. URL: <http://www.newsru.com/religy/17jan2004/hid.html> (дата обращения 27.03.2016)

2.2.3. Во Франции вступил в силу закон, запрещающий закрывать лица в общественных местах. Идут задержания мусульманок. URL: <http://www.newsru.com/religy/11apr2011/france.html> (дата обращения: 30.04.2016).

2.2.4. Саркози объявил о провале мультикультурализма: ужиться с молящимися на улицах мусульманами невозможно. URL: <http://www.newsru.com/world/11feb2011/sarkozy.html> (дата обращения: 30.04.2016).

2.2.5. Claude Guéant veut faire cesser les prières de rues. URL: <http://www.20minutes.fr/france/787780-20110915-claude-gueant-veut-faire-cesser-prieres-rues> (дата обращения: 30.04.2016).

2.2.6. François Hollande prend ses distances avec le rapport sur l'intégration. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2013/12/13/01002-20131213ARTFIG00570-rapport-sur-l-integration-ayrault-destabilise.php> (дата обращения: 30.04.2016).

2.2.7. Laïcité à l'hôpital. URL: <http://www.lefigaro.fr/assets/pdf/circulaire-laicite-hopital-1107.pdf> (дата обращения: 30.04.2016).

2.2.8. Pouchard A., Laurent S. Quel est le poids de l'islam en France? URL: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/01/21/que-pese-l-islam-en-france_4559859_4355770.html (дата обращения: 24.04.2016).

2.2.9. Rappel des règles afférentes au principe de laïcité – demandes de régimes alimentaires particuliers dans les services de restauration collective du service public. URL: <http://www.lefigaro.fr/assets/pdf/circulaire-laicite-cantine-1107.pdf> (дата обращения: 30.04.2016).

2.3. Книги:

2.3.1. Понкин И.В. Ислам во Франции. М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2005.

2.4. Доклады:

2.4.1. Haut Conseil à l'intégration: Expression religieuse et laïcité dans l'entreprise // Haut Conseil à l'integration. URL: <http://archives.hci.gouv.fr/IMG/pdf/HCI-Avis-laicite-entreprise-pdf-2.pdf> (дата обращения: 30.04.2016).

2.4.2. Rapport sur l'intégration: vers une laïcité de "compromis". URL: http://www.lexpress.fr/actualite/societe/rapport-sur-l-integration-vers-une-laicite-de-compromis_1307345.html (дата обращения: 30.04.2016).

2.4.3. Rapport sur l'intégration : télécharger le texte en ligne. URL: <http://droit-finances.commentcamarche.net/faq/33164-rapport-sur-l-integration-telecharger-le-texte-en-ligne> (дата обращения: 30.04.2016).

2.5. Справочная информация:

2.5.1. Гражданство РФ. URL: <http://grazdanstvo-rf.ru/> (дата обращения: 01.05.2016).

2.5.2. Общинно-религиозная жизнь. Антисемитизм во Франции 1945–2004 гг. // Франция. Евреи Франции: 1945–2004 гг. URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=15505&query=%D4%D0%C0%CD%D6%C8%DF> (дата обращения: 29.04.2016).

2.5.3. Avertissement du HCI // Haut Conseil à l'integration. URL: <http://archives.hci.gouv.fr/AVERTISSEMENT.html> (дата обращения: 30.04.2016).

2.5.4. Chronologie: histoire de l'immigration en dates. Fin du XIXe siècle, début du XXe siècle, la France devient terre d'immigration // Direction de l'information légale et administrative: La vie publique. URL: <http://www.vie-publique.fr/politiques-publiques/politique-immigration/chronologie-immigration/> (дата обращения: 16.03.2016).

2.5.5. Flux d'immigration par continent d'origine / Bénéficiaires d'un premier titre de séjour d'un an et plus par continent d'origine // Institut national d'études démographiques. URL: <http://www.ined.fr/fr/tout-savoir-population/chiffres/france/flux-immigration/annee-continent/#r198> (дата обращения: 16.03.2016).

«Ведь жить и заниматься только математикой – это неправильно»: кто и почему помогает трудовым мигрантам в Санкт-Петербурге и Берлине?

Аннотация

В статье представлен обзор групп помощи мигрантам в Санкт-Петербурге и Берлине: как люди становятся активистами, кто и почему помогает мигрантам, в какие другие гражданские практики включены активисты? Эмпирическую базу исследования составляют дневники невключенного наблюдения и 10 биографических интервью с активистами групп помощи мигрантам в Санкт-Петербурге, также проанализированы материалы и фрагменты интервью с берлинскими активистами, опубликованные в различных сетевых изданиях.

Abstract

This paper is dedicated to volunteer groups offering help to labor migrants in Saint-Petersburg and Berlin, the activists participating in those groups, and their biographies. The matter at hand is who and why helps labor migrants. The empirical base of research is derived from the so-called “non-participant supervision diaries” of St.-Petersburg aid-teams and 10 biographic interviews with aid-team activists in St.-Petersburg and media materials about the Berlin activists.

Миграция как социальное явление, как нормальный процесс для мегаполисов, давно является предметом внимания общества и исследователей, но этому процессу сопутствуют ксенофобия и мигрантофобия, которыми охвачены разные слои общества. Актуальность исследования обоснована тем, что, несмотря на экономический кризис, число трудовых мигрантов, приезжающих в Санкт-Петербург,

¹ Негодина Галина (risataccia@yandex.ru) – магистрантка 1-го курса департамента социологии НИУ ВШЭ СПб. Второе место в конкурсе, стипендия администрации Санкт-Петербурга им. Г.В. Старовойтовой, приз памяти Н.М. Гиренко.

остаётся высоким: по данным из отчета по итогам 2015 г. начальника регионального Управления Федеральной миграционной службы по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, на миграционный учет в регионе в 2015 г. были поставлены 1,7 млн человек, а всего за 2015 г. в Санкт-Петербург и Ленинградскую область въехало 3 млн иностранных граждан [10]. Несмотря на громкие заявления российских СМИ о Европе, которая «задыхается от мигрантов», по данным МВД Германии, в 2015 г. в страну въехало почти 1,1 млн беженцев, число трудовых мигрантов в открытых источниках найти не удалось [9].

Санкт-Петербург и Берлин, как и другие мегаполисы, являются городами, принимающими трудовых мигрантов, приезжие формируют свое особое социальное пространство, представления о котором сформулированы в теории П. Бурдьё [2]. В работах о гражданском обществе и вопросах неравенства некоторые исследователи выделяют момент неравенства в доступе к правам у различных групп населения [12], особенно у маргинализированных групп, исключенных из социального пространства [13; 16].

Общественные организации становятся посредниками между обществом и государством в сфере решения возникающих проблем и защиты прав трудовых мигрантов. В начале исследования автором выделяются основные действующие организации и движения, защищающие трудовые и социальные права мигрантов в Санкт-Петербурге. Организация «Красный Крест» предоставляет помещение для занятий с детьми из семей мигрантов для организации «Дети Петербурга», а «Фонд помощи трудовым мигрантам из Средней Азии» и «Фонд поддержки социальных проектов» оказывают информационную поддержку «Детям Петербурга»: на сайтах и группах в социальных сетях этих организаций размещены объявления о решении проблем с устройством в школы для детей из семей мигрантов и обучении русскому языку, которые проводят в организации «Дети Петербурга». Созданные еще в первой половине 2000-х гг. «Фонд поддержки социальных проектов» и «Фонд помощи трудовым мигрантам из Средней Азии» действуют более точно, оказывая поддержку разово и по конкретным обращениям, — чаще это консультирование и социальная помощь. Поэтому основные организации, работающие в сфере защиты прав трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге, — «Дети Петербурга» и движение «Права для всех». Рассмотрим подробнее историю их становления для понимания причин, побудивших людей включиться в гражданскую активность и прийти к защите прав трудовых мигрантов.

Эмпирическая база исследования

Исследование проведено при помощи качественных методов социологии. Эмпирическую базу исследования составляют дневники не включенного наблюдения в группах помощи мигрантам в Санкт-Петербурге, 10 биографических интервью с активистами групп помощи мигрантам в Санкт-Петербурге, также проанализированы материалы и фрагменты интервью с берлинскими активистами, опубликованные в различных сетевых изданиях.

Зарождение активизма и инициатив, направленных на помощь мигрантам

Гражданский активизм в Германии и, в частности, в Берлине — более давнее и укрепившееся явление по сравнению с российскими реалиями. Также и с общественными инициативами по миграционному вопросу. Мигранты прибывали массово в Германию после Второй мировой войны, и немецкое общество показывает меньший уровень мигрантофобии по сравнению с российским:

«Если брать образованную прослойку, средний класс, к приезжим относятся хорошо. Ксенофобия однозначно считается дурным тоном. Для немцев нацизм — это национальная травма, важная часть их идентичности с отрицательным знаком, то есть нечто, что ни в коем случае не должно повториться. И по этому вопросу в обществе однозначно царит консенсус. Явления типа PEGIDA („Патриотические европейцы против исламизации Запада“) имеют ярко выраженный локальный характер (Дрезден, Саксония, бывшая ГДР) и воспринимаются как отклонение от нормы» (интервью с российским эмигрантом в Германии) [7].

В Санкт-Петербурге, как и в целом в России, новый виток гражданского активизма начался после политических событий 2011–2012 гг. Этому способствовало отчуждение между властью и обществом, копившееся с конца 2000-х и достигшее своего пика в период между выборами в Государственную Думу 4 декабря 2011 г. и выборами Президента 4 марта 2012 г. Часть общества поняла, что не будет происходить изменения в руководстве страной, когда было объявлено, что на свой новый срок выдвигается Владимир Путин [11].

Вторым важным катализатором протестной волны 2011–2012 гг. и причиной вовлечения в нее ранее политически пассивных граждан стала проблема политического представительства: было отказано в регистрации новым политическим партиям и независимым кандидатам, а в действующих партиях граждане не видели представителей

своих интересов [3]. В связи с этим недоверием к власти внимание граждан привлекла возможность наблюдения на выборах, и большое количество обычных людей зарегистрировалось наблюдателями для мониторинга подсчета голосов.

Еще одной причиной всплеска гражданской активности в 2011 г. можно назвать распространение интернета и увеличившееся число пользователей социальных сетей по сравнению с предыдущими годами. В интернете наблюдатели делились впечатлениями, протоколами, цифрами и событиями со своих избирательных участков, распространяли фотографии и видеозаписи, также интернет стал инструментом для организации протестных акций.

Протестное движение развилось с конца 2011 г., продолжилось в марте 2012 г. в период президентских выборов, пережило активное развитие и выразилось в новых мирных формах гражданского волеизъявления — от наблюдения на выборах и тренингов для гражданских активистов до социального добровольчества, а также помощи трудовым мигрантам.

Вход в активистскую деятельность по защите прав трудовых мигрантов

В нарративах участников групп помощи мигрантам можно выделить различного рода события-триггеры, ставшие своеобразным «спусковым крючком» для входа в активистскую деятельность. Многие активисты проекта «Дети Петербурга» начали деятельность по помощи в устройстве в школы и обучению русскому языку и культуре через проявление своей гражданской активности как наблюдатели на выборах 2011 и 2012 гг. и в движении «Наблюдатели Петербурга».

«К проекту присоединилась случайно. Я как-то пришла на собрание „Наблюдателей Петербурга“, чтобы узнать новости родного Адмиралтейского района. На это собрание пришел и Д., рассказал, что планируется такой проект. Я сначала решила помочь с распространением информации. Потом пришла на занятия, а теперь сама их веду» (интервью 1, женщина, 21 год).

В инициативной группе «Права для всех» активисты более разносторонние: среди них есть представители ЛГБТ-сообщества, социалистического движения, градозащитных инициативных групп, но основными организациями для создания группы «Права для всех» были те же «Наблюдатели Петербурга» и «Группа помощи задержанным», самоорганизовавшаяся инициатива после задержаний на протестных акциях против фальсификаций на выборах 2011 и 2012 гг.

Одна из активисток движения «Права для всех» рассказывает о своей мотивации участия в политической и правозащитной деятельности как о желании быть причастной к общественной жизни:

«Я была наблюдателем на Думских выборах, это было в 2011 году, и на президентских тоже. Я не знаю. Мне это кажется важным, просто казалось, что эта тема, область жизни, которая должна меня касаться, ведь жить и заниматься только математикой – это неправильно...» (интервью 5, женщина, 26 лет).

В нарративах о том, как возникла идея работать с трудовыми мигрантами, многие информанты рассказывают об ужесточении миграционных законов в 2013 г., описывая эти события как стихийные бедствия, катастрофу, «злой рок» и не называя силы, влияющие на это. Много описаний событий не через личное, а коллективное «мы», через проявление солидарности в данной среде.

Можно выделить следующие типы «активистских карьер» участников групп помощи мигрантам в Санкт-Петербурге:

1) «Спасатели». Это опытные волонтеры с богатыми активистскими карьерами, которые также задействованы в политическом активизме, в градозащитных, зоозащитных и других инициативах.

«Это началось с градозащиты, на рубеже 2008–2009 годов, ну, в общем-то перед маршем в защиту Петербурга. Ну, попался на глаза коллаж с Охтацинцентром и просьба прийти в “Яблоко” и пораздавать газеты. Я и пошла. Постепенно так закрутилось, потом наблюдение на выборах, группа помощи задержанным на митингах. И так мы начали заниматься задержанными мигрантами. Дело в том, что человек видит, что проблема есть где-то, а потом видит, что проблемы есть везде, и начинает думать, что вот здесь можно что-то изменить, и, получается, этот опыт можно применить к другим вещам» (интервью 2, женщина, 34 года).

2) «Молодые специалисты». Помощь мигрантам происходит через реализацию своих знаний и описывается как что-то естественное, что может сделать каждый:

«Я раньше не задумывалась, что я могу чем-то помочь мигрантам, ну, в голову на самом деле не приходило, что я вроде как с лингвистическим образованием и могу свои знания направить на благое дело» (интервью 3, женщина, 22 года).

3) «Свои люди». Мигранты, более адаптированные и знающие русский язык, либо родившиеся в Санкт-Петербурге люди различных

неславянских национальностей, обычно из семей выходцев из Центральной Азии. В Санкт-Петербурге работает благотворительный фонд помощи трудовым мигрантам из Средней Азии, председателем которого является россиянин Махмут Маматмуминов, уроженец киргизского города Оша. Помимо социальной и юридической помощи, фонд издает трехязычную газету «Туран» и справочники для трудовых мигрантов. Есть волонтеры и среди молодежи, родившейся в семьях переселившихся из Средней Азии мигрантов:

«Я понимаю, как важно не только знать русский, если ты тут живешь, но и знать местную культуру, традиции. Мои родители приехали сюда 20 лет назад из Узбекистана, и мы считаем, что нужно помочь приезжим – им и на родине, и тут очень непросто» (интервью 10, женщина, 19 лет).

По различным материалам и интервью, опубликованным в германской и российской прессе, можно выделить аналогичные типы «активистских карьер» участников групп помощи мигрантам и беженцам в Берлине. Некоторые категории будут аналогичны активистским траекториям в Санкт-Петербурге:

- **«Молодые специалисты».** Преимущественно студенты или недавние выпускники, которые применяют свои знания и навыки для работы с трудовыми мигрантами и беженцами. Например, правовой проект *Refugee Law Clinics* – студенческие юридические консультации, представительство в суде, помощь в ведении дела, помощь в переписке с властями. Есть проекты, которые ведут начинающие психологи, педагоги, медицинские работники.

- **«Сочувствующие».** После притока мигрантов и беженцев появилось множество молодежных инициатив помощи: например, инициатива *Start with a friend* сближает жителей Берлина, мигрантов и беженцев – вместе они изучают город, проводят совместные прогулки, оказывают помощь по сопровождению в организациях:

«Муж моей подруги – из сирийской Хамы, но прочувствовать, принять решение помочь я решила недавно – меня очень сильно тронули новости» [8].

В отличие от других категорий помогающих активистов, в данной группе есть и люди пожилого возраста, чьи родители были участниками войны, и это оказывает влияние на их сочувствие и желание помочь.

- **«Свои люди».** В Германии миграция – более привычное явление, там много переселенцев из других стран, и некоторые из них, почувствовав на себе участь мигранта или беженца, становятся

волонтерами и помогают в благотворительных организациях или создают свои инициативные группы помощи:

«Я как мигрант, как другие мигранты, хочу что-то делать, чтобы люди отстаивали свои законные права» (мигрантка из Польши, активистка благотворительной организации медицинской помощи) [8].

- **«Спасатели».** Наиболее крупной категорией являются молодые участники молодежных политических движений. Так как они параллельно занимаются разными другими видами политической и общественной активности, их можно отнести к группе «Спасатели». Это также ЛГБТ-активисты, «зеленые», феминистки. Большинство из них связывает членство в *Jusos* – молодежной организации Социал-демократической партии Германии, одной из крупнейших партий в стране.

Различия в категориях активистов Санкт-Петербурга и Берлина проявляются в том, что в немецком случае возникает новая категория – «Сочувствующие», люди, которые не являются активистами, как «Спасатели», не являются молодыми специалистами или мигрантами, но объединяются в городские инициативные группы для помощи приезжим. В петербургском случае люди чаще приходят к помощи мигрантам через имеющийся опыт активизма и при столкновении с несправедливостью, бюрократией, судебной системой.

Деятельность активистов по помощи мигрантам в Санкт-Петербурге и Берлине

Организации, которые взялись за защиту прав трудовых мигрантов, осуществляют деятельность по разным направлениям.

Направление помощи	Санкт-Петербург	Берлин
Юридическая помощь	<ul style="list-style-type: none"> – Написание жалоб по проблемам соблюдения прав трудовых мигрантов. – Мониторинг по отделам полиции, где есть задержанные за нарушение миграционного законодательства. – Предоставление общественного защитника и присутствие в суде, правовое просвещение трудовых мигрантов. 	<ul style="list-style-type: none"> – <i>Refugee Law Clinics</i> – студенческие юридические консультации. – Представительство в суде, помощь в ведении дела. – Помощь в переписке с властями. – Правовое просвещение трудовых мигрантов.

<p>Социальная, медицинская помощь</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Предоставление питания в отделах полиции. – Предоставление социальной помощи в благотворительных фондах. 	<ul style="list-style-type: none"> – Пункты медицинской помощи <i>Malteser Migranten Medizin</i> и др. – Первичное обследование и неотложная медицинская помощь. – Волонтерские центры психологической помощи. – Социальные приюты при общественных организациях. – Защита и отдельные приюты для ЛГБТ-мигрантов (в Берлине ЛГБТ-организация <i>Schwulenberatung</i> заявила о подготовке к открытию приюта на 125 человек). – Сбор одежды, медикаментов, средств гигиены.
<p>Образование, культура, помощь в адаптации</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Обучение детей мигрантов русскому языку. – Проведение культурных мероприятий. – Помощь в устройстве в школы. – Правозащитное образование в форме интерактивных занятий по правам ребенка для школьников. – Распространение информации в общинах, диаспорах. 	<ul style="list-style-type: none"> – Инициатива <i>Start with a friend</i> сближает жителей Берлина, мигрантов и беженцев. Изучение города, совместные прогулки, сопровождение в организации. – Центры помощи по изучению немецкого языка для детей и взрослых. – Помощь волонтеров-переводчиков. – Инициативные группы помощи по пребыванию в Берлине, пользованию общественным транспортом.

Среди проблем, которые отмечают активисты, основным камнем преткновения является интолерантность общества по отношению к приезжим. Активисты организаций Санкт-Петербурга отмечают недоброжелательность даже у своего ближнего окружения:

«*Мои родители – кухонные националисты*» (интервью 1, женщина, 21 год).

«*Родственники... ну, они не знают про мою деятельность с мигрантами, не знаю, как отреагируют*» (интервью 2, женщина, 34 года).

Есть некоторые проблемы в семье с пониманием заботы о мигрантах, и, как следствие, умалчивание в кругу родных о своей деятельности.

Деятельность в организации «Дети Петербурга», специализирующейся на обучении русскому языку, информанты характеризуют как

очень важную для адаптации детей мигрантов и отмечают ряд сложностей, среди которых – отсутствие обучения русскому языку молодых людей (нешкольного возраста) и их родителей, недостаточное количество волонтеров для проведения занятий, психологические проблемы детей мигрантов как следствие мигрантофобии:

«Проблема была в том, что к нему относились плохо не только его одноклассники, но и учителя, очень непрофессионально себя вели. Мало того, ему даже пришлось называться другим именем, но это даже не в школе дело, а сосед его по подъезду или по квартире назвал его русским именем, и вот в школе и на наших занятиях он стал называться Мишей, хотя имя у него совершенно другое. И он стал стесняться собственного имени» (интервью 3, женщина, 22 года).

Похожие проблемы при работе с детьми, особенно из семей беженцев, описывают и немецкие волонтеры. Они также говорят о психологических проблемах детей, но, в отличие от России, в Германии волонтерские курсы по обучению немецкому языку более институционализированы: волонтеры составляют резюме, проходят собеседование и обучение и затем приступают к занятиям. Есть и «низовые» инициативы по преподаванию немецкого языка для мигрантов и беженцев.

В Берлине общество демонстрирует большую толерантность: например, после объявлений в СМИ об одном из приютов, куда необходимо принести еду и предметы гигиены, местные жители привезли столько еды, одежды, предметов гигиены и быта, что власти даже были вынуждены дать объявление, чтобы больше ничего не приносили. Одновременно с этим растут и националистические настроения, нападения на приюты для мигрантов и беженцев. В 2015 г. число нападений на убежища мигрантов в Германии достигло восьмисот [1].

Активистские инициативы, направленные на помощь мигрантам, в Берлине намного разнообразнее по сравнению с Санкт-Петербургом: есть оказание психологической и медицинской помощи, инициативные группы по адаптации в городе, в транспорте, в государственных организациях. Это объясняется не только значительным количеством беженцев и трудовых мигрантов, но и большей толерантностью общества – и вследствие этого разнообразием активистов и групп помощи. В Санкт-Петербурге на данный момент можно выделить пять движений и организаций, занимающихся поддержкой трудовых мигрантов, но при рассмотрении их деятельности (в ходе наблюдения и интервью) становится понятно, что они все переплетены

между собой и активисты одних организаций являются активистами и в других группах. Несмотря на то что подобных движений и активистов в Санкт-Петербурге пока мало, их работа необычайно важна ввиду отсутствия влияния государства на миграционную ситуацию, жизнь и здоровье приезжих.

Источники

1. Альтернатива для Германии. Как миграция культивирует национализм. URL: <https://slon.ru/posts/62025>.
2. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
3. *Волков Д.* Протестное движение в России в конце 2011–2012: истоки, динамика, результаты // Аналитический доклад. «Левада-центр», 2012. С. 12–14.
4. Волна помощи – инициативы для беженцев. URL: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/razvitie-dialog/volna-pomoshchi-incipiativy-dlya-bezhencev>.
5. Европа разделит геев от мигрантов. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2016/02/02/8052809.shtml>.
6. Как работать с беженцами: опыт Германии в помощь России. URL: <http://news-free.ru/2016/04/19>.
7. «Ксенофобия считается дурным тоном»: что говорят жители Германии о проблеме беженцев из Сирии. URL: <http://paperpaper.ru/refugees-welcome/>.
8. «Мы не можем помочь, но мы должны». Как Германия держится под напором беженцев. URL: <http://spektr.press/my-ne-mozhem-pomoch-no-my-dolzhny-kak-germaniya-derzhitsya-pod-naporom-bezhencev/>.
9. «В 2016 году МВД Германии ожидает огромного наплыва беженцев». URL: <http://ria.ru/world/20160109/1356945831.html#ixzz46n8XLmQP>.
10. Сведения по миграционной ситуации в Санкт-Петербурге и Ленинградской области за 12 месяцев 2015 года. Управление ФМС России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: <http://www.78.fms.gov.ru/about/Statistic>.
11. *Danilina Y.* Cyber monologues with an autocrat: the liberal-networked public sphere and the 2011–2012 protests in Russia // American University, NY, 2013.
12. *Jann W., Wegrich K.* Phasenmodelle und Politikprozesse: Der Policy Circle, in: *Schubert K., Bandelow N.* (eds.) Lehrbuch der Politikfeldanalyse, Muenchen, Wien: R. Oldenbourg Verlag, 2003. S. 84–85.
13. *Somers M.* Genealogies of Citizenship: Markets, Statelessness, and the Right to Have Rights. Cambridge University Press, 2008.

14. Migrant crisis: The volunteers stepping in to help. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-34130639>.

15. Migrant women are learning to ride a bike so they can fit in with the lifestyle of their adopted country. URL: <http://www.i24news.tv/en/news/international/europe/99559-160118-migrants-cycle-in-berlin-to-get-their-life-back-on-track>.

16. *Yuval-Devis N.* Gender and Nation. London: Sage, 1997.

17. 10 Ways To Help Refugees in Berlin. URL: <http://www.findingberlin.com/10-ways-to-help-refugees-in-berlin/>.

Приложение

Список информантов в Санкт-Петербурге

Номер интервью	Пол, возраст	Организация	Направление деятельности
1	Женский, 21 год	«Дети Петербурга»	Координатор волонтеров, организация культурных мероприятий для детей мигрантов.
2	Женский, 34 года	«Права для всех»	Мониторинг отделений полиции по задержанным за нарушение миграционного законодательства, организация питания задержанным мигрантам, организация пикетов по случаям нарушения прав трудовых мигрантов.
3	Женский, 22 года	«Дети Петербурга»	Обучение детей мигрантов русскому языку, взаимодействие с семьями мигрантов.
4	Женский, 24 года	«Дети Петербурга»	Обучение детей мигрантов русскому языку, взаимодействие с семьями мигрантов.
5	Женский, 26 лет	«Права для всех»	Мониторинг отделений полиции по задержанным за нарушение миграционного законодательства, сопровождение мигрантов в суде, помощь в написании ходатайств, общественная защита в суде.

6	Мужской, 27 лет	«Права для всех»	Мониторинг отделений полиции по задержанным за нарушение миграционного законодательства, сопровождение мигрантов в суде, помощь в написании ходатайств, общественная защита в суде.
7	Мужской, 28 лет	«Права для всех», АДЦ «Мемориал»	Сопровождение мигрантов в суде, помощь в написании ходатайств, общественная защита в суде, юридическое консультирование.
8	Женский, 29 лет	«Права для всех»	Сопровождение мигрантов в суде, помощь в написании ходатайств.
9	Женский, 60 лет	«Дети Петербурга»	Обучение детей мигрантов русскому языку, взаимодействие с семьями, организация сопровождения на культурные мероприятия.
10	Женский, 19 лет	«Дети Петербурга»	Обучение детей мигрантов русскому языку, взаимодействие с семьями, организация сопровождения на культурные мероприятия.

Примечания:

«Дети Петербурга» — зарегистрированная региональная благотворительная организация.

«Права для всех» — инициативная группа граждан, возникшая летом 2013 г. после ужесточения миграционного законодательства, участники группы начали мониторинг отделов полиции для выявления количества задержанных мигрантов и обеспечения их питанием и помощью в судах.

АДЦ «Мемориал» — антидискриминационный центр, в данный момент незарегистрированная организация. В марте 2013 г. в «Мемориале» прошла прокурорская проверка, признавшая работу центра «исполнением функции иностранного агента», городской суд Санкт-Петербурга обязал центр зарегистрироваться в реестре НКО с этой функцией, но руководство предпочло ликвидировать юридическое лицо. Сейчас организация работает без формальной регистрации в РФ.

Есть ли место правам человека в программах профилактики и лечения ВИЧ? Снижение вреда vs снижение вовлеченности

Аннотация

В современном обществе ВИЧ все еще является нерешенной проблемой. Стратегии борьбы с ВИЧ/СПИДом очень сильно различаются в зависимости от страны и варьируются от мягких мер снижения вреда до жесткого репрессивного снижения вовлеченности. В то же время существуют убедительные свидетельства того, что снижение вреда гораздо эффективнее снижения вовлеченности. Несмотря на то что Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предлагает использовать стратегию снижения вреда, многие страны игнорируют эти рекомендации, и Россия — одна из таких стран. Помимо прочего, рекомендации ВОЗ в области законодательства включают в себя защиту прав уязвимых групп и их интеграцию в общество. В данной работе описывается российская стратегия борьбы с ВИЧ/СПИДом в сравнении с европейской в контексте защиты прав человека. Также в статье затрагивается вопрос эффективности мероприятий, проводящихся в рамках профилактики и лечения ВИЧ/СПИДа.

Abstract

In contemporary society HIV/AIDS is still an unsolved problem. Strategies for fighting HIV vary dramatically across regions and countries from soft harm reduction interventions to repressive prevalence reduction. It has also been proved that harm reduction strategy is far more effective than repressive measures. Despite the fact that World Health Organization (WHO hereafter) encourages for harm reduction implementation there are societies which prefer prevalence reduction and Russia is one of such

¹ Макеева Александра (alexandra.makeeva96@gmail.com) – студентка 3-го курса департамента социологии НИУ ВШЭ СПб. Второе место в конкурсе, стипендия администрации Санкт-Петербурга им. Г.В. Старовойтовой.

countries. In addition, WHO recommendations regarding policymaking also imply vulnerable groups' rights protection as well as the integration of these groups into the society. This paper describes fighting HIV in Russia compared to Europe within a human rights framework; also it addresses issues concerning the effectiveness of measures implementation.

Сегодня большинство людей живет в мире, где выживание само по себе не является первостепенной проблемой. Но, к сожалению, до сих пор существуют регионы² с низким уровнем здравоохранения и отсутствием доступа к чистой пресной воде³; как следствие, смертность в таких странах крайне высока⁴. Это, несомненно, является серьезнейшей проблемой, к решению которой международные организации прикладывают огромные усилия⁵. В мировом сообществе уже давно имеется некий единый стандарт, сами способы помощи таким регионам не вызывают общественно-политической дискуссии.

Но мало кто задумывается над тем, что в цивилизованном мире существуют условия, грозящие значительным ухудшением качества жизни граждан (а часто даже и смертью), консенсус по стратегиям улучшения которых не достигнут до сих пор. Как правило, разрешение подобных вопросов упирается в конфликт между инструментальным управлением рисками и общественными представлениями о морали и нравственности. На первый взгляд, может показаться, что выбор очевиден: если какая-то стратегия работает и работает лучше, чем все остальные, то она должна быть внедрена. Но реальность, как правило, далека от теории.

В этом эссе я постараюсь рассмотреть вопрос эффективности борьбы с ВИЧ в России (в сравнении с Европой) в контексте прав человека. Известно, что наиболее уязвимыми группами по ВИЧ являются люди, употребляющие инъекционные наркотики, коммерческие

² Под регионами в данной работе подразумеваются макрогеографические регионы по определению ООН. Подробнее см.: Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings. – United Nations Statistics Division. United Nations website. 2013. URL: <http://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49regin.htm>.

³ Эта проблема преимущественно касается Азии и Африки к югу от Сахары.

⁴ Например, Свазиленд находится на первом месте по общему коэффициенту смертности в мире: 30,83 смерти на 1000 человек в год (The World Factbook. – Central Intelligence Agency Website. 2009. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2066rank.html>).

⁵ Имеются в виду такие организации, как Организация Объединенных Наций (ООН), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и т.п.

секс-работники и мужчины, имеющие секс с мужчинами⁶. Более того, эти сообщества в большинстве современных стран являются дискриминируемыми группами и ассоциируются с девиацией⁷.

Например, в Манифесте ассоциации секс-работников говорится: «Большинство секс-работников скрывают свое участие в сексуальной работе, многие принимают общественное клеймо позора и бесполезности и живут в страхе, что их разоблачат. По этой причине многие секс-работники терпят насилие и унижения. Социальная изолированность, которая является результатом стигматизации секс-работников, приводит к отсутствию доступа к здравоохранению, жилью, к поиску альтернативной работы, отделению от собственных детей и изоляции»⁸. Проблема дискриминации затрагивает и мужчин, имеющих секс с мужчинами. Так, по данным опроса «Российской ЛГБТ-сети», 12,3% геев, лесбиянок, бисексуалов и трансгендеров подвергались физическому насилию, 32,8% – психологическому, при этом 37% имели проблемы с трудоустройством в связи со своей ориентацией⁹. Наркопотребители также нередко подвергаются дискриминации. А.А. Александров указывает на то, что даже в учебнике академии МВД наркопотребитель определяется как «опустившееся, безвольное, порочное существо, уничтожающее все живое, угроза обществу и нашим детям»¹⁰.

Вследствие стигматизации и дискриминации уязвимые группы зачастую оказываются исключены из социальных отношений. Именно поэтому так распространено мнение (разумеется, ошибочное) о том, что проблема ВИЧ касается только групп риска. На самом же деле следует понимать, что под угрозой заражения оказываются не только люди, употребляющие инъекционные наркотики, коммерческие секс-работники и мужчины, имеющие секс с мужчинами, но и все, кто имеет половые контакты с представителями указанных групп.

⁶ Подробнее о группах риска по ВИЧ см.: *Israel E., Laudari C., Simonetti C. HIV prevention among vulnerable populations: The Pathfinder International approach.* – Pathfinder International. 2008. P. 1.

⁷ Под девиацией в работе понимается социальная девиация, определяемая как «поведение, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся норм в определенных сообществах в определенный период их развития» (*Громов И.А., Мацкевич И.А., Семенов В.А.* Западная социология. СПб.: Издательство ДНК, 2003. С. 532).

⁸ Манифест секс-работников Европы. Веб-сайт Ассоциации секс-работников и их сторонников. URL: <http://silver-rose.org/?p=docs&pg=1>.

⁹ Нарушение прав человека и дискриминация в отношении ЛГБТ в 2014 г.: данные количественного опроса // Интернет-портал «Российской ЛГБТ-сети». URL: http://www.lgbtnet.org/sites/default/files/monitoring_2014.pdf.

¹⁰ *Александров А.А.* Стигматизация в наркологии // *Медицинская панорама.* 2006. №. 11. С. 25–28.

Таким образом, эпидемия ВИЧ, прежде концентрировавшаяся в среде уязвимых групп (особенно в среде людей, употребляющих инъекционные наркотики), вышла за их пределы. На сегодняшний день на гетеросексуальные контакты и инъекционное наркопотребление в Восточной Европе (в том числе и в России) приходится примерно одинаковое количество новых случаев заражения ВИЧ: в 2007 г. в Восточной Европе и Центральной Азии 42% новых случаев ВИЧ пришлось на гетеросексуальные контакты, на потребление инъекционных наркотиков пришлось 57%¹¹. В России на инъекционное употребление наркотиков приходится 57,3%, на гетеросексуальные контакты 40,3% новых случаев инфицирования ВИЧ¹².

Организации, занимающиеся борьбой с ВИЧ, имеют определенные стратегии профилактики заболевания среди населения в целом: в первую очередь это программы по доступному анонимному тестированию и консультациям по вопросам инфекции и раздача презервативов. Кроме того, для уязвимых групп ВОЗ рекомендует использовать специфические профилактические программы. Далее вкратце будут описаны основные и наиболее эффективные из них.

Для людей, употребляющих инъекционные наркотики, это внедрение программ обмена шприцев, опиоидная заместительная терапия, регулярный скрининг на предмет наличия инфекций, передающихся половым путем (далее – ИППП), и внедрение стратегий аутрич-работы¹³. Такие же программы применяются для профилактики ВИЧ в среде коммерческих секс-работников¹⁴. Для мужчин, практикующих секс с мужчинами, это распространение презервативов среди сообщества, внедрение стратегий аутрич-работы и регулярный скрининг на предмет наличия ИППП¹⁵.

¹¹ Данные взяты из доклада: Развитие эпидемии СПИДа 2009. – Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу, Всемирная организация здравоохранения. 2009. С. 49, 51.

¹² Федеральный центр СПИД. Справка. ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 31 декабря 2014 г. URL: <http://www.hivrusia.org/files/spravkaHIV2014.pdf>.

¹³ Аутрич-работа – это метод, направленный на установление контактов и донесение информации, консультаций, профилактических средств до закрытых социальных групп в местах, привычных для них. См.: Technical guide for countries to set targets for universal access to HIV prevention, treatment and care for injecting drug users. – World Health Organization, United Nations Office on Drugs and Crime, UNAIDS. 2014. С. 10.

¹⁴ Prevention and treatment of HIV and other sexually transmitted infections for sex workers in low-and middle-income countries: recommendations for a public health approach. – World Health Organization. 2012. С. 9.

¹⁵ Профилактика и лечение ВИЧ-инфекции и инфекций, передаваемых половым путем среди мужчин, практикующих секс с мужчинами, и трансгендерных лиц. – Всемирная организация здравоохранения. 2012. С. 33.

Помимо технических рекомендаций по профилактике ВИЧ ВОЗ дает рекомендации «политические». К примеру, рекомендуется постепенно декриминализовать потребление наркотиков и их хранение для личного использования; предпочитать поддержку и лечение репрессивным мерам¹⁶. Также ВОЗ призывает к декриминализации коммерческого секса, обеспечению секс-работников социальными гарантиями и созданию общественных объединений работников секс-труда в целях защиты прав данной группы. Кроме того, ВОЗ отмечает, что необходимо принять антидискриминационные и защитительные законы, соответствующие международным стандартам защиты прав человека с целью ликвидации дискриминации и насилия, с которыми сталкиваются уязвимые группы, а также для снижения их уязвимости в отношении инфицирования ВИЧ и развития СПИДа¹⁷. Помимо всего перечисленного ВОЗ указывает, что услуги здравоохранения должны предоставляться вышеуказанным группам на основе принципов медицинской этики и права на здоровье¹⁸. Тем не менее далеко не все страны соглашаются с рекомендациям ВОЗ и соблюдают их.

Конвенционально существуют две основные стратегии борьбы с ВИЧ в среде групп риска: стратегия снижения вовлеченности (*prevalence reduction*)¹⁹ и стратегия снижения вреда (*harm reduction*)²⁰. Меры, рекомендуемые ВОЗ, относятся к снижению вреда. Такая стратегия предполагает открытость и соблюдение прав человека в отношении стигматизированных групп. В целом для стратегии снижения вреда опорой являются общие этические представления и право человека на достоинство. В то же время стратегия снижения вовлеченности подразумевает репрессивные меры в отношении рядовых наркопотребителей, коммерческих секс-работников и мужчин, имеющих секс с мужчинами.

¹⁶ Technical guide for countries to set targets for universal access to HIV prevention, treatment and care for injecting drug users. – World Health Organization, United Nations Office on Drugs and Crime, UNAIDS. 2014. С. 23.

¹⁷ Prevention and treatment of HIV and other sexually transmitted infections for sex workers in low-and middle-income countries: recommendations for a public health approach. – World Health Organization. 2012. С. 8.

¹⁸ Профилактика и лечение ВИЧ-инфекции и инфекций, передаваемых половым путем среди мужчин, практикующих секс с мужчинами, и трансгендерных лиц. – Всемирная организация здравоохранения. 2012. С. 12.

¹⁹ Более репрессивная стратегия, опирающаяся на снижение количества людей, вовлеченных в ту или иную деятельность (*MacCoun R.J. Moral outrage and opposition to harm reduction // Criminal Law and Philosophy. 2013. Т. 7. N 1. P. 83*).

²⁰ Более мягкая стратегия основывается на снижении вреда, ассоциированного с вовлеченностью в ту или иную деятельность. (См.: там же.)

Доказано, что стратегия снижения вреда гораздо эффективнее в отношении борьбы с эпидемией ВИЧ, чем стратегия снижения вовлеченности. Это подтверждают примеры Нидерландов и Швейцарии. Согласно отчету ЮНЭЙДС, указанным странам удалось за счет внедрения программ снижения вреда сократить долю новых случаев заражения ВИЧ путем инъекционного наркопотребления до 5% и 4% соответственно²¹. Тем не менее далеко не все страны внедряют стратегию снижения вреда в рамках борьбы с ВИЧ. Но даже если страны и вводят некоторые компоненты программы, зачастую они работают неэффективно, и это не останавливает дискриминацию и социальное исключение групп риска.

В 2015 г. П.А. Мейлахс представил индекс благоприятности условий борьбы с ВИЧ в Европе в среде людей, употребляющих инъекционные наркотики (*Index of HIV policy environments for people who inject drugs across European region*), конструирующийся на основе оценки эффективности внедрения программ снижения вреда²². Так, ему удалось составить своего рода рейтинг стран по значению индекса: от наиболее успешных с высшими значениями до тех, где внедрение программ снижения вреда пока происходит недостаточно эффективно (см. рис. 1).

²¹ Развитие эпидемии СПИДа 2009. – Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу, Всемирная организация здравоохранения. 2009. С. 68.

²² Мейлахс П.А. Constructing an index of HIV policy environments for people who inject drugs across European region // Доклад на методологическом семинаре “Economic and Social Changes: values effects across Eurasia”. 2015. URL: https://lcsr.hse.ru/data/2015/04/18/1095549448/LCSR_EBES_Apr2015_Meylakhs.pdf.

ВИЧ. Так, отмечалось, что стратегия по работе с людьми, употребляющими инъекционные наркотики, в отношении опиоидной заместительной терапии не может быть согласована из-за несоответствия российскому законодательству²⁶. Также коммерческий секс является административным правонарушением²⁷. Кроме того, эксперты указали, что практика правоприменения в России способствует маргинализации коммерческих секс-работников и людей, употребляющих инъекционные наркотики, что, в свою очередь, препятствует эффективному осуществлению лечения и профилактике ВИЧ. Эксперты признают, что охват уязвимых групп профилактическими программами крайне низок, стандарты оказания медицинской помощи при ВИЧ устарели, наркологи имеют недостаточную квалификацию для эффективной работы с наркопотребителями. Более того, со стороны медицинских работников присутствует стигматизация и дискриминация ВИЧ-инфицированных пациентов. Основным направлением правозащитной работы эксперты заявили бытовую и трудовую дискриминацию (отказ в приеме на работу, увольнение в связи с положительным ВИЧ-статусом²⁸).

Действительно, случаи увольнения ВИЧ-инфицированных с работы – не редкость в России. Несмотря на то что по закону²⁹ «не допускаются увольнение с работы, отказ в приеме на работу, отказ в приеме в организации, осуществляющие образовательную деятельность, и медицинские организации, а также ограничение иных прав и законных интересов ВИЧ-инфицированных на основании наличия у них ВИЧ-инфекции», такие случаи происходят повсеместно.

²⁶ В Уголовном кодексе Российской Федерации существуют как минимум две статьи, существенно ограничивающие поле деятельности в этой сфере: ст. 228 («Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества») и ст. 230 («Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»). Подробнее см.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.03.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²⁷ См. статью 6.11 Кодекса об административных правонарушениях «Занятие проституцией» (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.04.2016) // Российская газета. 2001. № 256).

²⁸ National Composite Policy Index (NCPI) 2010 reports – Russia. – UNAIDS website. URL: http://www.unaids.org/sites/default/files/en/dataanalysis/knowyourresponse/ncpi/2010countries/russianfederation_2010_ncpi_ru.pdf.

²⁹ См. ст. 17 «Запрет на ограничение прав ВИЧ-инфицированных» Федерального закона (Федеральный закон от 30.03.1995 № 38-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» // Российская газета. 1995. № 72).

Да, о них известно мало: человека просто заставляют писать так называемое заявление по собственному желанию. К примеру, Владимир Маяновский, председатель координационного совета «Объединения людей, живущих с ВИЧ», признается, что его самого уволили с работы. Владимир говорит, что он, как и остальные ВИЧ-инфицированные, уволенные в связи со своим статусом, не обращался в суд, чтобы не афишировать свой статус, ведь устроиться на работу после этого крайне сложно³⁰: не принять человека на работу проще, чем уволить его. Более того, Маяновский рассказывает, что некоторые члены его организации оказывались в поистине страшных ситуациях: «У нас были такие истории, что у девочки дом сожгли, других просто выгоняли из деревни, третьих камнями закидывали. И им приходилось менять место жительства»³¹. Так, можно видеть, что трудовая и бытовая дискриминация ВИЧ-положительных людей в России, к сожалению, не редка. Несмотря на то что право на труд без дискриминации закреплено в Конституции Российской Федерации³², трудовая дискриминация ВИЧ-инфицированных является серьезной проблемой. Надзор за соблюдением законодательства относится к компетенции органов прокуратуры, а механизм судебной защиты прав человека в России, как отмечают эксперты, работает неэффективно. Также они считают, что на сегодняшний день контакт политиков с профессионалами по профилактике ВИЧ недостаточен³³.

К примеру, в российском законодательстве имеются существенные расхождения с «политическими» рекомендациями ВОЗ, а люди, живущие с ВИЧ, часто подвергаются дискриминации. Также наиболее уязвимые группы в России являются стигматизированными и тоже подвергаются дискриминации. Из доклада экспертов следует, что, хотя Россия и пытается внедрять программы снижения вреда, они оказываются фактически неработающими. Это происходит как из-за слабости институтов, низкого уровня вовлеченности некоммерческих общественных организаций (НКО), так и из-за того, что в настоящее время в российском законодательстве закреплен подход

³⁰ Кизиров И. «Он спрячется и будет умирать» // Радио Свобода. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27265039.html>.

³¹ Там же.

³² См. ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398).

³³ National Composite Policy Index (NCPI) 2010 reports – Russia. – UNAIDS website. URL: http://www.unaids.org/sites/default/files/en/dataanalysis/knowyourresponse/ncpi/2010countries/russianfederation_2010_ncpi_ru.pdf.

снижения вовлеченности (это выражается, в частности, в криминализации коммерческого секса и наркопотребления). Нынешние юридические нормы, к сожалению, сами по себе не оставляют возможности для эффективного внедрения программ снижения вреда.

Как уже было указано выше, НКО в России слабо вовлечены в процесс профилактики ВИЧ. Это происходит потому, что нынешнее российское законодательство существенно ограничивает их возможности. Этому способствуют и поправки, после внесения которых появился статус НКО, выполняющей функции иностранного агента³⁴. Очевидно, в данном законе содержится коррупциогенный фактор³⁵. НКО «признается участвующей в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, она участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях». Проблема состоит в следующем: закон не дает представления о том, что именно является «формированием общественного мнения», а это, в свою очередь, оставляет возможность выгодной в той или иной ситуации трактовки данного нормативно-правового акта. Например, не так давно саратовская НКО «Социум», занимавшаяся профилактикой ВИЧ (аутрич-работа, раздача шприцев и презервативов, тестирование на ВИЧ и консультации), была внесена в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента. Причиной послужили опросы, проводившиеся для сбора статистической информации об эффективности профилактики ВИЧ в Саратове и области. Экспертное заключение для суда готовил Иван Коновалов, профессор кафедры истории, социологии, политики и сервиса СГЮА. Журналистам он пояснил, что особенно его возмущают программы снижения вреда — бесплатная раздача презервативов и обмен шприцев. «Они разрушают

³⁴ Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Российская газета. 2012. № 166.

³⁵ Коррупциогенными являются положения нормативных правовых актов и их проектов, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции (Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 29. Ст. 3609).

и наши традиции, и наши национальные ценности», – прокомментировал эксперт. Заместитель прокурора Энгельса³⁶ Максим Кашен-Баженов заявил, что «ряд людей, которые занимались этими исследованиями, являются членами различных комиссий при органах местного самоуправления, а значит, информация, полученная при работе с «Социумом», использовалась ими при принятии решений»³⁷. Странным в этой истории выглядит то, что закон³⁸ не относит к политической деятельности работу в сфере здравоохранения, но тем не менее это не помешало суду признать «Социум» иностранным агентом.

Эта ситуация показательна по многим причинам. Во-первых, она наглядно демонстрирует, какие реальные последствия может иметь коррупциогенный фактор в законе. Во-вторых, сотрудничество органов власти и НКО является одним из базовых принципов стратегии снижения вреда, поэтому заявление прокурора Кашен-Баженова вызывает вопросы. В-третьих, не кажется убедительной позиция эксперта, заключающаяся в том, что снижение вреда пагубно влияет на традиционные ценности: неясно, что это за ценности и каким образом снижение вреда их разрушает. Еще менее убедительным выглядит данный комментарий, если обратить внимание на то, что Россия входит в число стран с самым высоким уровнем распространенности секулярно-рациональных ценностей и, соответственно, низким уровнем распространенности ценностей традиционных³⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что российское законодательство слабо приспособлено к внедрению программ снижения вреда, требуется серьезная работа по декриминализации секс-труда и наркопотребления. Также необходимы действия по защите прав не только уязвимых групп, но и ВИЧ-инфицированных в целом. Успех Западной Европы показывает, что стратегия снижения вреда действительно эффективна, но только тогда, когда она не противоречит законодательству, а в обществе наблюдается высокая толерантность к девиации. Помимо этого требуется тщательная экспертиза российских нормативно-правовых актов на предмет наличия коррупциогенных факторов.

³⁶ Город, входящий в состав МО «Город Энгельс» в Саратовской области.

³⁷ Черных А. Суд во время эпидемии // Коммерсант. URL: <http://kommersant.ru/doc/2967485>.

³⁸ Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Российская газета. 2012. № 166.

³⁹ Inglehart R., Welzel C. Changing mass priorities: The link between modernization and democracy // Perspectives on Politics. 2010. Т. 8. № 2. С. 554.

В современном цивилизованном мире ВИЧ – не приговор: инфицированные люди могут вступать в отношения с неинфицированными, иметь здоровых детей, выполнять ту же работу, что и любой другой человек. К сожалению, в российском обществе право на достоинство личности зачастую не соблюдается, а ВИЧ-инфицированные люди – и в особенности уязвимые группы – слабо интегрированы в общество.

Ответ на вопрос, вынесенный в заглавие работы, разумеется, положительный. Более того, в борьбе с ВИЧ соблюдение прав человека играет важнейшую роль. Без понимания этого со стороны российской власти невозможно наладить продуктивную совместную работу с активистами и правозащитниками в сфере профилактики и лечения ВИЧ. Такое понимание является необходимым условием для того, чтобы остановить распространение эпидемии в России, а также для воплощения во многом пока декларативной модели демократического правового государства.

Источники

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.03.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.04.2016) // Российская газета. 2001. № 256.

4. Федеральный закон от 30.03.1995 № 38-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» // Российская газета. 1995. № 72.

5. Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Российская газета. 2012. № 166.

6. Александров А.А. Стигматизация в наркологии // Медицинская панорама. 2006. №. 11. С. 25–28.

7. Громов И.А., Мацкевич И.А., Семенов В.А. Западная социология. СПб.: Издательство ДНК, 2003.

8. *Кизиров И.* «Он спрячется и будет умирать» // Радио Свобода. URL:<http://www.svoboda.org/content/article/27265039.html> (дата обращения: 20.04.2016).
9. Манифест секс-работников Европы. Веб-сайт Ассоциации секс-работников и их сторонников. URL: <http://silver-rose.org/?p=docs&pg=1> (дата обращения: 20.04.2016).
10. *Мейлахс П.А.* Constructing an index of HIV policy environments for people who inject drugs across European region // Доклад на методологическом семинаре “Economic and Social Changes: values effects across Eurasia”. 2015. URL: https://lesr.hse.ru/data/2015/04/18/1095549448/LCSR_EBES_Apr2015_Meylakhs.pdf (дата обращения: 18.03.2016).
11. Профилактика и лечение ВИЧ-инфекции и инфекций, передаваемых половым путем среди мужчин, практикующих секс с мужчинами, и трансгендерных лиц. – Всемирная организация здравоохранения. 2012.
12. Развитие эпидемии СПИДа 2009. – Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу, Всемирная организация здравоохранения. 2009.
13. Федеральный центр СПИД. Справка. ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 31 декабря 2014 г. URL: <http://www.hivrussia.org/files/spravkaHIV2014.pdf> (дата обращения: 20.04.2016).
14. *Черных А.* Суд во время эпидемии // Коммерсант. URL: <http://kommersant.ru/doc/2967485> (дата обращения: 19.04.2016).
15. Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings. – United Nations Statistics Division. United Nations website. 2013. URL: <http://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49regin.htm> (дата обращения: 14.04.2016).
16. *MacCoun R.J.* Moral outrage and opposition to harm reduction // Criminal Law and Philosophy. 2013. Т. 7. N 1. P. 83.
17. National Composite Policy Index (NCPI) 2010 reports – Russia. – UNAIDS website. URL: http://www.unaids.org/sites/default/files/en/dataanalysis/knowyourresponse/ncpi/2010countries/russianfederation_2010_ncpi_ru.pdf (дата обращения: 12.03.2016).
18. Prevention and treatment of HIV and other sexually transmitted infections for sex workers in low-and middle-income countries: recommendations for a public health approach. – World Health Organization. 2012.
19. Technical guide for countries to set targets for universal access to HIV prevention, treatment and care for injecting drug users. – World Health Organization, United Nations Office on Drugs and Crime, UNAIDS. 2014.

20. The World Factbook. — Central Intelligence Agency Website. 2009. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2066rank.html> (дата обращения: 17.04.2016).

21. *Inglehart R., Welzel C.* Changing mass priorities: The link between modernization and democracy // *Perspectives on Politics*. 2010. Т. 8. N 2. P. 551–567.

22. *Israel E., Laudari C., Simonetti C.* HIV prevention among vulnerable populations: The Pathfinder International approach. — Pathfinder International. 2008.

Гражданское общество, адреналин и фрейм

Аннотация

Существует распространенное мнение, что граждане России мало склонны к политической активности. Другими словами, гражданское общество в нашей стране еще не развито. Как одно из доказательств существования гражданского общества можно рассматривать наличие развитых институтов и организаций некоммерческого и негосударственного характера. Но прежде всего мне кажется интересным существование независимых организаций, цели которых – изменение политической реальности, попытка повлиять на политику страны. Именно подобное проявление гражданского общества наиболее точно позволяет говорить о его существовании. Но как происходит мобилизация в подобных организациях? Какие факторы определяют успешное существование таких движений? Какую роль играет гражданское общество в подобных процессах?

Проблема слабой способности российского гражданского общества к мобилизации часто объясняют наличием коллективных стереотипов, недостатком мобилизационных ресурсов или особой политической культурой. Но мне представляется, что в подобной перспективе некоторые важные факторы отбрасываются – это можно видеть при более детальном рассмотрении каждого кейса. Исследователи коллективного действия на уровне микросоциологии выделяют такие факторы мобилизации, как близость между участниками, а также фактор вторжения в повседневную жизнь. Мое исследование организации «Молодежный Антинаркотический Спецназ» (МАС), проведенное при помощи метода включенного участвующего наблюдения и фрейм-анализа, показало другой способ мобилизации. МАС – негосударственная и некоммерческая организация, которая занималась борьбой с наркотиками незаконными средствами с 2012 г.

Мобилизация низовых участников МАС не может быть объяснена ни одной из вышеупомянутых парадигм. Я считаю, что определенный успех мобилизации МАС – это результат специфического фреймирования ситуации борьбы с наркотиками. Участники воспринимали

¹ Бекреев Андрей (abekreev@eu.spb.ru) – магистрант Европейского университета в Санкт-Петербурге. Третье место в конкурсе.

свою активность, скорее, как аттракцион, который ближе к адреналиновым видам спорта, чем к политической деятельности. МАС предлагал потенциальному активисту надеть на себя «роль» храброго борца за справедливость. Эта «роль» оказывалась тем привлекательнее, чем легче ее было снять с себя в любой момент.

Также определенная специфика создания и уничтожения организации МАС и схожесть этих моментов с историей некоторых других российских организаций некоммерческого характера позволяют усомниться в существовании свободного гражданского общества в России.

Abstract

There is a widespread belief that citizens of Russia are little inclined to a political activity. In other words, the “civil society” is not developed in Russian Federation yet. As one of the evidence of a “civil society” can be considered its manifestations in a social and political life. Namely, such evidence could be the development and activity of a variety of non-profit and non-governmental organizations. But above all, it seems interesting to us the presence of independent associations whose purpose is to change the political reality. Here the manifestation of a “civil society” is most acute when we speak of the associations of people whose goal is the change in legislation or an attempt to influence the policy of the country. But how the mobilization can take place in such associations? What factors determine the success of the existence of such associations? What role of a “civil society” is given in this process?

The problem of a weak ability of Russian “civil society” to the mobilization is often explained by the stereotypes of collective submissions, lack of resources for the mobilization or, for example, special political culture. But it seems to us, in such perspective several factors are cut off, which can be seen in a more detailed examination of the particular case. Researchers of collective action at the level of microsociology have allocated factors of “vicinity among themselves” for movement’s participants, the factors of violation of everyday life. Our study of “Youth Anti-drug Forces” (рус. «Молодежный Антинаркотический Спецназ») organization (the study have been using methods of a included participative surveillance and a frame analysis) showed a different path of mobilization. YAF is the non-government and non-commercial organization which have struggling with drugs by illegal methods in Russia (since 2012).

The activity of inferior YAF participants can’t be explained by any of the mentioned paradigms. We think that some success in mobilizing YAF is a result of specific framing for fighting against drugs situation. Participants perceived their activity as “attraction”, which is closer to some adrenaline sports

then to political actions. YAF offered try a “role” of brave justice fighter to potential activist. This “role” was the more attractive than the more easily it can be removed.

Also, a certain specificity of the creation and destruction for the YAF organization, as well as the similarity of these moments with the history of some other Russian noncommercial organizations, allows us to doubt the existence of the free “civil society” in Russia.

Введение

Существует распространённое мнение о том, что граждане России мало склонны к политической активности и коллективным действиям, направленным на изменения. Другими словами, в России не сформировалось гражданское общество², и, как следствие, говорить о существовании в нашей стране правового государства не приходится³. Одним из признаков наличия гражданского общества можно считать его проявления в общественно-политической жизни, а именно развитость и активность разнообразных некоммерческих и негосударственных объединений⁴. Но прежде всего мне кажется интересным наличие независимых от государства объединений, целью которых является изменение политической действительности. Здесь гражданское общество проявляется наиболее остро, когда мы говорим об объединении людей, целью которого служит изменение в законодательстве или попытка повлиять на политику страны, притом что задачами таких изменений являются прежде всего сами изменения, что далеко не всегда можно сказать о политической деятельности, исходящей от «заинтересованных» государственных структур — партий, министерств, управлений и т.п. Но как может происходить мобилизация в подобного рода объединениях? Какие факторы определяют успешность существования таких объединений? Какая роль в этом отводится гражданскому обществу?

² Термин «гражданское общество» здесь используется с опорой на работы Ж.-Ж. Руссо. То есть гражданское общество — это социально организованная структура, в основном складывающаяся за пределами государственных структур, но охватывающая и их, так как они образованы гражданами, то есть членами гражданского общества. Такие элементы государственной власти, как разделение властей, наличие легальной оппозиции, многопартийность и т.д., сами по себе не представляют структуру гражданского общества, но порождены им и являются формами закрепления его влияния в политической организации общества (Руссо Ж.-Ж. «Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / Пер. с фр. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998).

³ Баренбойм П.Д. Правовое государство как партнер гражданского общества: к 150-летию опубликования концепции «Государство как произведение искусства» // Законодательство и экономика. 2010. № 9.

⁴ Там же.

В зависимости от выбранной парадигмы проблема слабой способности к мобилизации гражданского общества объясняется наличием стереотипов «недоверия к коллективным действиям и возможности что-либо изменить»⁵, отсутствием ресурсов, необходимых для мобилизации⁶, или, например, особой политической культурой⁷.

Как мне кажется, такой макросоциологический взгляд излишне абстрагирует проблему мобилизации гражданского общества. При подобной перспективе отсекается ряд факторов, которые могут быть видны при более детальном рассмотрении конкретного случая. Исследователи коллективных действий на этом уровне выделяют фактор близости участников движения между собой как один из определяющих факторов мобилизации⁸: если все друзья человека отправляются митинговать, то ему сложно не пойти. Говоря о молодежи, также важным фактором является проживание отдельно от родителей, чтобы те не могли помешать участвовать своему ребенку в высокорискованных вариантах активизма⁹. Исследователи *grassroots movements* в России выделяют фактор быта¹⁰ как один из важнейших для вовлечения в политическую или активистскую деятельность. Ситуация выглядит примерно так: человек выходит на улицу, раздает листовки, вешает объявления лишь тогда, когда нечто нарушает его уклад жизни — двор загрязнен, подъезд затоплен, квартира разграблена... В данной работе я бы хотел подчеркнуть, что быт — не единственный фактор, мобилизующий граждан РФ на коллективную деятельность. Есть ли иные способы мобилизации россиян помимо непосредственной угрозы тому, что Л. Тевено назвал интимным пространством¹¹? Именно исходя из этих соображений я и выбрал объект исследования данной работы — организацию «Молодежный Антинаркотический Спецназ» (МАС).

Путь мобилизации, который проходят ее участники, не может быть объяснен ни одной из вышеупомянутых парадигм. Результаты

⁵ Римский В.Л. Политическая и общественная активность российских граждан. Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 60–68.

⁶ Щепёткин А.В. Политическая активность молодежи: особенности и способы повышения. Омский научный вестник. 2011. № 2 (96).

⁷ Зевина О.Г., Макаренко Б.И. Об особенностях политической культуры современной России. ВЦИОМ. 2009. Пресс-выпуск № 1147.

⁸ McAdam D. Recruitment to High-Risk Activism: The Case of Freedom Summer. American Journal of Sociology. 1986. Vol. 92. N 1. P. 64–90.

⁹ Там же.

¹⁰ Clément K. Unlikely mobilisations: how ordinary Russian people become involved in collective action. Неопубликованная рукопись. 2015.

¹¹ Thévenot L. Voicing concern and difference from public spaces to common-places. European Journal of Cultural and Political Sociology. 2014. Vol. 1. N 1.

включенных наблюдений показывают, что «рядовые» участники МАС (практически всегда молодежь) редко знают кого-то из организации до вступления в нее и обычно приходят туда в одиночку. Более того, проблема наркотиков не является чем-то затрагивающим быт участников, к тому же наличие среди массовцев школьников говорит, что не все участники живут отдельно от своих семей.

Есть основания полагать, что проблема наркотиков не является личной проблемой большинства участников МАС по следующим соображениям. Прежде всего среди репортажей и видео, посвященных МАС и доступных для поиска, мне не удалось найти историй, посвященных личной заинтересованности участников, что, кажется, было бы хорошим информационным поводом для «сюжета». Кроме того, во время бесед перед «сафари» разговор часто заходил о причинах участия. При исследователе никто не называл причину, которую можно было бы рассматривать как личную.

Какие же факторы оказали мобилизующий эффект на рядовых участников? Я провел включенное участвующее наблюдение в организации МАС, причем мне посчастливилось участвовать в самой первой акции МАС в Санкт-Петербурге и в дальнейшем еще в двух. К этому также добавлены результаты наблюдений за деятельностью МАС в социальной сети «В контакте», где она и базировалась вплоть до закрытия. В результате наблюдений я пришел к выводу, что главными мобилизующими факторами для низовых участников МАС были жажда адреналина, мысли о карьере и определенный взгляд на ситуацию продажи наркотиков в Санкт-Петербурге. Все эти факторы проявляются как следствие специфического фреймирования акций МАС на улице, в интернете и СМИ.

Но прежде чем ответить на главный вопрос данной работы, кажется необходимым описать организацию, чтобы читатель мог сделать соответствующие выводы.

Структура МАС

Молодежный Антинаркотический Спецназ – таково самоназвание организации, возникшей в России предположительно в 2012 г., главная цель которой – борьба с наркотиками. Впервые автор услышал о ней из роликов на *Youtube*. Все ролики, выставленные в общий доступ МАС, выглядят примерно одинаково¹². Вначале молодой человек делает контрольную закупку курительной смеси, а точнее,

¹² Например, видеоролик: «Молодежный антинаркотический спецназ. Успешный рейд. Санкт-Петербург» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WPNEcETReHQ> (дата обращения: 20.04.2016).

так называемого спайса (*Spice*), после чего толпа людей в масках нападает на точку, продавшую курительную смесь. В точке (обычно это магазин, ларек или машина) выбивают стекла, переворачивают и крушат мебель, кидают дымовые шашки, расклеивают плакаты или просто рисуют краской надписи «Здесь торгуют смертью», «Здесь убивают ваших детей», «Здесь торгуют наркотиками» и т.п. Как правило, продавец, находящийся в точке, тоже не избегает возмездия — его связывают и поливают краской, иногда избивают, но не фатально. После этого толпа разбегается, иногда в конце видео демонстрируется приезд полиции¹³.

Стоит отметить, что на момент существования МАС продажа курительных смесей не являлась незаконной деятельностью, чем пользовались распространители спайса. Именно эта проблема, не дающая МВД пресекать продажу курительной смеси, и легитимировала существование организации. Собственно, официальное внесение курительных смесей в реестр запрещенных веществ и привело к ликвидации МАС за ненадобностью.

Меня заинтересовала эта организация, после чего была найдена соответствующая группа в социальной сети «В контакте». Мне повезло ухватить самое начало развития данной организации в Санкт-Петербурге — по крайней мере, более ранние упоминания о ней не были найдены. Группы МАС в сети «В контакте», посвященные разным городам России (а вместе с ними и новые видео), начали появляться одна за другой, и когда очередь дошла до Санкт-Петербурга, я тут же вступил в нее. Вскоре был объявлен сбор желающих поучаствовать в «сафари».

МАС прежде всего *нарушает* неприкосновенность частной собственности, практикует нанесение морального и физического вреда физическим лицам, хулиганство и т.п.¹⁴ Говоря языком М. Вебера, МАС нарушает монополию государства на насилие¹⁵. Налеты происходят на точки, обычно зарегистрированные как частные предприятия, в которых находится наемный работник в роли продавца, реже хозяин. Также налеты производятся на одиночных продавцов, торгующих спайсами на улице и в метро (разумеется, никакого разрешения на торговлю такие одиночки не имеют). Это интересный случай

¹³ Например, видеоролик: «На тропу войны со спайсом вышел МАС». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QfHEOGVbKEc> (дата обращения: 20.04.2016).

¹⁴ Статьи УК РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (принят Государственной Думой РФ 24.05.1996) 111, 112, 115, 117, 119, 129, 130, 167, 213.

¹⁵ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

с точки зрения проявления гражданского общества как экстремальный его вариант.

Следуя букве закона, полиции следовало бы заниматься преследованием данной организации, но мы наблюдаем противоположный эффект — у членов МАС берут интервью, корреспонденты часто становятся прямыми свидетелями рейдов, а лица и имена верхушки широко известны. Сотрудники полиции не просто не препятствуют деятельности МАС (во всяком случае, сведений о таковых случаях нет), а сами участвуют в некоторых «сафари»¹⁶.

Если говорить о **форме**, то члены МАС называют себя общественным движением, хотя официальной регистрации организация не имеет. То есть с точки зрения закона РФ МАС никогда не существовал. Это позволяет думать о МАС как о части гражданского общества.

Говоря о МАС как **организации**, необходимо отметить, что она не замечена в явных связях с какой-либо легитимной партией или движением. Об этом не сообщается ни в одном паблике в сети «В контакте» и ни в одном репортаже. Тем не менее есть один момент, который позволяет усомниться в отсутствии таких связей. Неоднократно при мне организаторы утверждали, что есть некий «центр» в Москве, который может помочь деньгами, что, в частности, и было сделано с оплатой проезда группы для рейда и закупкой краски и дымовых гранат.

Из дневника исследования: «После контрольной закупки выяснилось, что точка, которую мы собирались брать, уже нерабочая. Тем не менее “командиры” быстро решили, что нужно просто взять другую точку, которая находилась на довольно большом расстоянии от неработающей. Участники полушутливо возмутились, что им придется платить за проезд на автобусе, что они не планировали. Один из организаторов, член организации “СтопХам”, воспринял эту проблему всерьез. Он с кем-то говорил по телефону на удалении, после чего вернулся и объявил, что “центр” согласился взять расходы на себя».

Если предположить, что с «центром» связана не только петербургская ячейка, но и другие города, то становится понятно — такую сложную и затратную систему нельзя создать спонтанно и без ресурсов. Отсюда следует предположение, что МАС, вероятно, являлся классическим боевым крылом, связанным с легальным политическим крылом. Эти два отделения могут обмениваться ресурсами, кадрами, информацией ради схожих целей, а иногда и под единым руководством. Данное предположение может показаться совершенно

¹⁶ Видеоролик «На тропу войны со спайсом вышел МАС». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QfNEOGBkEKc> (дата обращения: 20.04.2016).

беспочвенным, но явно положительные отзывы со стороны официальных СМИ и активная помощь представителей МВД (в некоторых случаях сотрудники ФСКН участвовали в «сафари», после окончания которого производили обыск точки) все же заставляют задуматься. Кроме того, МАС официально именуется проектом, например, движением «Россия Молодая». На официальном сайте движения можно найти информацию о МАС¹⁷. Также стоит отметить наличие среди организаторов активиста движения «СтопХам», которое находится в тесных связях с правыми легальными политическими организациями, что, впрочем, может быть простым совпадением, хотя автор данной работы уверен в обратном.

Рекрутинг в МАС происходил непосредственно через публички, реже по личному знакомству. Новобранец пишет о желании участвовать, его просят указать свой номер телефона, на который в назначенный день присылают сообщение о времени и месте встречи. Как правило, такой новобранец может привести своих знакомых, но обычно его предупреждают о том, чтобы посторонних людей с ним не было. Этот новобранец участвует в «сафари» и в случае успеха приглашается на следующие рейды, но чаще всего это одноразовое участие. Такой метод рекрутинга позволяет МАС не устанавливать личные знакомства между рядовыми членами и организаторами. Более того, из-за определенной популярности МАС не испытывал нужды в том, чтобы как-то удерживать своих членов – практически всегда находилось достаточное количество желающих участвовать в «сафари».

Из дневника исследования: «Во время второго “сафари” выбрали более удобный день – субботу. Пришло больше людей, среди них практически все – новые лица. С прошлого “сафари” были только организаторы, я, чеченец Д. и двое школьников. Таким образом, примерно две трети участников предыдущего “рейда” не пришли во второй раз».

Ресурсная **база** МАС автору как «рядовому члену» была неизвестна. Можно лишь предположить наличие у организации покровителей, о чем писалось выше.

В МАС **контакты** были организованы строго сверху вниз. Организаторы ячейки решали, какую точку и как будут брать рядовые бойцы, затем оповещали рядовых бойцов и полевых командиров. На месте обсуждались план действий и распределение ролей, затем происходил сам «рейд». Всем членам рекомендовалось заводить ненастоящие аккаунты в сети «В контакте», а также не использовать личных фотографий и вообще не указывать информацию о себе. После

¹⁷ Официальный ресурс движения «Россия Молодая». «Молодежный Антинаркотический Спецназ (МАС)» URL: <http://rumol.ru/do/mac.html> (дата обращения: 20.04.2016).

каждого рейда сим-карта, с которой делались звонки и писались эсэмэски рядовым членам, а также производился финальный звонок в полицию (всегда по окончании налета вызывалась полиция самими же масовцами, после чего они разбегались), уничтожалась. Таким образом, рядовой участник мог контактировать с командирами только через аккаунт сети «В контакте».

Касательно же *репертуарной палитры* можно лишь подытожить: МАС активно использовал насилие и угрозу насилия, а также антинаркотическую пропаганду путем размещения в интернете видео со своими рейдами и генерирования соответствующего контента.

Конец существования МАС не только в Санкт-Петербурге, но и в целом в России приходится на 2014 г., когда Государственная Дума РФ приняла закон о внесении курительных смесей «спайс» в реестр запрещенных веществ, а значит, о несении уголовной ответственности за распространение данного вещества. Вероятно, то, что рядовые члены организации редко были постоянными участниками и имели мало контактов с верхушкой организации, привело к тому, что МАС не смог переродиться в другое движение. Руководителей было не так много, они не имели авторитета за рамками организации, были малоизвестны, так что проследить их путь после распада представляется почти невозможным, за исключением всероссийского лидера и организатора МАС Аркадия Гричишкин, который не скрывает своей личности и имеет официальные аккаунты во многих социальных сетях¹⁸.

Можно лишь предположить, что они либо отошли от активистской деятельности, либо перешли в другие организации, но ничего совместного на базе МАС точно не создавали. Об этом свидетельствует хотя бы простое закрытие пабликов, в которых была довольно значительная аудитория более или менее активных людей, что могло стать хорошей базой для любого другого движения наподобие МАС.

Хотелось бы добавить несколько слов о контенте, который сavidным постоянством обновлялся во множестве пабликов сети «В контакте». Со временем всё чаще можно было увидеть националистический и ксенофобский подтекст, чего не наблюдалось в первые месяцы открытия движения. Это вполне объяснимо тем, что наркоторговля в России все-таки имеет «национальность». Часто в видео МАС появлялись лица кавказкой национальности и выходцы из Средней Азии, пойманные за торговлю наркотическими смесями.

¹⁸ Например, аккаунт в социальной сети «В контакте»: https://vk.com/mr_prizident (дата обращения: 20.04.2016). Стоит добавить, что в сети широко доступны разные статьи и фотографии, демонстрирующие чрезвычайную поддержку Гричишкиным Президента РФ Владимира Путина.

Факторы мобилизации

Случай мобилизации, который автор статьи наблюдал в МАС среди рядовых членов, оказывается довольно нестандартным. Юноши «записывались на сафари», не зная никого из участников. Им рекомендовалось приходить в одиночку и бороться с такой абстрактной проблемой, как «продажа наркотиков в России». И тем не менее МАС продолжал успешно функционировать вплоть до полного законодательного запрещения продажи спайса. Такое поведение, на первый взгляд, хочется объяснить мощной идеологией. Но, во-первых, ряд исследований указывают на то, что идеология не является достаточным фактором для мобилизации людей на коллективную деятельность¹⁹. Во-вторых, идеологию в среде рядовых членов МАС нельзя назвать гомогенной; более того, из-за отсутствия контактов между собой вне рейдов представители этой группы не консолидировались. На рейд могли приходить как крайне правые, так и левые, причем о существовании политических взглядов друг у друга они могли и не подозревать. Хотя, конечно, контент на пабликах обладал, скорее, националистической правой риторикой, но беседы в среде участников МАС показывают, что далеко не все придерживались такой точки зрения.

Как уже было сказано, по результатам множества бесед в ходе включенного наблюдения, а также в ходе отслеживания активности МАС в сети «В контакте» я пришел к выводу о существовании трех основных мотивов, по которым люди приходили в МАС.

Во-первых, *жажда адреналина*. Видеоролики, которые производил МАС (во время каждого рейда один из организаторов был обязан заснять всё, смонтировать отснятое и выложить в интернет), обычно являлись первым, что видел потенциальный участник «сафари». Это своего рода визитная карточка движения. Главная функция видеоролика — правильно фреймировать²⁰ ситуацию для потенциальных участников «рейда». Действие происходило под музыку, обычно тяжелую и, что называется, «драйвовую», реже под трек в стиле рэп.

¹⁹ Rüdig W., Karyotis G. Who Protests in Greece? Mass Opposition to Austerity. *British Journal of Political Science*. Volume 44. Issue 03. 2014. P. 487–513.

²⁰ Термин «фрейм» используется мной с опорой на работы Р. Бенфорда и Д. Сноу. В анализе организации МАС фрейм понимается как структура, которая не просто является объяснительной рамкой (своего рода сеткой для придания объекту смысла, который изначально в нем не заложен) для того или иного объекта, но и сам он становится результатом предыдущего опыта и априорных ожиданий. Фрейм здесь понят как динамический процесс, который не является независимой единицей, — он порождает понимание, но при этом является результатом данного понимания на более высоком уровне, находясь в своего рода фрейме фрейма. Snow D., Benford R. Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment / *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 611–639.

Видео довольно динамичны, внимание акцентируется на моментах разбивания, уничтожения, переворачивания чего-либо, на захвате «барыги» и преодолении его сопротивления (если таковое есть). По словам одного из участников, «от видосов так и веет адреналином». Этот очень важный момент во многом напоминает культуру разного полуофициального спорта, такого как езда на горных велосипедах, трюки на скейтбордах, «бойцовские клубы» и т.д. В среде любителей подобного экстрима считается нормой создание видеороликов, похожих на ролики МАС. Также есть «экшен» под соответствующую музыку, а участники видео делают что-то «крутое», маскулинное, и, конечно, от видеороликов «веет адреналином».

Из дневника наблюдения: «“Командир” сказал надеть маски и достать оружие, если оно есть. Многие взяли с собой повязки, маски и оружие. На масках часто можно видеть разные эмблемы и надписи, как иногда и на оружии (бейсбольные биты, молотки, ломы, стреляющее оружие брать на рейд запрещено)...

...Мы пошли к “точке” в тишине, но, по мере того как подходили, чувствовалось, как вместо волнения приходит возбуждение. Некоторые начали свистеть и что-то кричать. В момент, когда точка разрушалась, было очевидно, как этим наслаждаются участники...»

Таким образом, зритель видеороликов ассоциирует себя с теми, кто производит «налет», как с людьми, делающими нечто «крутое» и маскулинное. Более того, этот фрейм поддерживается контентом пабликов и даже в обсуждениях. Саму акцию атаки на точку организаторы (а с их подачи и рядовые участники) называют «сафари», «рейдом», «налетом». Этот фрейм отсылает к участникам как охотникам, налетчикам и разбойникам, довольно привлекательным фигурам для молодых людей. Такая объяснительная рамка, заданная роликом (сложно представить себе участника, который пришел на «рейд», не посмотрев ни единого ролика), остается и непосредственно в момент акции, и после нее.

Тем не менее в роликах участники всегда значительно превосходят «барыг» количеством, да и те редко оказывают сопротивление. При всей кажущейся опасности мероприятия, оно воспринимается как достаточно безопасное. Действительно, слово «сафари» как нельзя лучше описывает акцию МАС, поскольку «охотники» находятся заведомо в превосходящей позиции по отношению к своим жертвам и в относительной безопасности. К тому же совершенно не обязательно обладать особыми навыками или развитым телосложением — участником может стать любой желающий (опять же в отличие от упомянутых выше видов спорта).

Это само по себе может являться важной точкой для размышлений о природе подобной мобилизации в РФ. Наш случай показывает, что (по крайней мере, на 2012 г.) запрос на адреналин среди молодежи РФ существует и он достаточно велик. Можем ли мы говорить о том, что в условиях жизни наших мобилизантов присутствует подавленная агрессия, требующая выхода, да еще в столь разрушительном виде? Ведь если бы ее не имелось, то на «предложение» МАС не было бы ответа. Но это, скорее, дискуссионный вопрос, чем вывод.

Также существенным моментом является то, что ролики находятся в широком доступе и их свободно можно прикреплять к себе на страничку в социальных сетях. Конечно, организаторы просят делать это анонимно, но надо сказать, что многие участники в комментариях под видео явно и неявно намекают на свое присутствие в видеороликах. С точки зрения затраты энергии, времени и получаемого «престижа» от поощрения своих действий со стороны окружающих, участие в акции выгоднее, чем, например, обучение езде на скейтборде. Очень важно продемонстрировать своим знакомым, что ты и есть тот самый охотник, налетчик и разбойник. Человек, который не боится сделать нечто радикальное, необычное, но самое главное, что он делает это ради благой цели. Именно тут появляется второй фактор мобилизации, который мы выявили в ходе исследования.

Ситуация «рейда» фреймируется участниками не просто как «адреналиновый спорт» – они не «выпендриваются», не «кичатся» чем-то таким, что не могут другие, как обычные спортсмены, а демонстрируют всем, что делают нечто положительное, борются с монстром наркоторговли. И полевые командиры, и организаторы более высокого уровня часто говорили о вреде курительных смесей, в пабликах нередко можно было видеть ролики под названием типа «Школьник обкурился спайса и вышел в окно» и т.п. **Спайс в понимании масовцев – это конкретное зло**, главной целью которого являются дети, но МВД с этим злом не борется (так как на момент существования МАС не было законных оснований и продажа курительных смесей не каралась законом). Среди участников МАС бытовало объяснение, что полиция может быть «в доле у наркоторговцев», из-за чего наблюдалось определенное недоверие к представителям правоохранительных органов, особенно в начале существования организации.

Из дневника исследования: «Один из участников представился правоверным мусульманином. Также он сказал, что является чеченцем. С наркотиками он пришел бороться, “потому что они яд и отравляют наших детей”. Когда зашел разговор о том, что, вероятно, на точке можно будет поживиться деньгами, он сказал: “Это грязные деньги.

Мы же делаем доброе дело. Как можно делать доброе дело и пользоваться грязными деньгами?»

Таким образом, движение МАС осознавало себя как единственного борца за справедливость, некую организацию, которая решила бороться с вреднейшим наркотиком там, где никто не борется. Эта мораль «борьбы за справедливость» была важным дополнением к «жажде адреналина». Причем участникам не мешало то, что некоторые из них имели опыт употребления спайса.

Из дневника исследования: «Хулиганского вида молодой парень П, одетый в спортивную одежду, часто употребляет матерные слова. Некоторые элементы его поведения кажутся с претензией на “блатного”: потирание рук при сообщении о начале “штурма”, специфический лексикон, одежда и т.п. В какой-то момент он браврирует: “Да я сам как-то пробовал пару раз. Ну приходы, конечно, дикие, такого детям нельзя давать”. Подобное высказывание не вызвало поддержки у остальных участников, но и явного отторжения тоже. Кажется, все ощущали, что это не их дело и этого человека после “рейда” вряд ли кто встретит...»

Каждое видео МАС начиналось с того, что производилась закупка продукции, воспринимаемой как зло, — иногда ее производил несовершеннолетний, чтобы не вызвать подозрений, а заодно продемонстрировать, насколько легко потенциальный школьник может приобрести курительную смесь (цена одного пакетика на 2012 г. составляла 500 рублей).

Еще один фактор мобилизации масовцев — **карьерные соображения**. Часто в беседах участников можно было слышать рассуждения о том, что «МАС — это лишь начало». Некоторым участникам представлялось, что МАС может перерасти в нечто большее и официальное, такому пониманию ситуации способствовало то, что филиалы МАС открывались по всей России. К тому же организаторы упоминали о некоем «центре» в Москве, где даже арендован офис. У рядовых участников возникала мысль, что МАС может быть хорошим трамплином для того, чтобы получить место в политике — причем, возможно, даже в недалеком будущем. Этот фрейм поддерживался организаторами, которые публично выставляли сообщения о том, что некоего рядового участника теперь назначили командовать рейдом, заниматься съемкой, следить за пабликом и т.д. Возникло ощущение сетевой компании, в которой есть разные уровни. Но надо сказать, что это был не самый сильный фактор мобилизации и подобные мысли разделяли далеко не все участники организации.

Процесс фреймирования

Осознанно или неосознанно, но организаторы МАС очень удачно смогли представить ситуацию продажи наркотиков как зло, с которым никто не борется, кроме МАС, а саму борьбу с наркотиками — как адреналиновый спорт с высокими благородными целями. Именно совокупность этих факторов и стала причиной высокой мобилизационной способности МАС. В моем понимании важным моментом мобилизации является момент «предложения». МАС предлагает участнику попробовать на себе «роль» активиста. Сознательно или нет, но участник взвешивает все «за» и «против» такого предложения и, как показала практика, довольно часто дает свое согласие.

Специфика участия в МАС предполагает, что роль «борца за справедливость» не обязательно должна плотно закрепляться за участником. В большинстве других организаций, где можно получить лавры «борца за справедливость», эта «роль» требует более вовлеченного «отыгрышания»: необходимо ходить на митинги, где твое присутствие могут заметить, оставлять повсюду свои контакты, активно трудиться и т.д. МАС менее требователен к своим участникам, в особенности к тем, которые не собираются строить карьеру. Человек может прийти, поучаствовать в сафари один раз, после чего получить желаемое видео со своим участием — лавры мужественного борца за справедливость. Причем будет затрачено минимум труда: всё, что нужно, — это прийти на «сафари» и в сравнительной безопасности, в толпе таких же, как ты, произвести «налет». Но после этого участник не обязан ничего делать. В целом можно сравнить такой способ мобилизации коллективного действия как предложение аттракциона.

Действительно, масовцы не оставляют контактов, не дают никаких обязательств. Вероятно, это и есть одна из причин, почему участники предпочитают приходить на «сафари» в одиночестве. Если мой знакомый будет продолжать посещать МАС, то мне станет сложнее выйти из него. Таким образом, я могу относиться к сафари как к аттракциону, который еще и социально одобряем, и присутствовать там лишь тогда, когда захочу. Эта необязательность и есть один из главных ингредиентов успешной мобилизации к коллективному действию в МАС.

Простота вхождения в МАС и выхода из него, а главное, достаточная демонстрация такой потенциальной возможности для участников объясняют «пестроту» среди них. Нет никакой необходимости устанавливать постоянные связи между другими участниками, кроме шапочных. МАС как возможность побыть «супергероем» в свободное от работы время фактически является молодежным хобби.

Идеологическая составляющая отходит на задний план — важно, чтобы действие происходило «за справедливость». Также такая потенциальная нерегулярность позволяет избежать родительской опеки: в ходе *high-risk activism* великовозрастное чадо будет отсутствовать дома какое-то время, но не настолько долго, чтобы родители начали беспокоиться.

Выводы

Случай мобилизации к коллективному действию в МАС (который, по сути, является частью гражданского общества в РФ) довольно уникален. Вместо борьбы, затрагивающей «интимное пространство», или борьбы за идеологию участникам предлагалось лишь «сыграть роль активиста». Необязательность и нерегулярность акций (по отношению к рядовому участнику) в совокупности с элементом драйва да еще под эгидой борьбы за справедливость вызвали мощнейший мобилирующий эффект. Наркотики понимались как зло независимо от взглядов и даже прошлого опыта участников. Всё это способствовало тому, что множество совершенно разных по социальному положению и политическим взглядам людей вместе участвовали в акциях МАС. Это косвенно подтверждает существующие ожидания о политической неактивности россиян.

С одной стороны, участники МАС были мобилизованы на достаточно радикальное коллективное действие по изменению действительности вокруг себя, которая всё же не затрагивала их «интимное пространство». С другой — мое исследование показывает, что это произошло не из-за политических воззрений участников и не столько из-за желания бороться со злом. Скорее, ситуация борьбы с наркотиками МАС фреймировалась как сравнительно неопасная, но служащая увеличению символического «капитала» участников хобби, чувствовавших себя охотниками и получавших удовольствие от выброса адреналина. Необязательность продолжать отыгрывать эту «роль» и большая «текучка кадров» отчасти подтверждают данную гипотезу. Таким образом, сложно говорить о политизации рядового участника МАС (хотя встречались и такие, но их было немного). В этом смысле акции данного движения больше похожи на адреналиновые виды спорта. Здесь «гражданское общество», провозглашая целью изменения некоего жизненного уклада, в действительности пытается «зацепить» чем-то другим. Говоря терминами Гоффмана, «показываемое» выдается за «источаемое»²¹. Вряд ли это проявление

²¹ Goffman E. Strategic Interaction. Chicago: Chicago University Press. Part one, “Expression Games: An Analysis of Doubts at Play”. 1969. P. 3–84.

«гражданского общества» могло бы существовать, если бы целью провозглашался драйв, а не борьба со злом, легитимирующая этот самый драйв. Поэтому идеология важна, но лишь как форма, однако процесс мобилизации в МАС никак не связан с тем, что служит официальным каркасом движения. Представляется, что подобный способ мобилизации можно встретить у ряда других, менее радикальных, но тем не менее реакционных организаций, являющихся частью так называемого гражданского общества.

Есть ли преемники у МАС в России сейчас? На мой взгляд, наиболее близким по стилю является проект «Лев Против»²², который борется с курением в неположенных по закону местах, а также распитием спиртных напитков и, разумеется, употреблением наркотиков. Активисты проекта также снимают ролики своих «рейдов» и «патрулей», в которых часто физически разбираются с теми, кто отказывается, например, потушить сигарету. Стоит отметить, что активисты не боятся вступать в конфронтацию даже с сотрудниками МВД и ФСКН²³ и официально получают гранты от Правительства РФ²⁴. Возникает впечатление, что этот проект искусственно создан и поддерживается Правительством РФ – вероятно, так же как в свое время и организация МАС, – не говоря уже о том, что руководитель проекта «Лев Против» Михаил Лазутин²⁵ (как и Аркадий Гричишкин в МАС) поддерживает политику Путина²⁶. Обе организации нарушали закон, не боятся полиции, получали помощь от Правительства РФ и выполняли (в случае с организацией «Лев Против» – всё еще выполняют) функцию, которая важна российскому правительству, но с которой легитимным путем оно справиться не может. Оба руководителя публично поддерживают политику российского государства, являются участниками проправительственных мероприятий, таких как «Селигер». Причем это не единственные организации подобного рода,

²² Официальный канал движения «Лев Против». URL: <https://www.youtube.com/user/lionversusSmoking> (дата обращения: 20.04.2016). Официальная группа движения «Лев Против» в социальной сети «В контакте». URL: <https://vk.com/lionvs> (дата обращения: 20.04.2016).

²³ Например, видеоролик: «Лев Против 101 – Пьяный сотрудник ФСКН полез драться». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-wXAkq0fCzY> (дата обращения: 20.04.2016).

²⁴ Сайт конкурса государственной поддержки ННО. Первый конкурс 2015 г. в соответствии с Распоряжением Президента РФ № 79-рп от 01.04.2015. URL: <https://grants.oprf.ru/grants2015-1/winners/rec4173/> (дата обращения 20.04.2016).

²⁵ Например, аккаунт в социальной сети «В контакте»: <https://vk.com/lazutinmisha> (дата обращения: 20.04.2016).

²⁶ Для подтверждения достаточно посетить аккаунт Михаила Лазутина в социальной сети «В контакте».

являющиеся частью гражданского общества, — достаточно вспомнить «СтопХам», «Хрюши Против» и т.п.

Это приводит меня к выводу, что российское правительство уже несколько лет активно занимается имитацией гражданского общества, создавая организации, поддерживаемые государством, которые борются с разного рода пока еще не решаемыми проблемами и насаждают одобряемые правительством нормы поведения. Помимо этих целей такие организации, вероятно, создают (прежде всего у гражданина РФ, но, возможно, еще и у международного сообщества в целом) ощущение живого гражданского общества, которое, ко всему прочему, выражает полную поддержку находящимся у власти структурам. Также не исключено, что создание подобных проектов (с описанной выше формой участия) ведет к еще одной важной для российского правительства цели — выброса агрессивной оппозиционной энергии в выгодное для аппарата Президента РФ русло. Все эти размышления, которые вполне могут оказаться ложными, тем не менее наталкивают на мысль, что говорить о наличии в России полноценного, свободного, независимого от государства гражданского общества не приходится.

Источники

1. *Баренбойм П.Д.* Правовое государство как партнер гражданского общества: к 150-летию опубликования концепции «Государство как произведение искусства» // Законодательство и экономика. 2010. № 9.
2. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
3. *Зевина О.Г., Макаренко Б.И.* Об особенностях политической культуры современной России // ВЦИОМ. 2009. Пресс-выпуск № 1147.
4. *Римский В.Л.* Политическая и общественная активность российских граждан. Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 60–68.
5. *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / Пер. с фр. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
6. *Щепёткин А.В.* Политическая активность молодежи: особенности и способы повышения. Омский научный вестник. 2011. № 2 (96).
7. *Clément K.* Unlikely mobilisations: how ordinary Russian people become involved in collective action. Неопубликованная рукопись. 2015.

8. *Goffman E.* Strategic Interaction. Chicago: Chicago University Press. Part one, “Expression Games: An Analysis of Doubts at Play”. 1969. P. 3–84.

9. *McAdam D.* Recruitment to High-Risk Activism: The Case of Freedom Summer. *American Journal of Sociology*. 1986. Vol. 92. N 1. P. 64–90.

10. *Rüdigg W., Karyotis G.* Who Protests in Greece? Mass Opposition to Austerity. *British Journal of Political Science*. Volume 44. Issue 03. 2014. P. 487–513.

11. *Snow D., Benford R.F.* Processes and Social Movements: An Overview and Assessment // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 611–639.

12. *Thévenot L.* Voicing concern and difference from public spaces to common-places. *European Journal of Cultural and Political Sociology*. 2014. Vol. 1. N 1.

13. Видеоролик: «На тропу войны со спайсом вышел МАС». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QfHEOGBkEKc> (дата обращения: 20.04.2016).

14. Видеоролик: «Молодежный антинаркотический спецназ. Успешный рейд. Санкт-Петербург». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WPNEcETReHQ> (дата обращения: 20.04.2016).

15. Видеоролик: «Лев Против 101 – Пьяный сотрудник ФСКН полез драться». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-wXAkgoFcZy> (дата обращения: 20.04.2016).

16. Официальный ресурс движения «Россия Молодая». «Молодежный антинаркотический спецназ (МАС)». URL: <http://rumol.ru/do/mac.html> (дата обращения 20.04.2016).

17. Официальный канал движения «Лев Против». URL: <https://www.youtube.com/user/lionversusSmoking> (дата обращения: 20.04.2016).

18. Официальная группа движения «Лев Против» в социальной сети «В контакте». URL: <https://vk.com/lionvs> (дата обращения: 20.04.2016).

19. Сайт конкурса государственной поддержки ННО. Первый конкурс 2015 г. в соответствии с Распоряжением Президента РФ от 01.04.2015 № 79-рп. URL: <https://grants.oprf.ru/grants2015-1/winners/гес4173/>(дата обращения: 20.04.2016).

20. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (принят Государственной Думой РФ 24.05.1996).

Конфликт в Боснии и Герцеговине: этноцентризм vs евроцентризм

Аннотация

Данная работа посвящена анализу конфликта в Боснии и Герцеговине через партийную призму. Именно ключевые политические партии Боснии и Герцеговины: Сербская демократическая партия (СДП), Хорватский демократический союз (ХДС) и босноориентированная Партия демократического действия (ПДД) сыграли самую серьезную роль в мобилизации и организации трех противоборствующих этнических групп – боснийцев, сербов и хорватов в начале боснийской войны и после формального окончания конфликта в 1995 г. Анализ послевоенной риторики боснийских партий и их действий в позиции ведущих политических сил страны являются основой нашей критики широко распространенного тезиса о том, что «конфликт в Боснии и Герцеговине был завершен путем устранения его причин». Кроме того, проведенный анализ продемонстрировал, что экзогенный фактор европейской интеграции стал единственным объединяющим элементом для этноцентричных партий боснийско-го парламента.

Abstract

This work is devoted to the analysis of the conflict in Bosnia and Herzegovina through the party prism. It were the key political parties of Bosnia and Herzegovina: Serbian Democratic Party (SDP), Croatian Democratic Union (HDZ) and Bosnia-centric Party of Democratic Action (SDA), that played the most serious role in the mobilization and organization of three opposing ethnic groups – Bosniaks, Serbs and Croats at the beginning of the Bosnian war and after the formal end of the conflict in 1995. Analysis of the post-war rhetoric of the Bosnian parties and their actions in the position of the leading political forces of the country are the basis of our criticism of the widespread thesis that “the conflict in Bosnia and Herzegovina has been completed by eliminating of its causes”. In addition, the analysis showed that the exogenous factor of European integration was the only unifying element for the ethno-centric parties of the Bosnian parliament.

¹ Сорбалэ Алексей (alexSORBale@gmail.com) – студент 4-го курса департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ СПб. Третье место в конкурсе.

Введение

На данный момент существует достаточно большое количество работ, посвященных конфликту в Боснии и Герцеговине, пиком которого стал период с 1992 по 1995 г. Некоторые авторы рассматривают его как часть гражданской войны на территории бывшей Югославии [24: 23; 2: 344], в то время как большая часть исследователей [13: 61; 11: 157] настаивает на том, что конфликт в Боснии и Герцеговине — это война суверенного государства боснийцев за независимость от Югославии, которая была усугублена военной интервенцией со стороны Хорватии. Несмотря на различия в ключевых теоретических тезисах, эти две группы авторов сходятся в одном: после заключения Дейтонских мирных соглашений конфликт на территории Боснии и Герцеговины был завершен, и основная причина, послужившая началу данного конфликта — межэтнические кливажи между боснийцами и этническими сербами и хорватами, проживающими в этом регионе, была устранена благодаря введению институциональных механизмов обеспечения внутренней и внешней безопасности и проведению административной реформы.

В настоящей работе мы постараемся опровергнуть выдвигаемый тезис о завершении конфликта в Боснии и Герцеговине. Стадии данного конфликта будут рассматриваться нами через партийную призму, поскольку, как мы покажем ниже, в боснийских реалиях именно политические партии играли роль основных акторов мобилизации и организации трех противостоящих этнических групп — боснийцев, сербов и хорватов. Также в своем анализе мы сделаем упор на факторе европейской интеграции, который стал единственным объединяющим звеном для этноцентричных партий боснийского парламента, и свяжем партийный фактор с фактором влияния Европейского Союза и ОБСЕ на процесс урегулирования конфликта в рассматриваемом нами кейсе.

Наше эссе будет состоять из шести смысловых блоков. В первых трех мы кратко опишем стадии условий и захвата субъектов, столкновения [8: 117] и ведения переговорного процесса и урегулирования боснийского конфликта. В четвертом блоке более подробно опишем постконфликтную стадию и выделим основных внешне- и внутриполитических акторов, которые участвовали в создании новой институциональной системы Боснии и Герцеговины. В этой части работы мы сфокусируемся на деятельности ключевых для боснийской партийной системы политических сил — Партии демократического действия, Сербской демократической партии и Хорватского демократического союза, — которая даже после формального завершения

вооруженного конфликта была направлена на укрепление положения представляемых этими партиями этнических групп. Пятый блок будет посвящен ответу на нетривиальный вопрос: «Действительно ли конфликт в Боснии и Герцеговине пришел к своему логическому завершению?» В последнем – шестом – блоке будут сделаны ключевые выводы из проведенного анализа.

I стадия: условия конфликта и захват субъектов конфликта (1990–1994)

18 ноября 1990 г. в Боснии и Герцеговине прошли первые парламентские выборы. На тот момент страна формально все еще была частью Югославии, но уже на этом этапе оказалось возможным выделить политические силы, которым предстояло доминировать в боснийском политическом поле на протяжении последующих 10 лет. Первое место по результатам электоральной гонки заняла босноцентричная партия националистического толка – Партия демократического действия (ПДД) (*Stranka demokratske akcije, SDA*), получившая 30,8% голосов. За ней шла не менее националистическая Сербская демократическая партия (СДП) (*Srpska demokratska Stranka, SDS*) с 24,4% голосов. На третьей позиции оказался Хорватский демократический союз (ХДС) (*Hrvatska demokratska zajednica Bosne i Hercegovine, HDZ BiH*) с 15%. Главный тренд политической борьбы в Боснии и Герцеговине был задан – стало ясно, что она будет вестись по линиям этнических расколов. То, что политическая фрагментация в Боснии и Герцеговине имела ярко выраженный этнический оттенок, доказывалось распределением голосов за лидирующие в этом электоральном цикле партии: большая часть из 44% боснийского населения проголосовала за ПДД – партию, ставившую на первое место в своей программе защиту боснийского населения и укрепление боснийской государственности [6: 383], 17% хорватов, проживающих на территории Боснии, проголосовали за ХДС, большая часть из 31% боснийских сербов отдала свои голоса за СДП [12: 432].

Между ведущими партиями в Парламентской Скупщине сразу же возник конфликт. После того как стало ясно, что государственный проект Югославии исчерпал себя, и в особенности после объявления Боснией и Герцеговиной независимости от Югославии весной 1991 г., ПДД стала настаивать на усилении роли боснийского федерального центра, находящегося в Сараево. ХДС и СДП, напротив, выступали за большую автономию для тех частей страны, где проживали этнические сербы и хорваты [23: 4; 12: 432]. Масла в огонь подливали Слободан Милошевич и Франьо Туджман, которые поддерживали

стремление боснийских сербов и боснийских хорватов к выходу из-под контроля Сараево, поскольку рассчитывали получить союзников в их лице в готовящейся войне за господство на развалинах Югославии [16: 59].

Первый шаг был сделан СДП: в 1992 г. Радован Караджич, занимавший на тот момент место председателя Сербской демократической партии, объявил о создании независимой Республики Сербской на территориях, принадлежавших этническим сербам [16: 62]. Именно это событие стало началом кровопролитной гражданской войны на территории Боснии и Герцеговины, где на стороне боснийских хорватов выступили хорватские вооруженные силы, в то время как Республику Сербскую активно поддерживал режим Милошевича. Впоследствии в конфликт вступили и третьи стороны – добровольцы из стран Восточной и Западной Европы, моджахеды, а на последнем этапе – силы НАТО, чье вмешательство стало первым шагом к началу переговорного процесса.

II стадия: столкновение и переговорный процесс (1992–1995)

Несмотря на то что распад Югославии не стал неожиданностью для международного сообщества, начало боевых действий в Хорватии, а затем и в Боснии и Герцеговине стало настоящим шоком для ведущих мировых держав. Доказательством тому служит тот факт, что заседание Совета Безопасности по поводу обострения сербохорватского конфликта состоялось лишь в сентябре 1991 г., в то время как сам конфликт начался еще в марте [11: 156]. Тем не менее на этом заседании были сделаны первые шаги к урегулированию данного конфликта, которые впоследствии стали основой для переговорного процесса по Боснии и Герцеговине. В резолюции ООН № 733 вводилось эмбарго на поставки вооружений всем государственным образованиям на территории бывшей Югославии. Эта мера, а также создание Сил Организации Объединенных Наций по охране (СООНО) и их вводом в пограничные области Хорватии и Сербии (Югославии) привели к урегулированию конфликта в ноябре 1995 г. [11: 159].

Для Боснии и Герцеговины, однако, всё только начиналось. Судьба этой страны, которая на протяжении всего 1992 г. обращалась в Совет Безопасности ООН с просьбой о вводе СООНО на свою территорию для предотвращения новых нападений со стороны Вооруженных сил Югославии [11: 158], зависела от способности мирового сообщества выработать эффективный план по началу переговоров между конфликтующими сторонами. Тем не менее Совет

Безопасности столкнулся с двумя факторами, препятствующими созданию плана урегулирования конфликта, которые мы можем назвать экзогенным и эндогенным. Экзогенный блокиратор принятия решения заключался в том, что сразу же после начала конфликта в марте 1992 г. Совет Безопасности на протяжении двух лет пытался заставить Сербию и Хорватию вывести свои войска с территории Боснии и Герцеговины, однако как Милошевич, так и Туджман заявляли, что регулярных войск на территории этой страны нет, но там, с большой вероятностью, находятся добровольческие силы, которые не подчиняются приказам Белграда и Загреба. Лишь после введения Советом Безопасности санкций против Сербии и Хорватии к концу 1994 г. обе они вывели свои войска из западной и северной частей Боснии [11: 163]. В свою очередь, проблема эндогенного фактора проистекала из неспособности членов Совета Безопасности прийти к общему знаменателю по вопросу о характере конфликта в Боснии и Герцеговине. Так, США и Франция квалифицировали события в Боснии и Герцеговине как войну двух суверенных государств – Югославии и Боснии и Герцеговины, а Великобритания, Россия и Китай придерживались мнения о том, что данный конфликт был гражданской войной в едином государстве Югославия [11: 159].

«Концептуальная путаница» и несистематизированные действия международного сообщества в вопросе принятия санкций и следования введенному эмбарго на поставки вооружений, а также позднее расширение мандата СООНО на территорию Боснии и Герцеговины привели к тому, что реальные шаги к урегулированию конфликта были сделаны лишь в 1994 г., когда при посредничестве США и Австрии между боснийцами и боснийскими хорватами было заключено перемирие. В том же году в Вашингтоне и Вене был подписан договор о создании Федерации Боснии и Герцеговины [15: 289]. Это означало, что боснийским сербам предстояло бороться против консолидированных сил хорватов и боснийцев. Ни Республика Сербская, ни Сербия, которые были заинтересованы в статус-кво «войны всех против всех», не были готовы к длительному противостоянию с Федерацией, что привело к скорому вступлению Милошевича и Караджича на путь переговоров о заключении мира.

III стадия: урегулирование конфликта (1995)

После трех лет непрекращавшихся боевых действий, унесших жизни 100 000 мирных жителей [12: 432; 23: 1], 14 декабря 1995 г. в Дейтоне был заключен мирный договор между Федерацией и боснийскими сербами, который впоследствии получил название Дейтонских

соглашений. Их целью было установление стабильности на территории Боснии и Герцеговины через режим «управляемой демократии» [9: 94]. В качестве гарантов Дейтонских соглашений выступали страны, которые продемонстрировали свою приверженность мирному процессу в Боснии и Герцеговине: США, Россия, Франция, Германия и Великобритания. Дейтон дал Боснии и Герцеговине новую временную конституцию и установил хрупкий баланс интересов между Федерацией боснийцев и хорватов и Республикой Сербской. Территория страны была разделена следующим образом: 51% территории отошел Федерации, в то время как 49% — Республике Сербской.

Установление относительной стабильности привело к тому, что по прошествии шести лет после первых выборов в Парламентскую Скупщину было решено провести выборы, которые бы продемонстрировали как мировому сообществу, так и жителям Боснии и Герцеговины, что страна вышла из фазы военного противостояния между населяющими ее этносами и что ее политические элиты готовы перейти к цивилизованным методам борьбы за власть.

IV стадия: постконфликтный статус-кво (1996–2010)

Несмотря на то что Дейтонскими соглашениями политическим партиям в Боснии и Герцеговине было фактически запрещено использовать в политической борьбе апелляцию к национальным чувствам своего электората и тем самым возвращать Боснию и Герцеговину к ситуации конфликта, проходящего по этнической линии, крупнейшие довоенные партии страны — боснийская Партия демократического действия, Сербская демократическая партия и Хорватский демократический союз — использовали в предвыборной кампании исключительно националистическую риторику, напрямую обращаясь к своему ядровому электорату в лице этнических групп боснийцев, сербов и хорватов [10: 22–23; 22: 451; 6: 382]. Неудивительно, что результаты выборов в Парламентскую Скупщину 1996 г. практически ничем не отличались от результатов выборов 1990 г.: Партия демократического действия снова стала лидером, набрав 30,2% голосов; на втором месте оказалась Сербская демократическая партия с 24,1%; тройку замкнул Хорватский демократический союз с 14,1% [17: 330]. Отличие этих выборов от предыдущих заключалось лишь в самой процедуре: согласно Дейтонским соглашениям, выборы в парламент страны проводились следующим образом: в Федерации хорваты и боснийцы голосовали за партии, которые имели свои представительства только в Федерации. Не вызывает удивления тот факт, что это были партии пробоснийской и прохорватской направленности

(как мы видим, наиболее популярными партиями оказались ПДД и ХДС). В Республике Сербской сербы голосовали за партии, которые на федеральном уровне отстаивали интересы сербов (здесь самой популярной была СДП). Таким образом, Дейтон не только не решил проблему этнических квиважей в Боснии и Герцеговине, но и усугубил ее [22: 458].

После выборов парламент Боснии и Герцеговины оказался столь же поляризован по этническому признаку, как и в 1990 г. Идеологическая поляризация была слабой, поскольку, за исключением некоторых малых партий, Парламентская Скупщина оказалась праворадикальной. Главным вопросом повестки дня снова было перераспределение полномочий между центром и регионами. ПДД, заручившись поддержкой Дейтонских соглашений и Верховного представителя по Боснии и Герцеговине, продолжала настаивать на том, что для сохранения мира на территории страны необходимо укрепить центральную власть в Сараево и делегировать часть полномочий, которые на тот момент находились в руках Федерации и Республики Сербской, в центр. В свою очередь, СДП и ХДС, которые представляли интересы сербов и хорватов, крайне недовольных Дейтоном, поскольку он препятствовал развитию автономии как сербской, так и хорватской частей страны, выступали против инициатив ПДД [16: 62]. Ситуация постепенно начала выходить из-под контроля: в начале 1998 г. новый президент Республики Сербской Милорад Додик, который возглавил СДП после того, как Радована Караджича объявили в международный розыск по обвинению в военных преступлениях на территории Боснии в период гражданской войны 1992–1995 гг., пригрозил устроить референдум о выводе Республики Сербской из состава Боснии и Герцеговины [12: 441]. Верховный представитель по Боснии и Герцеговине, обеспокоенный политической дестабилизацией в стране, получил мандат ОБСЕ на снятие с постов наиболее радикально настроенных членов СДП, ХДС и ПДД, а затем назначил внеочередные парламентские выборы на 12 сентября 1998 г. [16: 61; 12: 441].

Выборы 1998 г. можно назвать точкой бифуркации для боснийской политики. Они привели к созданию межпартийных коалиций, что было внове для боснийской парламентской жизни: ПДД в рамках Коалиции за Единство и Демократию заключила союз с более умеренной Партией Боснии и Герцеговины (ПБГ) (*Stranka za Bosnu i Hercegovinu, SBH*), Либеральной партией и Гражданской демократической партией (*Gra anska Demokratska Stranka, GDS*) (ГДП). Второй к финишу пришла коалиция Слога, которая состояла из партий социал-демократической направленности — Сербского народного

альянса (СНА) (Српски народни савез РС), Социалистической партии (СП) (Социјалистичка Партија, Socijalistička Partija) и Независимых социал-демократов Сербии Милорада Додика (НСД) (Савез независних социјалдемократа, СНСД) [17: 330]. Помимо объединенной коалиции левых в парламенте появилась еще одна независимая левая партия – Социал-демократическая партия (СДП) (Socijaldemokratska Partija Bosne i Hercegovine, SDP BiH) [17: 332]. Итак, по результатам этих выборов Парламентская Скупщина стала более фрагментированной и, что очень важно для боснийской политической реальности, более идеологически поляризована.

Появление идеологического компонента благотворно повлияло на функционирование парламента Боснии и Герцеговины. На первый план вышли вопросы социального и экономического характера, которые на время затмили собой этнические кливажи. В 1999 г. парламентариям удалось прийти к соглашению по вопросу имплементации пакета экономических реформ, которые должны были сделать боснийскую экономику более открытой и интегрированной в мировой рынок [3: 52]. На этот же год приходится и первое появление европейской повестки в боснийском политическом дискурсе. Несмотря на то что ни боснийские политические элиты, ни сам Евросоюз, который к тому моменту стал играть большую роль в продвижении режима стабильности на территории Боснии и Герцеговины и финансировании институциональных реформ, даже не помышляли о начале европейской интеграции Боснии и Герцеговины [12: 433], инициация ЕС программы Стабилизации и Ассоциации, куда было включено и Сараево, сделали перспективу европейского членства для Боснии и Герцеговины более реальной [1].

Интерес боснийской политической элиты к европейской интеграции достиг пика в марте 2000 г., когда Европейский Союз представил на рассмотрение Парламентской Скупщины список из 18 пунктов, которые были необходимы для исполнения боснийской стороной для того, чтобы начать процесс подписания Соглашения о стабилизации и ассоциации (Stabilization and Association Agreement, SAA) [1; 12: 433]. В начале этого же года на Европейском совете в Феире ЕС подтвердил предоставление Боснии и Герцеговине статуса потенциального кандидата на вступление. Ведущие парламентские силы в лице ПДД, СДП и ХДС на удивление быстро пришли к консенсусу по европейской повестке: все три партии к парламентским выборам, назначенным на ноябрь 2000 г., внесли в свои программы положение о том, что их главной внешнеполитической целью является введение Боснии и Герцеговины в состав Европейского Союза [7: 71].

Весь следующий электоральный цикл (2000–2002 гг.) был отмечен борьбой партий за наиболее выгодную для себя интерпретацию Дорожной карты ЕС, которая была представлена на рассмотрение Парламентской Скупщины весной 2000 г. Пункты Карты предусматривали изменения в областях, ключевых для всех парламентских партий: контроле за границами, административном устройстве и реформе полиции. ХДС и СДП, лишившись поддержки со стороны своих «старших братьев» в Хорватии и Сербии [12: 437–438], продолжали отстаивать свое право на автономию. Главным возмутителем спокойствия, тормозившим процесс проведения реформ, была СДП, пытавшаяся отстоять право Республики Сербской самостоятельно контролировать свои границы и проводить собственную реформу полиции. Не менее активно против общенациональных реформ выступал и ХДС, не одобрявший централизации административного управления, которая должна была стать результатом проводимой Сараево административной реформы [12: 441]. И все же не в последнюю очередь благодаря европейским партийным группам [6: 385–386], которые взяли на себя функцию координации действий ПДД, СДП и ХДС в рамках их парламентской активности, посвященной европейской повестке, Босния и Герцеговина демонстрировали прогресс в таких сферах, как обеспечение безопасности на границах, имплементация экономической части *acquis communautaire* и развитие институтов государственного управления [5: 1].

Однако энтузиазм и единство политических сил по вопросу вступления Боснии и Герцеговины в Европейский Союз продлились недолго. Уже в 2005 г. начался новый виток межпартийных конфликтов по вопросу политического устройства Боснии и Герцеговины. Как и в предыдущих электоральных циклах, ХДС и СДП крайне отрицательно отнеслись к предложению ПДД и некоторых ее союзных партий включить управление полицейскими силами в ведение общенационального Министерства внутренних дел [12: 441].

Таким образом, во второй части электорального цикла 2002–2006 гг. хрупкий баланс в боснийском парламенте снова был нарушен. Более того, на первое место в межпартийном дискурсе опять вышел национальный вопрос, который привел к тому, что многие инициативы в области борьбы с коррупцией, преступностью и бедностью в стране были отодвинуты на второй план.

Несмотря на очередной парламентский кризис (или, напротив, благодаря ему) Европейский Союз решил как можно скорее инициировать начало переговоров с Боснией и Герцеговиной по поводу заключения Соглашения о стабилизации и Ассоциации. Переговоры

были начаты 25 ноября 2005 г. — через два года после отчета Еврокомиссии о прогрессе Боснии и Герцеговины в проведении реформ, предусмотренных Дорожной картой [4]. План Евросоюза заключался в том, чтобы хотя бы на время сплотить противоборствующие парламентские силы идеей о европейском членстве Боснии и Герцеговины. Этот подход принес свои плоды: ПДД, СДП и ХДС на время забыли о разногласиях и все время до выборов 2006 г. посвятили завершению подготовки Боснии и Герцеговины к переходу на новый этап отношений с Европейским Союзом — переговорному процессу в рамках Процесса мониторинга прогресса реформ, который в 2006 г. должен был заменить собой Консультативную целевую группу [4]. И все же вопрос о реформе полиции оставался открытым. Как мы увидим позже, межпартийные переговоры о проведении именно этой реформы стали самым серьезным испытанием для отношений Боснии и Герцеговины и Европейского Союза.

Основным императивом электорального цикла 2006–2010 гг. стало нахождение консенсуса в вопросе реформы полиции. Еще в 2007 г., когда Мирослав Лайчак стал новым Верховным представителем по Боснии и Герцеговине, а с 2011 г. — официальным представителем ЕС в Боснии и Герцеговине, вопрос о реформе полиции был выведен на первый план боснийской политической повестки дня, поскольку проведение этой реформы являлось необходимым условием для завершения переговоров по поводу подписания SAA.

Несмотря на давление со стороны Брюсселя, в период 2006–2007 гг. ведущие политические партии Боснии и Герцеговины не смогли прийти к согласию. Фактически в Парламентской Скупщине шла позиционная война: с одной стороны находились ПДД, ПБГ и другие движения, выступавшие за сильную власть центральных институтов, по другую сторону баррикад были СДП и остальные просербские партии, пытавшиеся отстоять автономию Республики Сербской. ХДС, который на первых порах выступал против курса на централизацию, на этот раз не занимал ничью сторону, стараясь подыгрывать как тем, так и другим. Кульминацией антагонистической борьбы этих блоков стала конституционная реформа, которая была инициирована ПДД в апреле 2006 г. и провалена силами СДП и ХДС [19: 7–8].

Европейский Союз в ситуации этого, казалось бы, неразрешимого кризиса стал действовать при помощи «пряника». В декабре 2007 г. между Боснией и Герцеговиной было заключено соглашение о смягчении визового режима и реадмиссии [4]. В этом же году Брюссель назначил переговоры о либерализации визового режима

на середину 2008 г. Но самым главным стимулом для боснийских парламентариев должно было стать то, что на июнь 2008 г. было запланировано подписание SAA [9: 83].

Результатом попыток ЕС заставить парламент Боснии и Герцеговины действовать в более конструктивном ключе стало то, что в начале 2008 г. в Парламентской Скупщине наконец был одобрен проект реформы полиции. При этом лидер ПДД Бакир Изетбегович назвал этот проект «победой СДП», поскольку он подразумевал автономию Республики Сербской в вопросе управления собственными полицейскими силами [12: 441].

Стабильности боснийского парламента, однако, готовилось еще одно испытание. 17 февраля 2008 г. Косово объявило о своей независимости от Сербии, что заставило Милорада Додика в очередной раз поднять вопрос о референдуме о выходе Республики Сербской из состава Боснии и Герцеговины. При этом Додик выражал возмущение тем фактом, что международное сообщество в лице ЕС и НАТО дало свое согласие на отделение Косово, но при этом не позволяет Республике Сербской совершить аналогичный шаг [12: 438]. Возмутиться поспешили и радикальные сербские националисты, обвинившие ЕС в охоте на национального героя Республики Сербской – Радована Караджича [21: 17].

Эта взрывоопасная ситуация поставила под вопрос готовящееся подписание Боснией и Герцеговиной Соглашения о стабилизации и ассоциации. Тем не менее опасения ПДД, ХДС и других проевропейских сил, касающиеся заморозки переговорного процесса между Сараево и Брюсселем, оказались напрасными – 16 июня 2008 г. SAA, а также Interim Agreement между Боснией и Герцеговиной и Евросоюзом все же были подписаны [4].

У стадии: завершение конфликта? (2010—...)

Выборы 2010 г. представили на суд международных и боснийских наблюдателей довольно необычные результаты. Во-первых, впервые самой популярной политической силой стала партия, которая не использовала националистическую риторику – Социал-демократическая партия, набравшая 17,3% голосов. Во-вторых, Альянс независимых социал-демократов оказался впереди ПДД, что также говорило о смене политических предпочтений избирателей в пользу более умеренных партийных позиций. Это положение подтверждает и тот факт, что появившаяся на политической арене новая проевропейская правая партия «Союз за лучшее будущее для Боснии и Герцеговины» (Savez za bolju budućnost BiH) обошла ХДС, который

смог набрать лишь 7% голосов избирателей. СДП также выступила плохо, получив всего 8,4% голосов [25].

Состав доминирующих в парламенте партий изменился: теперь в нем главенствовали социал-демократы и играющая на вторых ролях ПДД. Социал-демократическое правительство, в которое вошли СДП и НДС, теперь было сконцентрировано на европейской интеграции Боснии и Герцеговины; национальный вопрос, в свою очередь, был поставлен на второй план.

Главной проблемой для Сараево оставалась имплементация Соглашения о стабилизации и ассоциации. Несмотря на то что страна подписала SAA, она все еще не могла его имплементировать, поскольку попытки социал-демократического правительства, поддерживаемого ПДД, сделать это наталкивались на сопротивление СДП и ХДС, которые обвиняли коалицию в том, что под лозунгом имплементации SAA скрывается желание пробоснийских партий ограничить автономию Республики Сербской и хорватских территорий, располагающихся в Федерации [18]. Очередной парламентский кризис привел к тому, что страна вновь оказалась ригидной в отношении проведения необходимых реформ в области борьбы с коррупцией, организованной преступностью и имплементации необходимых экономических и административных реформ. В ЕС надеялись на то, что парламентские выборы 2014 г. смогут вывести Боснию и Герцеговину из этого позиционного тупика.

В 2014 г. расстановка сил в Парламентской скупшине снова поменялась. На первый план вышла ПДД, которая набрала 18,74% голосов. Вторым оказался Альянс независимых социал-демократов. СДП с 12,97% голосов стала третьей.

Сразу же после выборов Европейский Союз ясно дал понять, что главной целью нового правительства должна стать имплементация Соглашения о стабилизации и ассоциации. Проблема, однако, заключалась в том, что боснийские парламентарии не могли сформировать правительство. Ни одна из прошедших в парламент партий не набрала достаточного количества голосов для того, чтобы единолично сформировать правительство, но при этом из-за старых обид и просто по политическим причинам лидирующие партии не хотели входить в коалицию со своими парламентскими оппонентами. Тем не менее после пяти месяцев переговоров и политического торга была создана социал-демократическая коалиция между НДС и СДП [18]. Это стало сигналом как для боснийской политической элиты, так и для еврочиновников, что в Боснии и Герцеговине установилась более-менее стабильная политическая ситуация. Уже через

месяц после формирования коалиции в Парламентской Скупшине было достигнуто соглашение о начале имплементации SAA, 16 марта 2015 г. Совет Министров ЕС заявил о том, что Босния и Герцеговина выполнили все условия, необходимые для имплементации Соглашения о стабилизации и ассоциации, а уже 11 декабря того же года в Брюсселе прошла первая встреча между представителями Боснии и Герцеговины и Европейского Союза, посвященная имплементации SAA [20].

Заключение

Благодаря достигнутому в Парламентской Скупшине консенсусу по европейской повестке Босния и Герцеговина смогли начать движение в сторону «единой Европы». Тем не менее этот факт не дает нам четкого ответа на вопрос: «Достиг ли конфликт в Боснии и Герцеговине своего логического завершения?» На наш взгляд, исходя из всего вышесказанного, ответ на этот вопрос должен строиться в логике «да, но...». Действительно, начиная с середины 2000-х гг. партии-апологеты сербского, боснийского и хорватского национализма – ПДД, СДП и ХДС – играют всё меньшую роль в боснийской политике. Благодаря этому националистический дискурс уступил место дискурсу о европейской интеграции, который стал своего рода *argumentum unitatis* для всех граждан Боснии и Герцеговины вне зависимости от их этнической самоидентификации. И все же история страны 1990–2000-х гг. доказывает тезис о том, что большое влияние на урегулирование или, напротив, эскалацию межэтнического конфликта в Боснии и Герцеговине имеет партийная элита. Именно от ее выбора между альтернативами членства в ЕС и более «честного» этнического передела территории Боснии и Герцеговины во многом зависит «размораживание» межэтнических кливажей и их сглаживание.

Источники

1. *Соколова П.С.* Балканский регион и европейская безопасность. URL: <http://cheloveknauka.com/balkanskiy-region-i-evropeyskaya-bezopasnost#2> (дата обращения: 28.07.2016).
2. *Belloni R.* Peacebuilding and consociational electoral engineering in Bosnia and Herzegovina // *International peacekeeping*. 2004. N 2. P. 334–353.
3. *Bojkov V.D.* Democracy in Bosnia and Herzegovina: Post-1995 political system and its functioning // *Southeast European Politics*. 2003. N 1. P. 41–67.

4. Bosnia and Herzegovina – Relations with the EU. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/potential-candidate-countries/bosnia_and_herzegovina/eu_bosnia_and_herzegovina_relations_en.htm (дата обращения: 15.02.2016).
5. Council decision of 30 January 2006 on the principles, priorities and conditions contained in the European Partnership with Bosnia and Herzegovina and repealing Decision 2004/515/EC // Official Journal of the European Union. 2006. N 55. P. 1–13.
6. *Ćuković A.* Partijski system Bosne i Hercegovine // Socioeconomica-The Scientific Journal for Theory and Practice of Socio-economic Development. 2013. N 4. S. 375–388.
7. *Ćurak N. et al.* Politička elita u Bosni i Hercegovini i Evropska unija: odnos vrijednosti. Institut za društvena istraživanja Fakulteta političkih nauka Univerziteta u Sarajevu, 2009.
8. *Dahrendorf R.* Class and class conflict in industrial society. Stanford University Press, 1959.
9. *Džihic V., Wieser A.* The Crisis of Expectations—Europeanisation as “acquis démocratique” and its limits. The case of Bosnia-Herzegovina and Serbia // L’Europe en formation. 2008. N 3. P. 81–98.
10. *Gligorov V., Kaldor M., Tsoukalis L.* Balkan reconstruction and European integration. The Hellenic Observatory, The European Institute, LSE, The Centre for the Study of Global Governance, LSE, The Vienna Institute for International Economic Studies (WIIW), 1999.
11. *Gray C.* Bosnia and Herzegovina: civil war or inter-state conflict? Characterization and consequences // The British Year Book of International Law. 1997. N 1. P. 155–197.
12. *Gromes T.* The prospect of European integration and conflict transformation in Bosnia and Herzegovina // European Integration. 2009. N 4. P. 431–447.
13. *Juncos A.E.* Member state-building versus peacebuilding: the contradictions of EU state-building in Bosnia and Herzegovina // East European Politics. 2012. N 1. P. 58–75.
14. *Kappler S., Richmond O.* Peacebuilding and culture in Bosnia and Herzegovina Resistance or emancipation? // Security dialogue. 2011. N 3. P. 261–278.
15. *Magaš B., Žanić I.* The War in Croatia and Bosnia-Herzegovina, 1991–1995. Psychology Press, 2001.
16. *Manning C.* Armed opposition groups into political parties: comparing Bosnia, Kosovo, and Mozambique // Studies in Comparative International Development. 2004. N 1. P. 54–76.
17. *Nohlen D.* (ed.). Elections in Europe: A data handbook. Nomos Verlag-Ges., 2010.

18. *Rahimic A.* Back on the EU track – Bosnia and Herzegovina on the path towards becoming a candidate country. URL: <http://www.future-labeurope.eu/blog/back-on-the-eu-track-bosnia-and-herzegovina-on-the-path-towards-becoming-a-candidate-country/> (дата обращения: 15.02.2016).

19. *Sebastián S.* Leaving Dayton behind: constitutional reform in Bosnia and Herzegovina // FRIDE (Fundación para las Relaciones Internacionales y el Dialogo Exterior) Working Paper. 2007. N 46. P. 1–27.

20. Successful first Stabilization and Association Council with Bosnia and Herzegovina. URL: http://eeas.europa.eu/top_stories/2015/151211_bosnia_and_herzegovina_en.htm (дата обращения: 15.02.2016).

21. *Teokarevic J.* Ten years of post-Milosevic transition in Serbia: problems and prospects // Rupnik J. (ed.). The Western Balkans and the EU: “The Hour of Europe”. Chaillot Paper. 2011. N 126. P. 1–23.

22. *Touquet H.* Multi-Ethnic Parties in Bosnia-Herzegovina: Naša Stranka and the Paradoxes of Postethnic Politics // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2011. N 3. P. 451–467.

23. *Weller M., Wolff S.* Bosnia and Herzegovina ten years after Dayton: Lessons for internationalized state building // Ethnopolitics. 2006. N 1. P. 1–13.

24. *Whitman R.G., Wolff S.* The European Union as a global conflict manager. Routledge, 2012.

25. Zbirni rezultati Federacija Bosne i Hercegovine, Republika Srpska – 2010. URL: <https://www.izbori.ba/Finalni2010/Finalni/ParlamentBIH/Default.aspx> (дата обращения: 15.02.2016).

Демократия: глобальный кризис жанра?²

Аннотация

В данном эссе обсуждается идея кризиса демократии, широко распространенная в интеллектуальной и политической среде в странах Европы и других государств мира. Эссе открывается концептуальным введением, в котором я предлагаю рассматривать эту идею в контексте кризиса эпохи модерна, понимаемой как перманентная трансформация. Во-вторых, я критически анализирую концепт «постдемократии», демонстрируя, что современные тенденции, включая медиатизацию политики и упадок системы массовых политических партий, не ставят под сомнение базовые принципы демократического правления. Затем я останавливаюсь на необходимости концептуально различать нынешний кризис государства всеобщего благосостояния (в развитых странах) и предполагаемый упадок демократических институтов. Далее я показываю, как национал-популизм и глобальный терроризм бросают вызов демократическим принципам и либеральным ценностям, и доказываю, что данные угрозы вполне реальны и серьезны, однако было бы неверным переоценивать их опасность. В заключение я кратко обсуждаю некоторые действительно опасные иллюзии, испытываемые по поводу демократии.

Abstract

In this essay, I discuss the idea of a crisis of democracy, promoted by both intellectuals and politicians in European countries and worldwide. I start with a conceptual introduction in order to place this debate in the context of the crisis of modernity understood as perpetual evolution. Secondly, I give a historical criticism of the notion of “post-democracy” by showing that recent tendencies, e.g. mediatization of politics and the decline of centralized political parties, do not jeopardize the basic

¹ Федюнин Сергей (sfedyunin@gmail.com) – аспирант Центра европейских и евразийских исследований (Centre de recherches Europes-Eurasie, CREE) Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO), Париж, Франция. Третье место в конкурсе.

² Первый вариант данного эссе впервые был опубликован в: Альманах-30 / Сост. А. Секисов, С. Простаков и др. М.: Буки Веди, 2016. С. 337–364.

principles of democratic government. I continue by arguing that one should not confuse today's crisis of the welfare state with a decay of democratic institutions. Then, I try to show how national populism and global terrorism challenge democratic principles and liberal values. I argue that while these threats are absolutely real and serious, they should not be taken too seriously. In conclusion, I briefly mention some dangerous illusions about democracy people often share.

Слово «кризис», кажется, уже давно стало символом нашего времени. Экономический и финансовый кризис, кризис морали и гуманизма, экологический кризис, кризис так называемых традиционных ценностей... Во всех этих конструкциях «кризис» ассоциируется с состоянием упадка, ослабления, деградации. Именно в таком значении критически настроенные интеллектуалы и аполитичные обыватели говорят и о современном «кризисе демократии». Ощущение «кризиса жанра» демократического правления парадоксальным образом порождает особый жанр непрерывных и по большей части бесплодных дискуссий о его неминуемом (или уже наступившем) конце. Словно дурная тавтология, разговоры о кризисе демократии в гораздо большей мере иллюстрируют сами себя, нежели позволяют пролить свет на его причины или, по крайней мере, недвусмысленно обозначить сам предмет дискуссии. По большому счету, в этом и заключается задача, которую я поставил перед собой, взявшись за написание данного текста. И прежде чем обратиться непосредственно к ее решению, необходимо сделать несколько общих и, если угодно, концептуальных замечаний, без которых не представляется возможным хоть сколько-нибудь приблизиться к нашей цели.

Кризис, страх и политическое воображение

Прежде всего мне кажется важным вернуться к другому, изначальному значению слова «кризис». Древние греки подразумевали под ним «поворотный момент», то есть ситуацию, когда привычные модели поведения и осознания происходящего перестают работать. Иными словами, кризисная ситуация — это состояние повышенной неопределенности: *нечто* происходит, но мы не знаем, *что* именно и как нам себя вести в новых обстоятельствах. Кризис порождает ощущение хаоса, крушения порядка вещей, вызывает потребность в адаптации к новой, неясной реальности. Подобные ощущения и вызванные «извне» потребности психологически неприятны, порой нестерпимы, а потому *естественным* спутником любого кризиса является страх. Разумеется, с точки зрения мышления, способного принять

идею эволюции (и прогресса), кризис — это не упадок, а состояние сдвига, перехода к чему-то иному, более сложному (и лучшему). Современное (модерное) сознание приучено мыслить в категориях перемен; по сути, оно является «критическим сознанием», то есть таким, которое способно переосмыслить настоящее и создать новую ситуацию, исходя из опыта или вопреки ему. Как показал Рейнхарт Козеллек, сами концепты, при помощи которых мы, начиная с Нового времени и эпохи Просвещения, описываем и познаем реальность, являются факторами исторического развития. Важнейшие из них — понятия «критика» и «кризис»; они имеют общую этимологию и тесно связаны не только друг с другом, но и с самой ментальной и социальной структурой *modernity* [Айзенберг 2012]. Однако даже сознание современного человека часто оказывается более инерционным, чем его концептуальная способность осознать, что меняется «все и сразу», включая опыт, а сами традиции (как образцы прошлого) становятся объектом постоянного конструирования. Трудно принять всю глубину этой мысли, не лишенной оттенка ледящей бесчеловечности.

В переломный (то есть кризисный) момент современной истории — 1940-е гг. — Эрих Фромм пишет книгу «Бегство от свободы». Ощущение одиночества порождает страх перед свободой — необходимостью действовать и нести ответственность за свои действия в нестабильном мире. Однако этот страх, на чем и настаивает Фромм, лишь углубляет ощущение дезориентации в социальном (шире — историческом) пространстве и в конечном счете делает из человека создателя своего малого горя и соучастника горя коллективного.

Обитатель современного демократического общества, прошедшего испытание тоталитаризмом (вернее, тоталитаризмами)³, скорее, требует свободы, чем стремится ее избежать. Но даже принятие свободы не избавляет от страха: он лишь принимает иную форму, а именно бегства от быстро меняющейся реальности «общества риска» [Beck 1992] и вместе с тем общества «индивидуализированного» [Бауман 2002], где чувство тревоги становится частью повседневной жизни. Так, объясняя небывалый рост популярности литературы в жанре постапокалипсиса, писатель Фрэнк Берс отмечает: «Человеческий мир сегодня настолько сложен и при этом странным образом уязвим (*fragile*), что вообразить апокалипсис не представляет особого труда» [Bures 2016].

Сложность организации современного мира и ощущение человеческого бессилия повлиять на его изменчивую структуру вызывают

³ Тезис о центральном значении переосмысления тоталитарного опыта в реформированной демократии после 1945 г. защищает Марсель Гоше. См.: Gauchet 2010: 555–657.

переживание метафизической нестабильности, то есть *перманентно-го кризиса* картины мира, социального и политического порядка, привычного образа жизни. И более того, тревога, не имеющая ни конкретного объекта, ни осознаваемой причины, в многогранной действительности «рассыпается» на множество страхов и его объектов («козлов отпущения»): страх перед экономической или экологической катастрофой, в которых повинны Уолл-стрит и атомная энергетика; страх остаться без работы из-за алчных предпринимателей; страх перед потеплением климата и ГМО, суть результатами ненасытной индустриальной эксплуатации природы; страх утратить национальную культуру из-за наплыва мигрантов или стать жертвой терроризма. И так далее, и так далее. Универсум страхов, некогда включавший в себя страх смерти, боязнь нечистой силы и праведного гнева Божьего, за несколько веков и особенно последние десятилетия существенно расширился. Это обстоятельство создает своего рода кумулятивный эффект: чем больше страхов, тем больше они «подкрепляют» друг друга и тем легче найти им правдоподобные «подтверждения»⁴.

Я полагаю, что представление о кризисе современной демократии нельзя рассматривать в отрыве от этого глобального ощущения всеобщего кризиса, тем более что в политических дискуссиях оно приобретает особую остроту. Вероятно, потому, что политика — это по определению та сфера жизни, где представления или, шире, воображение и его результаты оказывают непосредственное влияние на реальность. Страхи в политике, включая фобии (то есть страх перед объектом или ситуацией, которые в действительности не несут в себе угрозы, по крайней мере, в приписываемых масштабах и формах), могут иметь наиболее опасные последствия, поскольку иногда служат основанием для необдуманных решений и действий в национальном масштабе или даже на международном уровне.

Одной из задач исследователя в данной ситуации становится не только рационализация существующих в обществе страхов, но и прояснение логики их трансформации в представления о кризисе (то есть, по сути, об упадке, если этот «кризис» выделяется на фоне «всеобщего кризиса» современности). Не столько для того, чтобы указать на наличие разрыва между этими представлениями и реальностью, сколько провозгласить *приоритет* реальности над воображением, как бы того ни хотелось политикам, журналистам или целым направлениям в современном академическом цеху [Шапиро 2011].

⁴ В частности, это проявляется в распространении и конвергенции различных теорий заговора в условиях свободного распространения информации в современных демократиях. См.: Bronner 2013.

Есть у демократии начало... нет у демократии конца?

В начале 2000-х гг. политолог Колин Крауч предложил новый термин — «постдемократия». Основная его идея состоит в том, что ослабление социальных классов (рабочие, крестьяне, промышленники и т.д.) и распространение глобального капитализма сделали политическую элиту демократических государств замкнутой группой. «Постдемократические общества, — пишет Крауч, — и дальше будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства», но «жизненная сила политики вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, — к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии» [Крауч 2010: 9]. Легко проследить, как в мыслях Крауча критика демократии плавно переходит в констатацию ее деградации.

Начнем с того, что демократии явно предъявляются завышенные требования. Разумеется, сегодня никто не оспаривает того факта, что современная демократия в больших и сложных обществах — это не собственно «правление народа», а правление его представителей. Если воспользоваться известной формулой Авраама Линкольна, речь идет о «правительстве народа, управляемого народом и для народа». Ключевое слово в этой фразе — не только народ, но и правительство (*government* в широком значении термина). Бернар Манен выделяет четыре признака представительного правления, впервые «открытые» в XVIII в. и сохраняющие актуальность до сих пор: управляющие избираются посредством регулярных выборов; процесс принятия политических решений относительно независим от желаний электората; управляемые имеют право выражать свои мнения и предпочтения независимо от правящей элиты; публичные решения должны пройти испытание дебатами [Манен 2008]. Именно с таким политическим порядком ассоциируется современная демократия. По сути, этот порядок построен на балансировании между демократическими и недемократическими элементами: воля и участие народа уравновешиваются наличием автономного политического класса, относительно независимого в принятии ключевых решений. Сам институт выборов в современных демократиях, что в XIX в., что в начале XXI в., — это аристократическая или, если угодно, олигархическая процедура [Манен 2008: 291–294]. То есть не только в до- и недемократических обществах, но и в современных демократиях элита малочисленна по определению. Разумеется, различаются и трансформируются

механизмы кооптации в элиту. Сегодняшний политический класс формируется по иным правилам, чем в прежние эпохи: схематично говоря, условные технократы пришли на смену знати и бюрократии, правившим в XIX и XX столетиях соответственно, тогда как каналов входа в элитные круги стало больше. Но можно ли считать такие изменения чем-то исключительно антидемократичным? Ответ очевиден: едва ли.

Кроме того, идея «постдемократии» хорошо иллюстрирует иное представление, лежащее в основе современного нам дискурса о «кризисе демократии»: эпоха массовых партий и их борьбы за власть рассматривается как синоним (представительной) демократии *вообще*. В этом смысле закат партийной демократии в конце прошлого столетия ассоциируется с упадком демократии как таковой. Проблемность данной точки зрения заключается в том, с чего мы начали, а именно в однобокой трактовке роли кризиса в современном обществе. Как убедительно показал Манен, представления о кризисе представительной демократии имели место и в прошлом — в частности, в конце XIX — начале XX в. при переходе от классического парламентаризма к той самой системе массовых партий, ориентированной на социально-классовую структуру общества [Манен 2008: 244]. Однако с 1970-х гг. в самых разных («старых» и «новых» на тот момент) демократиях наблюдается снижение роли партий, персонификация голосования и повышение роли ситуационизма (реакции избирателя на конкретные, освещаемые в дебатах проблемы) в политическом процессе. Это та ситуация, когда электорат перестает быть жестко структурированным и становится подверженной колебаниям аудиторией, вовлеченной в медийные публичные дискуссии, в том числе благодаря доступу к более-менее одинаковой, «нейтральной» информации, позволяющей людям *самостоятельно судить* о происходящем⁵. Партии отнюдь не исчезают, но их программы становятся вариативными. Политики и ассистирующие им медиаэксперты ориентируются не на предзаданные коллективные интересы социальных групп, которые были легко различимы еще полвека назад, а на политизацию тех или иных расколов, существующих в обществе как в социально-экономическом, так и в культурно-ценностном отношении. Но главное заключается в том, что все эти изменения корректируют конкретное содержание каждого из указанных базовых принципов представительной демократии, но отнюдь не подвергают их сущностной эрозии и даже не ставят их под сомнение.

⁵ Манен, а вслед за ним и другие исследователи, предлагает использовать термин «аудиторная демократия» для описания новой формы представительного правления.

Разумеется, новое состояние современных демократий также уязвимо для критики (а значит, и для кризиса в смысле постоянного изменения). Собственно, демократия тем и отличается от других политических порядков, что допускает критику «изнутри» посредством свободы слова и возможности (в каком-то смысле даже моральной обязанности) участия в публичной дискуссии. Сегодня дебаты как никогда широки по составу их участников, но это отнюдь не значит, что с демократией «все прекрасно». Парадоксальным образом ощущается нехватка пространства для дискуссии, которое было бы сподобно «вместить» всех.

Так, в отличие от нормативных моделей рациональной коммуникации, в реальности неравенство голосов и асимметричность остаются (пусть и содержательно вариативной) характеристикой любых политических коммуникаций [Малахов 2005]. Тем не менее в медийном пространстве, расширяющем пространство публичное, дистанция между управляемыми (наблюдателями) и управляющими (актерами) не столько увеличивается в сравнении с прежними эпохами представительной демократии, сколько становится более *видимой* (*visible*), более осязаемой и очевидной⁶. Ощущение «узурпации власти» конкретными персонами усиливается тенденциями к вуайеризму (ежедневному наблюдению за публичной и частной жизнью политиков) и плебисцитарности; эти тенденции очевидным образом связаны с «пассивной» ролью наблюдателей, исполняемой гражданами в процессе чтения газет и просмотра телевизора [Урбинати 2016: гл. 4]. Все это может раздражать с нормативной точки зрения, но в сравнительно-исторической перспективе трудно не признать, что нынешний уровень вовлеченности обывателей в политический процесс и их осведомленности о происходящем является наивысшим, чем когда бы то ни было⁷. И это не только следствие расширения избирательных прав и роста гражданского самосознания, но и плод новых форм представительства — как парламентского, так и внепарламентского [Urbinati, Warren 2008]. Другое дело, что участие в качестве зрителей не может подменить собой нормального функционирования демократических институтов — конкурентных выборов,

⁶ Я оставляю за скобками важный нормативный вопрос (и вытекающие из него вопросы практического характера), требующий отдельного рассмотрения, а именно: должны ли мы однозначно воспринимать разрыв между представителями (политиками) и представляемыми (народом) как нечто «плохое», то есть заслуживающее морального порицания и потому требующее исправления? Ограничусь ссылкой на Фрэнка Анкерсмита [Анкерсмит 2004], который доказывает, почему на этот вопрос следует ответить отрицательно.

⁷ Разумеется, речь идет о реалиях современных сложных обществ, а не относительно малых сообществ, к которым относятся и греческие полисы.

гарантии прав человека и свободы слова. В противном случае (как на то указывает пример многих недемократических стран, включая Россию), медиатизация политики оказывается не более чем средством манипуляции общественным сознанием. В этом смысле предложенное Чарльзом Тилли «динамическое» определение демократии остается чрезвычайно актуальным: «режим можно признать демократическим, если политические отношения между гражданами и государством выражены широкими, равноправными, защищенными и взаимобязывающими процедурами обсуждения» [Тилли 2007: 29].

Демократия и капитализм, или Как же все-таки быть с приставкой «пост»?

Еще один важный аргумент в пользу наступления демократического апокалипсиса состоит в том, что так называемый глобальный капитализм коррумпирует демократические правительства и ставит под сомнение завоеванные в XX в. социальные права. Иными словами, подразумевается, что логика рынка противоречит самой логике демократии. Этим противоречием озабочены постмарксистские левые интеллектуалы вроде уже упомянутого Колина Крауча и Юргена Хабермаса. Так, Крауч говорит о пагубном влиянии современных транснациональных корпораций, которые создают лобби, группы давления и тем самым определяют политику демократических правительств [Крауч 2010: гл. 2]. Хабермас, в свою очередь, еще с 1970-х гг. патетично пишет о том, что глобальный капитализм принципиально несовместим с демократической легитимацией. В частности, как европейского интеллектуала Хабермаса особенно возмущают «безумие рынков» (*the frenzy of the markets*) и та же «постдемократия», состоящая, по его мнению, в том, что самые важные вопросы в единой Европе решаются не Еврокомиссией, а главами Германии и Франции под неусыпным присмотром со стороны крупнейших бизнес-корпораций [Diez 2011].

На самом деле подход, усматривающий постоянную угрозу демократии со стороны рыночной экономики, базируется на довольно банальной концептуальной путанице: демократия неправомерно отождествляется с государством всеобщего благосостояния (*welfare state*). С одной стороны, путаница между этими понятиями в публичных дебатах связана с чрезмерным «растяжением» концепта «демократия». Сегодня все называют себя «демократами», а под демократией подразумевают чуть ли не все измерения и атрибуты современных развитых обществ (не говоря уже о применении этого термина к реалиям стран типа КНДР, Венесуэлы или России). Во французском

языке есть удачное выражение — *mot-valise*, слово-чемодан. Именно таким «чемоданом» в массовом сознании и стало слово «демократия». С другой стороны, в интеллектуальном дискурсе отождествление демократии с социальным государством опирается на некоторую философскую традицию. Алексис де Токвиль, например, понимал демократию не столько как политический режим, сколько как процесс социальной эмансипации. Разумеется, это не делает из него сторонника государственного вмешательства в экономику, но создает «трамплин» для интеллектуального прыжка в этом направлении. А вот Томас Х. Маршалл, автор известной концепции трех волн гражданства⁸, напрямую связывал социальные права с гражданством и тем самым концепцию социального государства с демократией.

Так или иначе, данная концептуальная связка имеет серьезные мировоззренческие и политические последствия: наблюдаемый сегодня в развитых странах кризис государства всеобщего благосостояния автоматически «переносится» на демократию. Как если бы сокращение налогов и либерализация трудового законодательства угрожали институту конкурентных выборов и свободной политической дискуссии. Проблема заключается в том, что подобного рода нелепые взаимосвязи приобретают законную силу в рамках того, что можно назвать «социал-демократическим консенсусом»: в сознании не только левых интеллектуалов, но и широких масс патерналистское государство ассоциируется с нынешней (и к тому же «западной») демократией так, как будто никакой другой демократии не было и быть не может. Это означает, что самые невинные попытки избавиться от лишней бюрократии или сократить бремя на предпринимателей, по-прежнему часто ассоциируемых с эксплуатацией трудящихся, а не с созданием рабочих мест и условий для экономического роста, натываются на жесткое сопротивление «финансовому капиталу» и «неолиберальной политике». За этими этикетками, как правило, скрывается не более чем непонимание рыночных механизмов вкупе со страхом потерять имеющиеся социальные гарантии, заставляющим отказываться от чего-то потенциально большего.

Парадоксальным образом именно социал-демократический консенсус не только создает ощущение упадка демократии, но и, по сути, символически ограничивает пространство публичной дискуссии: он оставляет слишком узкое пространство для дебатов (в частности, по экономическим вопросам) и сокращает до минимума «меню»

⁸ По предложенной Маршаллом схеме, речь идет о поступательном расширении собственно гражданских прав (XVIII в.), затем политических (XIX в.) и, наконец, прав социальных (XX в.), включенных им в само понятие гражданства. См.: Маршалл 2011.

решений, имеющих шанс на широкую общественную поддержку. То, в чем обвиняют бизнесменов и ТНК, на самом деле является сутью социального государства: перераспределение изымаемых у граждан средств на создание и поддержание множества так называемых общественных благ осуществляется в процессе лоббирования интересов одних отраслей в ущерб интересам других. Более полутора веков назад Фредерик Бастиа метафорически назвал государство «громдной фикцией, посредством которой все пытаются жить за счет других». Пожалуй, еще никогда это определение не было так актуально, как сегодня. Так или иначе, реальный упадок социал-демократии не означает упадка демократии вообще, но лишь кризисное состояние перехода от одной из ее возможных форм к другой. Если воспользоваться иной метафорой, можно с куда большим основанием говорить не о наступлении «постдемократии», а о движении к «постсоциал-демократии».

Демократия, национал-популизм и терроризм:

«что же будет с родиной и с нами»?

Тезис о смертельной опасности демократии со стороны одной из форм ее искажения – популизма, зывающего к толпе, может показаться чем-то новым, особенно в свете событий последних лет. На пороге XXI столетия по странам Латинской Америки прокатилась волна левого популизма [Варгас Льоса 2003], а теперь в США и странах Западной Европы, считающихся наиболее устойчивыми и развитыми демократиями, подняли голову крайне правые политики. В связи с растущей популярностью одного из республиканских кандидатов американские интеллектуалы и правозащитники бьют тревогу: демагог и ксенофоб «Дональд Трамп может быть лишь первым из множества Трампов в американской политике», а потому говорить приходится не иначе как о появлении в США многочисленного движения сторонников авторитаризма [Taub 2016]. Практически повсеместный рост популярности крайне правых в разных странах Европы заставляет многих испытывать страх перед национал-популизмом, сбрасывающим с себя одежды экстремизма, чтобы предстать в образе респектабельной демократической, «народной» силы. «Антисистемный» протест крайне правых и их лозунги в защиту национальной идентичности⁹ подпитываются социальными проблемами, миграционным кризисом, активностью террористов и «рассеянным»

⁹ О различении двух типов политического популизма – протестного (*populisme protestataire*) и ориентированного на идентичность (*populisme identitaire*) – а также их смешении на практике см.: Taguieff 2007: 217–267.

в народе недовольством, которому даются «простые и понятные» имена: «коррупцированная элита», «чужаки», «ислам», «Брюссель», «Вашингтон», «глобальный капитализм» и т.д.

Действительно, национал-популизм сегодня является наиболее заметной и, что немаловажно, транснациональной (общеевропейской и даже общемировой) тенденцией искажения демократии [Урбинати 2016: гл. 3]. И все же ни демагоги, говорящие от имени недовольной толпы, ни страх перед охлократией отнюдь не новости. Еще американские отцы-основатели и крупнейшие европейские мыслители XIX столетия использовали эту опасность как аргумент против расширения избирательного права и «излишней» партийной конкуренции, способных, по их мнению, разрушить не только демократический элемент представительства, но и сами основы современной цивилизации [Хиршман 2010]. Сегодня, когда всеобщее равное избирательное право и принцип избрания на ключевые государственные должности, наоборот, считаются достижениями цивилизации, можно утверждать, что за двести лет демократия научилась как-то справляться с этой опасностью.

Разумеется, каждая эпоха уникальна, а новая ситуация не похожа на то, что было раньше. В глобальном мире межгосударственные границы становятся проницаемыми, но при этом не исчезают; а между тем внутри самих государств появляются новые границы – социальные. В ситуации, когда «глобальный Другой уже не находится “где-то там” или рядом с нами», но «“внутри” нас» [Бек 2012: 67], возникает проблема соотношения между демократией и растущим разнообразием – как индивидуальным и социальным, так и культурным. Неудивительно, что противоречия обостряются, а фигура «мигранта» становится универсальным козлом отпущения. В Европе в образе опасного Другого выступают ислам и мусульмане; в символическом контексте, нагруженном геополитическими коннотациями начала XXI в., этот образ трансформируется в ощущение некоей ползучей угрозы политической и культурной исламизации, то есть крушения демократии и либеральных ценностей под напором ислама¹⁰. Этот страх перед несуществующим сообществом [Руа 2015] может, таким образом, выступать как негативная идентичность – «заменитель» позитивной идентификации европейцев с единой Европой, ослабленной политически, да еще и пока не способной опереться на единую историю, единую культуру и общий для всех язык. Социолог Мишель Вивьерка говорит о символическом расколе Франции

¹⁰ Разоблачение этой мнимой угрозы см. в: Малахов 2014.

надвое: на тех, кто за открытое общество для всех, и тех, кто выступает за идеал «гомогенной» нации [Wiewiórka 2015]. Но и это, кажется, возвращает нас к чему-то постоянно повторяющемуся. Так, анализируя волну разочарования в демократии и проекте европейской интеграции в странах Восточной Европы, польский прозаик Адам Загаевский вписывает стремление к «закрытию» открытых обществ в контекст интеллектуальной борьбы внутри модерна, длящейся вот уже два века; борьбы между изменчивым настоящим и воображаемым прошлым, между рационалистической организацией политического порядка и теолого-философскими концепциями государства [Zagajewski 2016]. Но если в искусстве и литературе напряжение внутри модерна рождало и продолжает рождать шедевры и новые направления, то при переходе в плоскость политического действия — идеологий, лозунгов и программ — это напряжение приобретает заведомо упрощенные и обезображенные формы консервативной реакции, страха и презрения к идеалу общечеловеческой свободы.

Действительный вопрос состоит в том, насколько сильны ценности демократии и, шире, открытого общества перед лицом очередного испытания национал-популизмом. Я полагаю, что угроза реальна и серьезна, но отнюдь не смертельно опасна. Даже если в головах европейцев, американцев и жителей других демократических стран идея строительства условной «Большой Стены от внешнего мира» будет на уровне политических взглядов иметь все большее значение, это еще не значит, что ее удастся в последовательном виде реализовать на практике. В реалистичность сценария закрытия от мира, кажется, не верят и сами защитники идеи, умело эксплуатирующие страхи и искаженные представления людей о глобальных процессах. И здесь дело не только в гуманизме и доктрине прав человека, укоренившихся в Европе и США и, надо сказать, иной раз используемых этими государствами в качестве инструмента давления на другие правительства. (Справедливости ради отметим, что, несмотря на критику «западного неокOLONиализма», взоры бесправных и униженных людей всего мира обращаются именно к Европе и Америке.) Дело еще и в том, что современные общества слишком сложны, индивидуалистичны и разнообразны для того, чтобы проект Большой Стены стал реальностью. Одно дело — отстраненное сочувствие антииммигрантской политической риторике, и совсем другое — когда речь идет не об обезличенных «потоках мигрантов», а о конкретных людях, приезжающих в конкретный город и становящихся частью местного сообщества. Одно дело — *позволить* противникам открытого общества сделать демократию инструментом увеличения своего

влияния и даже прихода к власти, и другое — *сопротивляться* палеоконсервативному курсу в Польше или *участвовать* в актах гражданского неповиновения во французских городах, руководимых мэрами из Национального фронта.

И все же не стоит преуменьшать реальные угрозы, связанные с ростом недовольства, тревожности за будущее и ощущением частичной утраты безопасности в настоящем. Потому что страх и коллективная эмоция способны если не усыпить гражданское чувство, то парализовать его на длительное время. На мой взгляд, начиная с 11 сентября 2001 г. и особенно в наши дни такая опасность прослеживается в связи с ощущаемой угрозой глобального исламистского терроризма. Терроризма, происходящего словно из ниоткуда, или, вернее, одновременно извне и изнутри, то есть, как и всякий страх, в конечном счете из нас самих.

В январе 2015 г., после расстрела редакции сатирического журнала *Charlie Hebdo*, миллионы европейцев вышли на улицы своих городов, держа в руках плакаты с замечательными словами: «Я Шарли» и «Мы не боимся». Спустя десять месяцев, 13 ноября, французское общество и весь мир потрясли новые террористические атаки, и настроения изменились. Президент и премьер-министр Франции объявили терроризму войну, так же как до них это сделал президент Буш-младший. Позволю себе небольшое личное свидетельство. Прогуливаясь по обезлюдевшему Парижу утром 14 ноября 2015 г., я словно в воздухе ощутил глубокий пессимизм за будущее человечества. Но еще больше в это пасмурное утро меня переполняло желание отстраниться от столь порочного мира людей. На самом деле, именно в этом заключается настоящее испытание общества и его институциональной, демократической организации! Не в ситуации искренней любви или сочувствия к национал-популизму, а в ситуации страха быть убитым, становящегося тенью самой жизни, или (что много хуже) *отстраненного* безразличия.

В одном интервью Александр Пятигорский размышлял о том, что терроризма, то есть логики (массового) убийства, не бывает без его жертв, без самообъективации людей именно как потенциальных мишеней террора [Пятигорский 2004]. Хотя реальная угроза терроризма, во всяком случае в демократических странах, сильно преувеличена эффектом медиатизации (вероятность стать жертвой атаки террористов гораздо ниже, чем вероятность лишиться жизни от рук грабителей или попасть в автомобильную катастрофу), она способна конструировать сознание жертвы как раз на основе страха внезапной смерти и отстранения от реальности. Конструирование сознания

жертвы оказывает влияние не только на политические институты, но и на ценности, от имени которых провозглашается «война с терроризмом». Потому что реакция в виде ответного удара — это логика, продиктованная данным типом сознания. Оно может проявляться в росте внешнеполитического авантюризма, когда вслед за вторжениями в Ирак и Афганистан предлагается «усилить бомбардировки» по Исламскому государству¹¹ в Сирии и Ираке. Или в утрате общественного контроля над силами безопасности, а значит, в ограничении гражданских свобод и появлении (усилении) элементов полицейского произвола, предупреждает Майкл Уолцер [Walzer 2015]. Или в принятии мер, нацеленных на недостижимую цель — тотальную секьюритизацию публичных мест, что делает такие меры опасными для граждан и демократии. Сознание жертвы склонно оправдывать ограничения миграций (в частности, приостановку иммиграции из «опасных стран», отказ от приема беженцев из очагов военных конфликтов на Ближнем Востоке и т.д.) и высказывать одобрение мерам вроде лишения гражданства за «преступления против нации», вносящим раскол и элемент *коллективной мести* «цивилизации» по отношению к «варварству». Анализируя терроризм джихадистов и реакцию на него со стороны западных демократий, философ Мишель Терещенко предостерегает: «[пока] все происходит так, как если бы “война с терроризмом” развертывалась в манихейской логике противопоставления “их” “нам” самим, логике, культивирующей будто бы зеркальное насилие со всех сторон на неопределенном пространстве (*sur un espace déterritorialisé*) и в полном презрении к праву». Это презрение к праву, продолжает он, «ведет к внутренней трансформации наших обществ, угрожающей нашим принципам и ставящей под большой вопрос наши фундаментальные свободы» [Terestchenko 2015].

Страх, объективация общественного сознания в качестве коллективной жертвы и отстранение от реальности заглушают голос разума как у правителей, так и в среде управляемых. Это вовсе не значит, что под предлогом борьбы с терроризмом демократические правительства только и жаждут, что получить больше дискреционной власти и ограничить контроль над своими действиями со стороны общества. (Хотя в слабых, неустойчивых демократиях, как показывает пример России после Чечни и Беслана, борьба с терроризмом, безусловно, становится козырной картой власти и фактором сползания к авторитаризму и закрытому обществу.) Это тем более не значит, что террору

¹¹ Деятельность организации запрещена в России.

никак не нужно противостоять. Но в том-то и заключается самое главное, что демократия и либеральные ценности не должны быть принесены в жертву безопасности. Пространство для высказывания критики и здорового недоверия к власти, а значит, и способность общества к сопротивлению последней, не должно быть предметом для ограничений со стороны *какого бы то ни было* чрезвычайного положения. Разум не должен заснуть, иначе реальной катастрофы, как это показывает сползание к тоталитаризму в прошлом веке и новые попытки «закрыться от мира» в начале столетия нынешнего, не избежать. Вот о чем всегда следует помнить.

Избавление от иллюзий

Несомненно, проект под названием «демократия» переживает сегодня нелегкие времена, хотя, вероятно, бывали и похуже. Так или иначе, выход из мира ощущений, переживаний и воображения к реальности, той, которую мы можем познать, в частности, благодаря сравнительному и историческому методу, позволяет заключить следующее. То, что сегодня переживают демократические страны: ослабление партийной системы и персонализация политики, появление новых форм дистанцирования между властвующими и управляемыми, рост популизма и т.д., — есть проявление трансформации современной демократии в быстро меняющемся, «гибком» мире. Демократическая система по определению находится в движении, задаваемом поиском компромиссов, противовесов, институционализацией конфликтов и необходимостью решать проблемы и противостоять вызовам, выходящим за временные рамки политических циклов.

Нормативные суждения и идеалы, безусловно, важны. Но вместе с тем важно понимать и другое: как бы нам того ни хотелось, образцовых демократий не бывает. Всякий раз мы видим разрыв между идеальными представлениями и реальностью демократии как политической организации общества и как процесса эмансипации. Данный разрыв, собственно, и оставляет место для критики (которая, как мы помним, вызывает кризис, и наоборот). В этом смысле всякая критика, даже самая радикальная и алармистская, имманентна демократии, но чувство реальности при этом никогда не должно нас покидать. Иначе кризис как постоянное изменение, провоцируемое критикой, имеет свойство пуститься в хаотический разгул, за которым непременно следует упадок демократии.

Важно отказаться и от иллюзорного представления, согласно которому современная демократия и, безусловно, тесно связанный с ней либерализм победили раз и навсегда. Очередной «конец истории»

не состоялся. Напротив, у проекта либеральной демократии, казавшегося победившей утопией хотя бы в дискурсивно-символическом отношении, на рубеже тысячелетий появился грозный противник — антиглобализм. Он не только отказывает демократии и либерализму в статусе универсальных идей вне зависимости от культуры и географии, но и *оспаривает саму необходимость и даже возможность* универсального пути в развитии человечества¹².

Наконец, не стоит думать, что демократия — это устойчивое и само по себе «доброе» общественное устройство. У демократии есть своя «темная сторона»: постоянная угроза демагогии и национал-популизма, тирания мнения большинства, подверженность граждан страхам и их безучастие, способные в моменты наиболее острых общественных кризисов привести к гуманитарной катастрофе [Март 2005]. С другой стороны, демократия — это институты и публичное пространство, которые требуют постоянной поддержки, постоянного усилия со стороны множества лиц. «Убери усилие — и исчезнет гражданское общество», — говорил Мераб Мамардашвили [Мамардашвили 2008: 242].

Источники

1. *Айзенберг Б.* (2012). Кризис и критика. Идеи Рейнхарта Козеллека о происхождении современности // Гефтер. URL: <http://gefter.ru/archive/5128#up5> (дата обращения: 21.03.2016).
2. *Анкерсмит Ф.* (2004). Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. № 2 (42). С. 15–40.
3. *Бауман З.* (2002). Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос.
4. *Бек У.* (2012). Жизнь в обществе глобального риска — как с этим справиться: космополитический поворот // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 22. С. 57–69.
5. *Варгас Льоса М.* (2003). Почему Латинскую Америку преследуют неудачи? // InLiberty. URL: <http://www.inliberty.ru/library/335-rochemu-latinskuyu-ameriku-presleduyut-neudachi> (дата обращения: 23.03.2016).
6. *Крауч К.* (2010). Постдемократия / Пер. с англ. Н.В. Эдельмана. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

¹² Интересно, что современная критика универсальных ценностей с позиций культурного релятивизма и постколониализма в каком-то смысле наследует «классической» критике универсализма, которая опиралась, главным образом, на идею защиты национального порядка и теории расизма. См.: Wieviorka 2013.

7. *Малахов В.С.* (2005). О политическом употреблении культурных различий // Полит.ру. URL: <http://polit.ru/article/2005/08/19/malahov/> (дата обращения: 22.03.2016).

8. *Малахов В.С.* (2014). Грозит ли Европе исламизация? // Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН. С. 149–175.

9. *Мамардашвили М.К.* (2008). О гражданском обществе // Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики. М.: Прогресс-Традиция. С. 213–247.

10. *Манен Б.* (2008). Принципы представительного правления / Пер. с англ. Е.Н. Рошина. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

11. *Маршалл Т.Х.* (2011). Гражданство и социальный класс // *Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 145–223.

12. *Пятигорский А.* (2004). Чистый воздух твоей свободы // TvKultura. URL: http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/959968/brand_id/29551/ (дата обращения: 24.03.2016).

13. *Руга О.* (2015). Страх перед несуществующим сообществом // Открытая Россия. URL: <https://openrussia.org/post/view/2010/> (дата обращения: 23.03.2016).

14. *Тилли Ч.* (2007). Демократия / Пер. с англ. Т.Б. Менской. М.: АНО «Институт общественного проектирования».

15. *Урбинати Н.* (2016). Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Института Гайдара.

16. *Хиришман А.* (2010). Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность / Пер. с англ. Д. Узланера. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

17. *Шапиро И.* (2011). Бегство от реальности в гуманитарных науках / Пер. с англ. Д. Узланера. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

18. *Beck U.* (1992). Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage.

19. *Bronner G.* (2013). La Démocratie des crédules. Paris: PUF.

20. *Bures F.* (2016). Dispatches from the Ruins // Aeon. URL: <https://aeon.co/essays/is-there-something-weird-about-our-taste-for-apocalypse-stories> (дата обращения: 21.03.2016).

21. *Diez G.* (2011). Habermas, the Last European: A Philosopher's Mission to Save the EU // Spiegel. URL: <http://www.spiegel.de/>

international/europe/habermas-the-last-european-a-philosopher-s-mission-to-save-the-eu-a-799237.html (дата обращения: 22.03.2016).

22. *Gauchet M.* (2010). *L'avènement de la démocratie, III. À l'épreuve des totalitarismes, 1914–1974.* Paris: Gallimard.

23. *Mann M.* (2005). *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing.* Cambridge: Cambridge University Press.

24. *Taguieff P.-A.* (2007). *L'illusion populiste. Essai sur les démagogies de l'âge démocratique.* Paris: Flammarion.

25. *Taub A.* (2016). *The rise of American authoritarianism // Vox.* URL: <http://www.vox.com/2016/3/1/11127424/trump-authoritarianism#change> (дата обращения: 23.03.2016).

26. *Terestchenko M.* (2015). *Les démocraties au piège du terrorisme // Journal du MAUSS.* URL: <http://www.journaldumauss.net/?Les-democraties-au-piege-du> (дата обращения: 24.03.2016).

27. *Urbinati N., Warren M.E.* (2008). “The Concept of Representation in Contemporary Democratic Theory” // *The Annual Review of Political Science.* Vol. 11. P. 387–412.

28. *Walzer M.* (2015). *What Kind of a War Is This? // Dissent.* URL: <https://www.dissentmagazine.org/blog/france-us-uk-air-strikes-isis-just-war-theory> (дата обращения: 24.03.2016).

29. *Wieviorka M.* (2013). *Doit-on et peut-on reformuler les valeurs universelles? // Canal-U.tv.* URL: https://www.canal-u.tv/video/fmsh/doit_on_et_peut_on_reformuler_les_valeurs_universelles.18813 (дата обращения: 24.03.2016).

30. *Wieviorka M.* (2015). *Réfugiés: les deux France aujourd'hui // Wieviorka.hypotheses.org.* URL: <http://wieviorka.hypotheses.org/602> (дата обращения: 23.03.2016).

31. *Zagajewski A.* (2016). *The Closing of an Open Society // Eurozine.* URL: <http://www.eurozine.com/articles/2016-03-01-zagajewski-en.html#.VtqPbriDZUw.facebook> (дата обращения: 23.03.2016).

Допустимость и пределы нарушений прав человека в борьбе с терроризмом в контексте Международного пакта о гражданских и политических правах, а также Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Аннотация

Статья посвящена проблеме соразмерности террористических угроз и мер, предпринимаемых государством для их предупреждения и пресечения. Проанализированы допустимость и критерии для временного отказа государств от своих обязательств через призму Комитета по правам человека ООН и Европейского суда по правам человека. Также в статье освещаются отдельные права, закрепленные в международных актах, такие как пределы длительности содержания под стражей, право на адвоката и право обжаловать правомерность содержания под стражей.

Abstract

The article rises the problem of proportionality between the terrorist threats and measures, which can be applied by the government of the state. The question of derogation from obligations under international human rights treaties and the criteria for them to be valid from the point of European Court of Human Rights and Human Rights Committee will be discussed. Then some particular rights and their interpretation will be

¹ Гречишников Александр (alexgrechish@gmail.com) – студент юридического факультета НИУ ВШЭ СПб. Приз Фонда Фридриха Науманна.

analyzed, such as right to trial within a reasonable time, right for a legal counsel and right to challenge the lawfulness of the detention.

Введение

Современная европейская цивилизация стоит на пороге серьезнейшего выбора. Развитые общественные и социальные институты, повышение гарантий прав человека жесточайшим образом сказываются на вопросах безопасности целых народов. Конвенции и деятельность международных органов, стоящих на страже прав человека, обеспечивают беспрецедентный уровень гарантий каждому индивиду. Однако данные институты подчас блокируют возможность эффективной борьбы с такой угрозой, как международный терроризм. Власть террористических организаций крепнет и только за последний год уже поставила под удар Россию, Бельгию и Францию. Должны ли быть пределы гарантий прав человека относительно борьбы с терроризмом, допускает ли международное право возможность поступиться фундаментальными принципами равенства всех перед законом и судом? Государства стоят перед сложнейшим выбором: продолжить движение к либерализации и гуманизации международного права или же «затормозить» этот процесс и на время отказаться от подобных обязательств.

Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Это право гарантируется Международным пактом о гражданских и политических правах [1], а также Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [2] и подразумевает под собой целый комплекс мер, предпринимаемых государством. В частности, это право развивается и констатирует необходимость скорейшего судебного разбирательства в случае задержания, право на выбор адвоката по своему усмотрению и др. В ходе нормального функционирования государства отступление от этих прав является международным нарушением, и к стране могут быть предъявлены обвинения как в Европейском суде по правам человека, так и в Комитете по правам человека в ООН. В настоящей работе будут проанализированы подходы этих двух органов к разрешению проблем, связанных с частичным отказом государств от своих обязательств по международным конвенциям, критерии для легальности подобных мер, а также процедура их введения. Далее следует остановиться на таких важных правах человека, как недопустимость дискриминации, право на обжалование ареста, длительность нахождения под стражей и право на адвоката, как формирующих основной комплекс гарантий лицам, подозреваемым в подготовке или совершении террористических актов.

Отказ от обязательств по конвенциям в чрезвычайных ситуациях

Как показывает практика, в случае возникновения угрозы, государства частично отказываются от исполнения своих обязательств по конвенциям, связывая это с чрезвычайными обстоятельствами. Так, в 1995 г. Турция заявила о временном отказе от обязательств в связи со столкновениями турецкой армии и рабочей партии Курдистана (признанной террористической организацией). Также в 2001 г. Соединенное Королевство заявляло о данных мерах как предупреждающих террористические атаки в связи с терактами 11 сентября в США.

Статья 4 Международного пакта о гражданских и политических правах [3] и статья 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [4] указывают на конкретные критерии, при соблюдении которых допускаются подобные отступления.

Во-первых, жизнь нации должна находиться под угрозой. Этот критерий был проанализирован Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) в «Греческом деле» (*Greek case*) [5] и выражен в том, что угроза жизни нации должна обладать следующими характеристиками: она должна затрагивать всю нацию, должна быть действительной, ее наличие подвергает угрозе жизнь сообщества, а также обычные меры, не запрещенные Конвенцией, не позволят избавиться от этой угрозы.

Комитет по правам человека указывал, что протесты, забастовки или повышение уровня преступности не являются случаем угрозы жизни нации [6], при этом государство имеет свободу усмотрения и разрешение каждого дела должно быть индивидуальным, а не базироваться на формальном подходе. Так, в деле «Ландинелли Силва против Уругвая» (*Landinelli Silva vs Uruguay*) [7] права гражданина Уругвая были нарушены действиями новых властей, принявшими декрет, который признавал партию, от которой он баллотировался, вне закона, что привело к запрету лицу заниматься какой-либо политической деятельностью, а также голосовать в течение 15 лет. Выводом Комитета было то, что в указанном деле не предоставлено достаточных доказательств необходимости введения чрезвычайных мер, в частности, лишающих политических прав.

Во-вторых, государство должно официально объявить о существовании чрезвычайного положения. Так, в деле «Бранниган и Макбрайд против Соединенного Королевства» (*Brannigan and McBride vs United Kingdom*) [8] ЕСПЧ указал, что заявление официального лица, сделанное перед Палатой Общин в Великобритании, в котором оно указывает на меры, осуществляемые государством, является достаточным для соблюдения Европейской конвенции. В «Кипр против

Турции» (*Cyprus v. Turkey*) [9] Суд конкретизировал требование об официальном заявлении, сделав вывод о том, что оно должно являться формальным и публичным актом, указывающим на новый закон или подтверждающим чрезвычайную ситуацию.

Комитет по правам человека в своих делах придерживался иной позиции, указывая, что государство должно не просто объявить о мерах, которые оно собирается предпринять, но и предоставить подробные объяснения и документацию в обоснование [10]. В деле «Рамирес против Уругвая» (*Ramirez vs Uruguay*) [11] Комитет также указал на то, что нарушения были выявлены при отсутствии объяснений причин временного отказа от обязательств международным органам.

В-третьих, меры должны быть соразмерными остроте положения. Данный аспект толкуется шире, чем буквальный смысл положений конвенций, так в «Бранниган и Макбрайд против Соединенного Королевства» (*Brannigan and McBride vs United Kingdom*) и «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland vs United Kingdom*) [12] Суд указал на то, что в отношении государств, предпринявших меры, существует презумпция соразмерности, а кроме того, государство имеет право самостоятельно устанавливать необходимые ограничения, выбирая между интересами личности и общественной безопасностью. Это правило выражается в том, что бремя доказывания несоразмерности мер, примененных к индивиду, перекладывается на самого индивида.

Почти противоположный подход был выражен Комитетом по правам человека. При рассмотрении мер, предпринятых Израилем в «Заключительных замечаниях» (*Concluding observations of the Human Rights Committee: Israel*) [13], Комитет указал на то, что содержание под стражей без предоставления адвоката несоразмерно существовавшей ситуации. Могли бы быть предприняты иные меры, необходимые для ответа на ситуацию. Таким образом, если в практике ЕСПЧ государству отводится достаточно широкое усмотрение на применение мер, подразумевая, что они априори соответствуют положению, то Комитет по правам человека придерживается более строгой позиции, предъявляя высокий стандарт, оставляя доказывание соразмерности мер государству.

Согласно Конвенции, меры, предпринимаемые государством по охране национальных интересов, в случае опасности не ограничены принципом недискриминации [14]. Статья 15, регулирующая допустимый отказ, указывает, что право на отсутствие дискриминации не относится к тем, которые не могут быть отвергнуты государством. Это приводит к выводу, что отказ от обязательств по Конвенции

будет легальным, даже если основан на дискриминирующих положениях при соблюдении остальных критериев.

Действительно, для государства существует возможность ввести меры, которые будут противоречить статье 14 (недопустимость дискриминации), однако эти действия могут быть проанализированы на предмет соразмерности. Так, в «А. и другие против Соединенного Королевства» (*A. and Others vs United Kingdom*) [15] Европейский суд, дав толкование этим положениям, указал, что исключением из данного правила могут быть только случаи, когда государство, принявшее меры, докажет, что угроза террористических атак исходила исключительно из-за рубежа. Меры, предпринятые государством, по существу сводились к Акту о терроризме, который позволял Соединенному Королевству иметь специальную процедуру содержания под стражей иностранцев, подозреваемых в терроризме. В указанном деле государство доказывало, что после террористических атак 11 сентября 2001 г., произошедших на территории США, угроза возникла и в Соединенном Королевстве, однако она исходила исключительно из-за границы, и это, по мнению властей, указывало на оправданность дискриминации. Выводом суда было то, что государство не смогло доказать угрозу исключительно из-за рубежа, что привело к нарушению Конвенции не столько в части дискриминации, сколько в части соразмерности предпринятых мер имеющемуся положению.

Немного иного подхода придерживается Комитет по правам человека. Применение мер, дискриминирующих какую-либо группу людей, является нарушением, указанным в параграфе 2 статьи 4 [16]. Важно, что действительность отказа от обязательств зависит от этого критерия, при его нарушении отказ от обязательств будет недействительным, что приведет к привлечению государства к ответственности за нарушение в целом.

Действуют и дополнительные ограничения по отступлению от обязательств. Государство не может нарушить фундаментальные запреты и отступить от таких прав, как право на жизнь, недопустимость рабства, запрет пыток и назначение наказания только на основе закона [17]. Несмотря на прозрачность этих требований, их адекватность и правильность в контексте прав человека, на сегодняшний день имеется огромное количество решений, где баланс между правами человека и безопасностью общества не является очевидным, его определение требует применения дополнительных тестов и углубления в каждом из дел. Любое из прав, указанных в международных актах, должно быть рассмотрено через призму практики Европейского суда по правам человека и Комитета по правам человека,

что позволит сделать вывод о том, как именно они должны реализовываться и какие случаи их нарушения подлежат защите.

Длительность содержания под стражей

Параграф 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [18], а также параграф 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах [19] возлагают на государства обязанность обеспечить судебное разбирательство в течение разумного срока или освободить подозреваемого. Особенно важным данное право становится в случаях сложных и запутанных дел, когда расследование может длиться годами и определить, было ли нарушение данного права, представляется затруднительным.

В контексте ЕСПЧ длительность содержания под стражей не является определенной величиной. Общим становится правило, выраженное, в частности, в «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others vs Bulgaria*) [20], что содержание не должно превышать необходимого времени. Под ним подразумевается время, необходимое на сбор доказательств, подготовку обвинения и иных действий, которые приведут к началу судебного процесса. Также в целом ряде дел, связанных с организацией «Страна басков и свобода» во Франции [21] срок содержания под стражей более 4 лет являлся нарушающим права индивидов как превышающий необходимый предел. Таким образом, была подтверждена позиция необходимости адекватного периода проведения подготовки дела к судебному разбирательству, при этом по времени не превышающего 4 лет.

Деятельность комитета по правам человека в деле «Энджо против Камеруна» (*Engo vs Cameroon*) [22] также определяла, что время ожидания суда в первой инстанции должно оцениваться в зависимости от сложности дела и отсчитываться от момента ареста до фактического начала процесса. Так, в деле «Тисдейл против Тринидада и Тобаго» (*Teesdale vs Trinidad and Tobago*) [23] срок в 17 месяцев являлся нарушением, в то же время 14 месяцев не считалось нарушением в деле «Томас против Ямайки» (*Thomas vs Jamaica*) [24]. Это подтверждает подход ЕСПЧ, заключающийся в том, что нарушение не должно быть связано с конкретным временным промежутком, выходя за который оно будет автоматическим.

Указанные дела в обоих органах по защите прав человека показывают, что время содержания может длиться долго, однако эти ограничения прав должны быть обусловлены объективными причинами, такими как сложность дела, труднодоступность доказательств и др. На задержанных по подозрению в совершении или подготовке

террористического акта будут распространяться общие нормы по времени содержания до рассмотрения их дела судом первой инстанции.

Право на адвоката по своему выбору

Обе конвенции гласят, что лицо должно иметь право на защитника по своему выбору. Оно подразумевает, что лицо может выбрать адвоката по своему усмотрению, а также вправе консультироваться и обмениваться информацией со своим защитником с целью подготовки защиты.

Необходимо отметить, что право, закрепленное статьей 6 параграфом 3(b) [25] Европейской конвенции, предусматривающее право на выбор адвоката для защиты интересов лица, арестованного по подозрению в терроризме, в условиях частичного отказа государства от обязательств имеет не совсем стандартную интерпретацию. При наличии террористической угрозы государство может не допустить вмешательство любого постороннего лица в процесс. Этим обусловлено наличие в некоторых странах института специальных адвокатов — имеется в виду закрытый перечень лиц, имеющих право участвовать в процессе в качестве защитника. Кроме того, информация, полученная в ходе процесса, является засекреченной, что также налагает на адвоката дополнительную ответственность. При проверке указанного института Европейским судом в деле «А. и другие против Соединенного Королевства» (*Ahmed and Others vs United Kingdom*) [26] было установлено, что при наличии террористической угрозы подобные меры будут являться соответствующими нормам международного права при условии возможности подозреваемому знакомиться с материалами дела и консультироваться с адвокатом для подготовки позиции по делу. Кроме того, специальный утвержденный список адвокатов позволяет создать более благоприятные условия для подозреваемого, предоставить дополнительные гарантии, так как каждый из них был аккредитован и одобрен государством в специальном порядке.

Параграф 3(b) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [27] имеет похожие положения, констатирующие, что каждый задержанный по подозрению в уголовном преступлении должен иметь адекватные возможности и время для подготовки своей защиты, а также консультироваться с защитником по своему выбору. В частности, в деле «Обайдулла против Соединенных Штатов Америки» (*Obaidullah vs United States*) [28] право на адвоката было нарушено. В этом деле лицо было арестовано и транспортировано в тюрьму Гуантанамо по подозрению в связях с террористической

организацией «Аль-Каида»². Только в 2008 г. задержанному был предоставлен адвокат для защиты интересов. Исходя из изложенных фактов, Комитет признал нарушенным право, предусмотренное параграфом 3(б) статьи 14 Пакта, несмотря на заявления от властей о дополнительных гарантиях подозреваемому.

Так, Комитет по правам человека, рассматривая гарантию на защитника, разрешал проблему в узком смысле. В то же время ЕСПЧ уходил дальше и анализировал аспекты, связанные с наличием ограничения по кругу защитников. Эти правовые позиции позволяют сделать вывод, что нарушением права на защитника может быть не только фактическое лишение задержанного представителя, но и ограничения круга адвокатов, способных участвовать в процессе на его стороне или обладающих возможностями обмениваться с ним конфиденциальной информацией, связанной с делом.

Право на обжалование ареста

Последним по порядку, но не по значению является гарантия *habeas corpus*. Это право на то, чтобы осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией.

Европейский суд по правам человека, рассматривая дело «Шер и другие против Соединенного Королевства» (*Sher and Others vs United Kingdom*) [29], установил, что трое граждан Пакистана были арестованы и содержались под стражей 13 дней без предъявления обвинений. За это время они дважды представляли перед судом, который признавал дальнейшее содержание законным и целесообразным. ЕСПЧ решил, что в данных действиях властей не было нарушения параграфа 4 статьи 5 Конвенции, так как в 2009 г., по данным спецслужб, ожидалось террористические акты на территории страны. Кроме того, установление прозрачных и простых правил относительно производимых с гражданами процедур являлись гарантом справедливости содержания.

В другом деле — «М.С. против Бельгии» (*M.S. vs Belgium*) [30] — был рассмотрен вопрос о том, насколько скорым должно быть подобное рассмотрение судом жалобы. В нем гражданина Ирака, подозреваемого в связях с «Аль-Каидой», арестовали и держали под стражей около двух лет. ЕСПЧ указал, что срок рассмотрения жалобы на арест этого лица является слишком большим и нарушает его права на наиболее скорое рассмотрение жалобы относительно правомерности содержания под стражей.

² Деятельность организации запрещена в России.

В практике Комитета параграф 5 статьи 14 (право на то, чтобы осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией) [31], подразумевает не просто возможность подать иск или конституционную жалобу, что было указано в «И.П. против Финляндии» (*I.P. vs Finland*) [32] и «Дуглас, Джентлс и Керр против Ямайки» (*Douglas, Gentles, Kerr vs Jamaica*) [33]. Также это право должно быть истолковано в сторону рассмотрения более высоким судом не только легального аспекта, но и фактического. В «Домуковский и другие против Грузии» (*Domukovsky et al. vs Georgia*) [34] гражданин Российской Федерации Виктор Домуковский был арестован в октябре 1993 г. по подозрению в организации вместе с еще 18 лицами покушения на главу государства, а также акций, способных подорвать политический строй Грузии. Он был лишен возможности обжаловать свое решение в части закона, однако возможности рассмотрения дела по существу не было, что и явилось нарушением права на судебное обжалование решения об аресте.

В решении вопроса о том, как право на обжалование в вышестоящую инстанцию должно быть применено, можно сделать вывод о целом комплексе мер, необходимых для соблюдения этого права. Так, требуется не только фактическая возможность обжаловать приговор или решение, но и рассмотрение и разрешение этого дела по существу вышестоящим судом. Кроме того, необходимо и адекватное время для рассмотрения жалобы, не превышающее разумный предел.

Заключение

Разрешение вопроса о том, какие меры должны применяться к террористам, какими правами они обладают, является исключительно значимым для стран современной Европы. Нарушения прав человека будут зависеть от наличия террористической угрозы, а также от конкретных обстоятельств дела. Временный отказ от обязательств по международным конвенциям и индивидуальный подход не отменяют и не умаляют права задержанных. В рамках международного права эти меры позволяют государствам не отходить от фундаментальных принципов права и не становиться над ними [35]. Они лишь регулируют те случаи, когда применяется общее правило, а когда исключение [36].

Анализируя подходы Европейского суда по правам человека и Комитета по правам человека, необходимо отметить ряд сходных и различных аспектов толкования похожих норм права. Так, отказ от обязательств, имеющий аналогичные процедуры и критерии в части

соразмерности чрезвычайного положения и предпринимаемых мер, в практике ЕСЧП создает презумпцию соразмерности, а в практике Комитета сводится к строгому соблюдению пропорциональности в части применяемых мер и обязательности доказывания невозможности применения менее ограничивающих механизмов. Кроме того, Комитет по правам человека в силу положений Пакта анализирует меры и на предмет отсутствия дискриминации. В свою очередь, Европейский суд по правам человека не применяет критерий дискриминации как тот, от которого зависит правомерность отказа. Это положение закреплено лишь как отдельное право, от которого есть возможность отойти в случае чрезвычайной ситуации.

В ряде закрепленных прав позиции обоих органов имеют сходные начала. Так, право на рассмотрение дела судом первой инстанции в разумный срок было сведено к индивидуальности каждого дела, отступление от конкретного срока позволяет анализировать, были ли необходимые действия предприняты и существовали ли объективные причины для задержки. Право на адвоката в практике ЕСПЧ было истолковано шире и закреплено как возможность ограничения права на любого адвоката, но с соблюдением необходимых гарантий. Общим подходом Комитета и ЕСПЧ стал вопрос об обжаловании ареста в вышестоящую инстанцию. В этом праве оба органа выявили не формальную, а реальную возможность рассмотрения дела по существу в разумный срок.

Тесная взаимосвязь Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции о защите прав и основных свобод позволяет прийти к выводу о взаимосвязи этих норм, единстве международного права в части прав человека. Наличие двух органов, рассматривающих и разрешающих дела в сходной области, распространяющих свою юрисдикцию на территорию Европы, создают дополнительные гарантии. Ведь в случае несоблюдения одной конвенции, другая с высокой вероятностью будет также нарушена. Этот механизм заставляет государство принимать во внимание позиции обоих органов, стоящих на страже прав человека, что не столько уменьшает эффективность предпринимаемых мер, сколько гарантирует, что даже в тяжелые для мирового сообщества времена не будет допущено неправомерное обращение с человеком.

Источники

1. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. Пар. 1 ст. 9.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.). Пар. 1 ст. 5.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах. Ст. 4.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Ст. 15.
5. Denmark vs Greece. Application N 3321/67. ECtHR. 1970; Norway vs Greece. Application N 3322/67. ECtHR. 1970; Sweden vs Greece. Application N 3323/67. ECtHR. 1970; Netherlands vs Greece. Application N 3344/67. ECtHR. 1970.
6. General Comment 29 (72), Human Rights Committee, adopted in July 2001. Para. 3.
7. Landinelli Silva vs Uruguay. Communication. N 34/1978. H.R.C. 1981. Para. 8.3.
8. Brannigan and McBride vs United Kingdom. Application N 14553/89. ECtHR. 1993. Para. 30.
9. Cyprus vs Turkey. Application N 25781/94. ECtHR. 1976. Para. 527.
10. General Comment 29 (72), Human Rights Committee, adopted in July 2001. Para. 17.
11. Ramirez vs Uruguay. Communication N 4/1977. H.R.C. 1980. Para. 5.
12. Ireland vs United Kingdom. Application N 5310/71. ECtHR. 1978. Para. 207.
13. Concluding observations of the Human Rights Committee: Israel. 21/08/2003, UN-Doc. CCPR/CO/78/ISR. Para. 13.
14. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Ст. 14.
15. A. and others vs United Kingdom. Application N 3455/05. ECtHR. 2009. Para. 186.
16. Международный пакт о гражданских и политических правах. Пар. 2 ст. 14.
17. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Ст. 15; Международный пакт о гражданских и политических правах. Пар. 1 ст. 4.
18. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Пар. 3 ст. 5.
19. Международный пакт о гражданских и политических правах. Пар. 3 ст. 9.
20. Assenov and others vs Bulgaria. Application N 90/1997/874/1086. ECtHR. 1998. Paras. 69–76.

21. *Berasategi vs France*. Application N 29095/09. ECtHR. 2012; *Esparza Luri vs France*, Application N 29119/09. ECtHR. 2012; *Guimon Esparza vs France*, Application N 29116/09. ECtHR. 2012; *Sagarzazu vs France*. Application N 29109/09. ECtHR. 2012; *Soria Valderrama vs France*. Application N 29101/09. ECtHR. 2012.

22. *Engo vs Cameroon*. Communication N 1397/2005. H.R.C. 2009. Para. 7.2.

23. *Teesdale vs Trinidad and Tobago*. Communication N 677/1996. 2002. H.R.C. Para. 9.3.

24. *Thomas vs Jamaica*. Communication N 614/1995. H.R.C. 1999. Para. 9.6.

25. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Пар. 3(b) ст. 6.

26. *A. and others vs United Kingdom*. Application N 3455/05. ECtHR. 2009. Para. 97.

27. Международный пакт о гражданских и политических правах. Пар. 3(b) ст. 14.

28. *Obaidullah vs United States*. Communication N 10/2013. H.R.C. 2013. Para. 39.

29. *Sher and Others vs United Kingdom*. Application N 5201/11. ECtHR. 2015. Para. 151.

30. *M.S. vs Belgium*. Application N 50012/08. ECtHR. 2012. Para. 165.

31. Международный пакт о гражданских и политических правах. Пар. 5 ст. 14.

32. *I.P. vs Finland*. Communication N 450/1991. H.R.C. 1993. Para. 6.2.

33. *Douglas, Gentles, Kerr vs Jamaica*. Communication N 352/1989. H.R.C. 1993. Para. 11.2.

34. *Domukovsky et al. vs Georgia*. Communication N 623–627/1995. H.R.C. 1998. Para.18.11.

35. *Hersch Lauterpacht, The Function of Law in the International Community* (Oxford, 1933). P. 391.

36. *Rosalyn Higgins. Derogations under Human Rights Treaties* (1978). 48 *British Yearbook of International Law* 286.

Понятие неприкосновенности частной жизни по российскому и международному праву

Аннотация

Статья посвящена праву на неприкосновенность частной жизни, охраняемому статьей 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пределам охраны данного права в соответствии с российским законодательством, а также в соответствии с Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Abstract

The article considers the concept of personal privacy, established by the article 8 of the European Convention on Human Rights, the limits of the protection of this right according to the Russian legislation, and also according to the European Convention on Human Rights.

В настоящее время актуализируются вопросы национальной и международной безопасности. В связи с усилением террористических угроз как никогда часто возникают противоречия между безопасностью и правами человека.

В рамках данной статьи нами будет рассмотрено одно из наиболее важных прав человека – право на неприкосновенность частной жизни, охраняемое статьей 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пределы охраны данного права.

В ходе настоящего исследования нами анализировалось как российское право, имеющаяся правоприменительная практика в стране, так и решения Европейского суда по правам человека как неотъемлемая часть в формировании правопонимания норм Европейской Конвенции.

Анализируя понятие неприкосновенности частной жизни, прежде всего следует обратиться к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией 30 марта 1998 г.

¹ Балаганская Ирина (irina_balaganskaya@bk.ru) – студентка Сибирского федерального университета.

В Европейской Конвенции право на неприкосновенность частной жизни закреплено в п. 1 ст. 8. В п. 2 устанавливается возможность ограничения этого права и перечислены основания такого ограничения [7].

Сама по себе ст. 8 не раскрывает понятие частной жизни, лишь дает перечень прав, которые защищаются данной статьей. В связи с этим, чтобы уяснить сущность понятия «частная жизнь», необходимо обратиться к толкованию данной статьи Европейским судом по правам человека.

Сущность четырех понятий: «личная жизнь», «семейная жизнь», «неприкосновенность жилища» и «тайна корреспонденции», содержащихся в ч. 1 ст. 8, — отнюдь не является раз и навсегда определенной. В связи с этим Суд не дает им однозначного, статичного определения и толкует их от дела к делу. Гибкость подхода Суда позволяет ему принимать во внимание уровень социального, правового и технического развития отдельных стран, входящих в Совет Европы. С таким подходом нельзя дать однозначное определение указанным понятиям. Тем не менее можно выявить общий подход, что мы и попытаемся сделать. Стоит также учесть, что данные понятия не статичны, а, напротив, динамичны настолько, насколько их значения способны развиваться и изменяться по мере развития самого общества [9: 12].

Согласно мнению Суда, личная (частная) жизнь — это емкая категория, которой невозможно дать исчерпывающего определения. Очевидно, что данная категория шире, чем непосредственно личная сфера, в которой лицо полностью независимо от внешнего мира. Так, по делу Нимитц против Германии от 16 декабря 1992 г. Суд не счел возможным дать исчерпывающее определение понятия «частная жизнь», однако пришел к выводу, что нельзя ограничивать частную жизнь только интимным кругом, где каждый может жить так, как он хочет, и тем самым полностью исключать внешний мир. Уважение частной жизни до некоторой степени включает и право устанавливать и развивать отношения с другими людьми (п. 29) [3: 79].

Другие органы Совета Европы предлагали собственную трактовку содержания понятия «частная жизнь». Одним из наиболее удачных нам видится подход, предложенный в Резолюции Консультативной Ассамблеи № 428 (1970) «О средствах массовой информации и правах человека», являющейся обязательной к применению в Российской Федерации [14]. Согласно данному подходу, право на частную жизнь понимается как право жить собственной жизнью при наличии минимального воздействия извне. Оно охватывает частную, семейную и домашнюю жизнь, физическую и моральную неприкосновенность, достоинство

и репутацию, а также предполагает уклонение от представления лица в ложном свете, нераскрытие незначительных или смущающих фактов, запрет опубликования частных фотографий без соответствующего разрешения, защиту от раскрытия информации, полученной или предоставленной на условиях конфиденциальности [3: 79].

В то же время для целей нашего исследования недостаточно такого подхода, в связи с чем мы постараемся более точно определить понятие «личной жизни», содержащееся в ст. 8 Европейской Конвенции, как наиболее часто вызывающее трудности в связи с возникновением угрозы национальной и/или международной безопасности.

Личная жизнь включает взаимоотношения, которые не охватываются понятием «семейная жизнь», но тем не менее могут претендовать на защиту по ст. 8 Конвенции. К таким взаимоотношениям могут быть отнесены взаимоотношения между людьми, которые еще не вступили в брак; взаимоотношения между гомосексуалистами и их партнерами [9: 14].

Понятие «личная жизнь» охватывает и сексуальные отношения (дело Даджен против Соединенного Королевства) [9: 14]. Однако в деле Ласки, Джагард и Браун против Соединенного Королевства Суд сделал некоторые оговорки относительно возможности распространения защиты, обеспечиваемой по ст. 8, на действия сексуального характера, в которые вовлекается значительное число людей и где используются специально оборудованные помещения, привлекаются новые члены, производится видеозапись, а видеоматериалы впоследствии распространяются среди участников подобных оргий [9: 14].

Понятие «личная жизнь» также распространяется и на профессиональные взаимоотношения (дела Нимитц против Германии, Бургхац против Швейцарии, Хэлфорд против Соединенного Королевства) [9: 15–16; 3: 134].

Чаще всего на ст. 8 ссылаются, когда речь идет о распространении информации и с первого взгляда можно сделать неправильный вывод о том, что именно она защищается данной статьей. Тем не менее помимо информации право на уважение частной жизни включает в себя и право осуществлять выбор в личной сфере.

Одно из наиболее ярких дел, иллюстрирующих вышесказанное, рассматривалось ЕСПЧ 20 марта 2007 г. Заявитель Алиция Тысёнц обратилась с жалобой против Польши на нарушение положений ст. 8 Европейской Конвенции. Фактическая сторона дела в следующем: в Польше проведение аборт разрешено лишь при наличии определенных обстоятельств. Заявительнице отказали в проведении аборта, несмотря на наличие справки о том, что беременность в случае

Алиции Тысёнец может вызвать тяжелые осложнения ее зрения. В результате родов зрение заявительницы ухудшилось до -24 диоптрии, и ей дали первую группу инвалидности [4: 183].

Суд установил, что если в национальном законодательстве было принято ввести возможность проведения аборта в случае определенных обстоятельств, то, по существу, нельзя ограничивать такую возможность [4: 184].

Чтобы проиллюстрировать обширную сферу, охраняемую ст. 8 Европейской Конвенции, приведем ряд дел.

В деле Макгинли и Иган против Соединенного Королевства (решение от 9 июня 1998 г.) Суд установил положительные обязательства для государства, неотъемлемые от подлинного уважения личной и семейной жизни [11]. Так, в рамках данного дела рассматривался отказ Министерства обороны предоставить заявителям какие-либо медицинские документы, связанные с проведением испытаний ядерного оружия, повлекших вред здоровью заявителей. В п. 98 своего решения Суд указал, что непредоставление документов заявителям не свидетельствует о том, что Соединенное Королевство вмешалось в личную жизнь, в то же время, хотя ст. 8 Европейской Конвенции и направлена на защиту личности от произвольного вмешательства государственных органов, она не просто обязывает государство воздерживаться от такого вмешательства, но может означать и положительные обязательства для государства, неотъемлемые от подлинного уважения личной и семейной жизни. Чтобы определить, возникают ли у государства такие обязательства, Суд сопоставляет интересы общества и интересы конкретной личности. Таким образом, он пришел к выводу, что в данном случае действительно имело место нарушение права на уважение личной жизни, так как заявители обладали обоснованным интересом в получении документов.

В решении от 16 сентября 1996 г. по делу Акдивар против Турции Суд признал нарушением ст. 8 Конвенции действия властей Турции по поджогу и разрушению домов курдов и принудительному выселению людей [16: 33].

Таким образом, частная жизнь является сложной, обширной категорией. При этом статичное определение понятию «частная жизнь» не может дать ни наука, ни Суд при разрешении споров по ст. 8 Европейской Конвенции. Суд толкует понятие «частная жизнь» *ad hoc*, чтобы учесть степень развития общества в целом и государства-ответчика в частности. При этом, безусловно, понятие «частная жизнь» распространяется не только на интимную сферу, но и на сферу, в которой человек устанавливает отношения с другими людьми.

В российской правовой науке право на неприкосновенность частной жизни понимается в узком и широком смысле. В узком смысле под неприкосновенностью частной жизни понимают субъективное право лица², в широком — принцип взаимодействия между индивидом и государством [17: 12].

В качестве принципа неприкосновенность частной жизни представляет собой обеспеченные мерами государственного и иного воздействия фундаментальное, общеобязательное и универсальное требование ко всем субъектам не вмешиваться в сферу частной жизнедеятельности человека, кроме случаев, специально предусмотренных законом [8: 183].

Г.Б. Романовский под частной жизнью понимает такие стороны внутренней жизни гражданина и сферы общения, которые сознательно им сохраняются в тайне от иных субъектов и подлежат безусловной защите в демократическом государстве как в случаях, прямо предусмотренных в законе, так и в иных случаях и тех пределах, которые вытекают из существа данного блага [13]. Такое определение вносит положительный элемент в толкование права на неприкосновенность частной жизни, поскольку распространяет неприкосновенность частной жизни в том числе на случаи, не перечисленные в законе.

Одним из наиболее полных мы считаем определение И.Л. Петрухина. Он характеризует неприкосновенность частной жизни как право на жизнедеятельность человека в особой сфере семейных, бытовых, личных, интимных отношений, не подлежащих контролю со стороны государства, общественных организаций и граждан, включающее свободу вступления в контакты с другими людьми или воздержания от таких контактов, свободу высказываний и правомерных поступков вне сферы служебных отношений, тайну жилища, дневников, других личных записей, переписки и иных сообщений, тайну усвоения и профессиональную тайну [8: 182].

Из данного определения можно выделить следующие признаки частной жизни:

1. Частная жизнь не сводима к личной и включает в себя взаимоотношения с другими людьми.

2. Это не любые взаимоотношения, а лишь находящиеся в определенных сферах (семейные, бытовые, личные, интимные отношения).

3. Включает в себя свободу действий либо бездействий.

4. Такие действия либо бездействия должны быть правомерными.

5. Включает в себя разные виды тайн.

² В российской юридической науке данное нематериальное благо нередко отождествляется с правом.

Также, возвращаясь к определению Г.Б. Романовского, стоит добавить шестой признак:

6. Защищается даже в непредусмотренных законом случаях.

7. Кроме того, следует отметить, что право на неприкосновенность частной жизни принадлежит только индивиду. Так, юридическое лицо не может иметь своей частной жизни, поскольку цель его создания – экономическая либо иная «внешняя» деятельность [13: 46].

Право на частную жизнь закреплено в ст. 23 Конституции РФ. При этом термин «неприкосновенность частной жизни» в Конституции РФ 1993 г. сменил предшествующий ему термин «неприкосновенность личной жизни», употребленный в Конституции СССР 1977 г. Многие исследователи объясняют это тем, что в русском языке понятие «частная жизнь» шире, чем «личная», и помимо последней включает в себя всю область человеческого поведения, не затрагивающего публичный интерес, в пределах которой человек вправе осуществлять свободу выбора [8: 179].

Кроме права на неприкосновенность частной жизни в ст. 23 Конституции РФ закреплены такие права, как «право на личную и семейную тайну», «право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений». При этом закрепление данных правомочий в таком виде по своей сути разводит их, что представляется нам неверным, поскольку все эти понятия в некоторой степени пересекаются. Н.С. Измайлова в своей статье объясняет такой подход законодателя стремлением охватить наиболее полный круг прав путем их перечисления [8: 181]. Хотелось бы также отметить, что, в отличие от Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в Конституции РФ разведены такие понятия, как «право на неприкосновенность частной жизни» и «право на защиту информации о частной жизни лица», закрепленное в ст. 24 Конституции РФ.

С одной стороны, такой подход дает понимание того, что право на неприкосновенность частной жизни не сводится лишь к информации о ней. С другой – если мы обратимся к Гражданскому кодексу РФ (далее – ГК РФ), то увидим, что единообразного применения терминов в России в сфере неприкосновенности частной жизни не сложилось.

Так, «неприкосновенность частной жизни» названа в числе нематериальных благ (ст. 150 ГК РФ), а также охраняется отдельной статьей – ст. 152.2 ГК РФ.

Данная статья запрещает сбор, хранение, распространение и использование любой информации о частной жизни гражданина,

включая сведения о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни без согласия этого гражданина. Как видим, ст. 152.2 ГК РФ не охраняет непосредственно частную жизнь, распространяется лишь на информацию о ней. Таким образом, в законодательстве Российской Федерации складывается ситуация разного применения терминов. Если по Конституции неприкосновенность частной жизни защищается отдельно от информации о частной жизни, то в ГК РФ охрана частной жизни, напротив, сводится к охране информации о ней.

Тем не менее само по себе введение в ГК РФ статьи «Охрана частной жизни гражданина» (Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ) [15] стало положительным новшеством, так как в российском законодательстве появилась более четкая регламентация хотя бы одной грани частной жизни (а именно охраны информации о ней). Однако, на наш взгляд, статью стоило бы назвать иначе, чтобы не вносить путаницу в правовое регулирование, или же дополнить положениями о том, что неприкосновенность частной жизни не сводима к защите информации о ней.

Само по себе российское правовое регулирование соответствует Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и тем не менее Российская Федерация является очень частым ответчиком в ЕСПЧ именно по ст. 8 Европейской Конвенции и зачастую проигрывает дела апеллянтам. Объяснить это можно совокупностью двух причин:

1. Отсутствие специальных законов, которые определяют пределы охраны неприкосновенности частной жизни (особенно те ее стороны, которые представляют саму частную жизнь, а не информацию о ней).

2. Отсутствие практики применения ст. 23 Конституции.

В совокупности две эти проблемы ведут к правовой неопределенности в сфере частной жизни и вызывают трудности защиты права на неприкосновенность частной жизни по российскому законодательству. Так, в странах англосаксонской правовой семьи отсутствие законодательства компенсируется обширной судебной практикой. В России же нет ни четкого структурированного законодательства о неприкосновенности частной жизни, ни правоприменительной практики.

Подтверждает это своего рода прецедентный случай, произошедший в 2003 г. Тогда Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации был вынужден обратиться с иском о защите права на уважение частной и семейной жизни гражданина, сославшись при этом не на соответствующую норму Конституции, а на ст. 8

Европейской Конвенции. В результате понятие «семейная жизнь» было истолковано в контексте решений Европейского суда по правам человека [16: 35]. В данном деле Уполномоченный по правам человека защищал права родителей, чей сын был незаконно заключен под стражу. Насильственная разлука с сыном в течение трех месяцев вследствие незаконного ареста последнего нарушила личное неимущественное право родителей на уважение семейной жизни. Исковые требования Уполномоченного по правам человека были удовлетворены [6].

Казалось бы, в данной ситуации можно было сослаться на ст. 23 Конституции, не прибегая к Европейской Конвенции. Однако при применении Конституции обязанность суда учитывать решения ЕСПЧ ничем не установлена, в то время как в соответствии с п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» применение Европейской Конвенции должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ [12].

Анализируя место права на неприкосновенность частной жизни в российской правовой системе, следует также отметить, что практика применения положений о неприкосновенности частной жизни в России крайне скудна и сводится преимущественно к защите информации о частной жизни [2: 20].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В российском законодательстве отсутствует определение частной жизни. Так, на данный момент «неприкосновенность частной жизни» указана в числе прав в Конституции и ГК среди других прав, которые по своей сути пересекаются с частной жизнью.

2. Статья 152 ГК РФ, охраняющая неприкосновенность частной жизни, по сути, защищает лишь информацию о частной жизни, что противоречит положениям Европейской Конвенции. Кроме того, положения Проекта противоречат ей и в части ограничения права на неприкосновенность частной жизни.

3. В Европейской Конвенции частная жизнь не определяется. Тем не менее в практике Европейского суда по правам человека дается широкий подход к толкованию понятия «частная жизнь». Так, она не ограничивается сугубо личной жизнью, но и включает взаимоотношения с другими людьми. Также широко понимается Европейским судом и понятие «семейная жизнь».

4. Сама по себе Конституция РФ практически не уступает Европейской Конвенции. Однако в Российской Федерации практически

отсутствует практика по данному явлению. В связи с этим определение частной жизни не дается не только в законодательстве, но и в судебной практике.

5. Урегулировать «частную жизнь» полностью на законодательном уровне не представляется возможным. Частичное регулирование «частной жизни» является положительным применительно к особенностям правовой системы России. Однако, на наш взгляд, стоило бы ввести отсылочную норму, которая бы регулировала часть отношений, охраняемых по норме о неприкосновенности частной жизни, но допускала бы возможность существования и иных отношений и отсылала за их регламентацией к ст. 8 Конвенции и решениям ЕСПЧ по данной статье.

Настоящее исследование неприкосновенности частной жизни нельзя назвать исчерпывающим. Так, в рамках данной работы не рассматривалось ограничение права на неприкосновенность частной жизни как самостоятельный объект исследования.

Также стоит оговориться, что само понятие «частная жизнь» не является статичным по решениям ЕСПЧ. В связи с этим данная работа не содержит окончательного определения частной жизни, но лишь дает наиболее общий подход Европейского суда к ее пониманию.

Источники

1. Акдивар (Akdivar) и другие против Турции: Судебное решение от 16 сентября 1996 г. // Европейская Конвенция о защите прав человека: право и практика. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461451/2461451.htm> (дата обращения: 16.04.2016).

2. *Арапова Г.Ю., Ледовских М.А.* Судебная защита частной жизни: развитие судебной практики // Правовой путеводитель: MASS MEDIA. 2007. № 4. С. 19–26.

3. *Владимирова И.А., Туманова Л.В.* Защита семейных прав в Европейском суде по правам человека. М.: Городец, 2007.

4. Выигранное дело Алиции Тысёнц / Сост. Д. Пудзяновская, А. Боднар // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1. С. 183–184.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2003 году // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2004/07/29/a33665.html> (дата обращения: 16.04.2016).

7. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (с изм. от 11 мая 1994 г.) // Европейская Конвенция о защите прав человека: право и практика. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-002.htm> (дата обращения: 16.04.2016).

8. *Измайлова Н.С.* Неприкосновенность частной жизни в англо-американской и российской правовых доктринах // Московский журнал международного права. 2008. № 1. С. 177–185.

9. *Килкэли У., Чефранова Е.А.* Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод: прецеденты и комментарии. М.: Российская академия правосудия, 2001.

10. Конституция РФ от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // СПС Консультант плюс.

11. Макгинли (Mcginley) и Иган (Egan) против Соединенного Королевства: Судебное решение от 9 июня 1998 г. // Европейская Конвенция о защите прав человека: право и практика. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461487/2461487.htm> (дата обращения: 16.04.2016).

12. Постановление Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Право Ru. Справочно-правовая система. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/17125> (дата обращения: 16.04.2016).

13. *Романовский Г.Б.* Право на неприкосновенность частной жизни. М.: МЗ-Пресс, 2001.

14. Указ Президента «О гарантиях информационной стабильности и требованиях к телерадиовещанию» от 20.03.1993 № 377 (в ред. Указа Президента РФ от 23.02.1996 № 274) // Российский правовой портал. URL: <http://zakon.law7.ru/base29/d2ru0826.htm> (дата обращения: 16.04.2016).

15. Федеральный закон «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ (в посл. ред.) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

16. *Хужокова И.М.* Право на неприкосновенность частной жизни в системе прав человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2. С. 32–36.

17. *Хужокова И.М.* Реализация права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации. СПб.: Реноме, 2006.

Борьба с государством: забытые люди и возбужденная толпа

Аннотация

В этой стране нет человечности. Здесь каждый решает свою проблему. Закончился короткий и неглубокий, как выгребная яма, XX в., но в этой стране, которую мы, нравственно дистанцируясь, называем нашей, еще не установлен предел невмешательства государства в дела личности и личность еще не научилась защищать себя от авторитетов толпы. Привычный ей язык, ее речевой облик разрушают, как прежде, и социальные связи. В попытке защищать себя мы перешли границу XXI в. Сегодня еще острее необходимость соединения людей свободных, не отягощенных дремотой, в локальные группы (а групп – в сетевое сообщество) для защиты своих прав и для равного диалога и с государством, и с толпой. Неудавшиеся попытки прямой и представительной демократии побудили искать новый путь, и им стала новая по технологиям и способу коммуникации электронная, или облачная, демократия.

Abstract

During the whole twenties century the main problem of civil societies around the world was the question – how protect themselves from the power of autocratic regime giving a support directly to each human personality in her dialogue with the power and in opposition to influence of mass. The answers was found in a coherence action through the network of local groups (now we can say the social network) and in the real status of each member protected by international law, and the media attention. The next logical step is developing the mechanism of an electronical democracy. This essay was written in a continuation of the discussion about this term.

Четвертая свобода президента Рузвельта – свобода от страха – оказалась несбыточной мечтой, как приглашение на Марс для молодых героев из рассказов Берестова (но не для Илона Маска).

¹ Каплан Даниил (daniilkaplan@gmail.com) – магистрант университета Гриффита (г. Брисбен, Австралия).

Суверенитет миллионов людей подорван теми, кто вырос с автоматом на коленях и пришел умирать. На международной повестке дня: беженцы, заложники, теракт и... новая холодная война, — Россия на этом фоне сама выглядит угрозой, оставляя и первые три президентские свободы в стороне от реальной жизни своих граждан, нарушая их индивидуальный суверенитет; и у людей, несогласных терпеть это, — нет статуса и нет защиты. Европейскому сообществу, если оно пожелает исправить ситуацию, следует помнить о двух смертях: Александра Долматова (в 2013-м) и Вадима Колесникова (в прошедшем году). Людям в оппозиции к режиму, тем людям, что не вписываются в 86%², нужен статус и нужна защита, иначе при негативном сценарии им может понадобиться «нансеновский паспорт». Предупреждение: в работе используется аргументация метафор, не свойственная научной статье, и личные наблюдения автора.

1. Солидарность и принудительное единство

*Народ за Путина, и юная жена
Меня, похоже, разлюбила.*

Дм. Веденяпин. Варшавская элегия

О настроениях внутри России человеку наблюдательному и информированному говорить нет необходимости — достаточно выбрать подходящий эпиграф (надеюсь, мне это удалось). Другое дело, европейская политика как в отношении России (и ее «соотечественников за рубежом»), так и в связи с теми ценностями, которые у нас в федеральных СМИ пренебрежительно называют европейскими, — здесь много неясного даже для человека искушенного.

По мнению экспертов³, политика ЕС непоследовательна — «ослабили давление» — отсутствует единая стратегия. Германия не считает Россию угрозой в той мере, в какой это видится Чехии, Польше и Прибалтийским странам; те, в свою очередь, неохотно принимают беженцев с Востока. Наднациональная политика входит в конфликт с политикой национальных государств, а экономические проблемы вызывают большую обеспокоенность, чем то, что мы называем европейскими ценностями (у евроскептиков в ходу слово «сервильность»).

² Каплан Д. Стереотипы нефтяной стабильности и сухая статистика. URL: <http://mobi.novuyimirjournal.ru/index.php/blogs/entry/stereotipy-neftyanoj-stabilnosti-i-sukhaya-statistika>.

³ Иноземцев В. Какие ошибки за последние четверть века допустили Европа и Россия — и можно ли их исправить // Новая газета № 119 от 28.10.2015. URL.: <http://www.novayagazeta.ru/comments/70496.html>.

Следует сразу оговориться: речь идет не об «ориентированности на Америку» в ущерб национальной государственности и не о чужеродных (или потребительских) ценностях, но о правах человека (Human Rights⁴), — еще точнее, о правовом статусе личности, в основе которого «принцип невмешательства» — индивидуальный суверенитет, закрепленный во всех демократических конституциях, включая Россию и Сирию. У революций на Ближнем Востоке и в бывших советских республиках — общие корни — пренебрежение этим суверенитетом в интересах режима; и общие хронологические рамки — потерянное столетие.

Европейское сообщество (обойдем слово «союз»), сформировавшаяся в ходе торгово-экономического партнерства, но (как идея, альтернативная национал-социализму, и как политическая программа) существующее в тех же временных границах⁵, по духу предусматривает, что государство — союзник человека в его отношениях с внешним миром; а в основе этих отношений — нормы права и идеалы Просвещения (или, как сказал Е. Чичваркин на совместной пресс-конференции с М.Б. Ходорковским, «нормальные гуманитарные ценности»). В России это не так.

Доставшаяся в наследство от Советского Союза наша государственность (и авторитарная личность⁶) не смогла преодолеть скрытую в себе тиранию, и интересы политического режима сложились в авторитарную структуру, продолжающую выталкивать людей в эмиграцию, где уже существует многочисленная, но индифферентная и плохо организованная диаспора, в которой идут обратные процессы (восстановления своих «национальных корней»⁷), и «за» голосуют 70%.

В 1997-м известный идеолог геополитики З. Бжезинский опубликовал свой труд «Великая шахматная доска» где надеялся видеть

⁴ Human Rights Watch, report' 15. URL: <https://www.hrw.org/ru/world-report/2015/country-chapters/268203>. Новый омбудсмен России назвал права человека «орудием шантажа». По существу, риторика действующего режима давно требует аналитических исследований. Это очень актуальная для современной России книга.

⁵ Движение «Панъевропейский союз», основанное графом Куденхофе-Калерги в 1923–1926 гг.

⁶ Понятие «авторитарная личность» используется в соответствии с концепцией Т. Адорно. Христианский гуманизм — «перед лицом Б-га меньшинство имеет равные права с большинством». Советский гуманизм, подменяя икону, ставит целью исправление (воспитание) личности посредством коллектива.

⁷ Им, конечно, хочется видеть русское поле, но на деле — это бетонная клумба Советского Союза.

постимперскую Россию ориентированной на Европу⁸, *ассимилированной*, а Европу – единой (и считал это *делом самих европейцев, особенно французов и немцев*⁹). И полагал, что от провала или успеха такой политики будет зависеть и роль России – позитивная или негативная. Развитие нашей страны, со всей очевидностью, пошло по второму пути, и то, что случилось в 1999-м, стало следствием неучастия России в процессах евроинтеграции начала 1990-х. Один из первых законов новой власти в 1999-м (№ 99-ФЗ «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом») дал в руки режиму огромный ресурс – неоформленную, неадаптированную часть русской эмиграции.

Старые институты, доставшиеся ей в наследство от двух первых волн, устарели. Новые появиться не могли (без международной поддержки) или носили характер частной инициативы; но тоска по социальному оптимизму и коллективная депрессия (описанная Довлатовым диванная и духовная тоска) жили в не перешедших на новый язык и новую коммуникативную основу людях. «Загадочный религиозный деятель Лемкус» пришлось, что называется, ко двору со своей «духовной дипломатией» – не получился из него пастор Шлаг.

Еще до заявлений «оперуполномоченного по правам человека» и «лидера партии и народа» о защите интересов русских за рубежом на языке дипломатии (не лишенном старых советских штампов) русские в эмиграции назывались «потенциальными помощниками России». Выступления русских диаспор (неплохо организованные!) в поддержку Путина (!) за рубежом стали кульминацией активной российской и пассивной евроинтегрирующей политики в отношении русских, проживающих вне границ своей языковой и культурной среды (а это около 30 млн человек).

Подобные акты гражданской поддержки «своего правительства» прошли почти во всех странах, где исторически сложились крепкие русские комьюнити¹⁰: США, Германия, Чешская Республика,

⁸ Бжезинский З. «Великая шахматная доска». С. 237.

⁹ Но именно в этих странах отмечается рост влияния крайне правых партий и настроений (IMR, 2016).

¹⁰ Термин «община» мог бы быть заменен на *community* или «сообщество русскоговорящих», поскольку центропритягательной силой, объединяющей людей, является язык. Однако влияние культурных традиций в эмиграции слабеет медленно, и потому определение «община» (или, точнее, «национальная община») все еще верно, хотя границы ее влияния определить достаточно сложно. См.: *Каплан Д. Доверие в среде русской эмиграции: на примере общины Брисбена, штат Квинсленд, Австралия // Доверие: Сборник работ участников 15-го конкурса молодых ученых и студентов «Галатеея» / Под ред. В.М. Воронкова. СПб.: Норма, 2014. С. 93.*

Австралия, — такие непохожие по своей политической культуре (и разнообразные по структуре эмиграционных волн) диаспоры оказались едины в своей политической оценке и в отношении аннексии Крыма и в целом, по существу политики, проводимой Президентом Путиным последние пятнадцать лет. Наблюдая жизнь русских в Австралии, я вывел для себя ряд закономерностей:

— главным, что объединяет людей в комьюнити, является язык (в сравнении: для тюрских народов — это общее культурное родство, а для мощной украинской диаспоры — чувство гражданственности — статус гражданина, *nationality*);

— недоверительное отношение к носителю языка, сам язык становится «объединяющим фактором»¹¹, и именно запрет русского языка в восточных областях Украины вызвал в 2014 г. широкую волну протестов.

Вместе монолингвистичность и скрытые в языке психологические установки советского (авторитарного) мышления определяют его замкнутость, а ослабление роли языка воспринимается как денационализация¹². Слишком долго язык выступал в качестве идеологической оболочки, и прорвать ее может только восстановление естественных между людьми горизонтальных связей и их персонализация.

В эмигрантской среде (комьюнити) заметны два типа групп по характеру:

— «одиночки», обычно собираются вместе для игр или клубного общения или не собираются вообще; комьюнити для них — возможность разнообразить свой досуг: «дружить на том единственном основании, что у вас общий язык, — затея странная»¹³.

— «общественники», склонны развернуть общественную деятельность (воскресные школы, книжные ярмарки) и во всем этом выделить сверхидею (сохраним русский язык, спасем книгу), — со стороны это выглядит потребностью в толпе, где язык был бы, как шумы в радиоэфире; изнутри — «единение».

¹¹ Дискуссии вокруг этой темы обострились с начала 2000-х (образ России, культурная дипломатия), в ряде университетов прошли круглые столы. См., напр.: *Марченко О.И.* Язык как власть (2000).

¹² Исследование востоковеда М.А. Батунского «Россия и Ислам» показывает, что кризис образованного языка (просвещенного, «воспринявшего европейский понятийный аппарат») является определяющим и в цивилизационном кризисе мусульманского мира. Ю.М. Лотман («Слово и язык в культуре просвещения») называет «образованность» языка «улучшением». Следуя той же логике, о проблеме языка в своей нобелевской речи говорил Иосиф Бродский: «Речь идет не об образовании, а об образовании речи...» Ортега-и-Гассет прямо называет идеи «словесными аппетитами».

¹³ Блог эмигранта. URL: <http://costaspain.net/trudnye-situacii-f71/uzhasnye-uzhasyeh-migracii-t3089.html>.

Существование каждой такой группы локально, а получение информации отличается моноканальностью (как назвал это В.В. Познер¹⁴, рекламируя «Дождь», «одноканальное видение»), — одни застревают в социальных сетях внутри ближнего круга, другие, желая сохранить язык, подключают российское телевидение, включаются в общественную деятельность и становятся заложниками «норм», вывернутых наизнанку, и целого столетия, прожитого «наоборот»...

Такую информационную воронку следует назвать принуждением к единству.

2. Ненависть как инструмент политики

*Во всех странах есть фашистские тенденции —
это своего рода скрытая тирания.*
Роберт Мензис. «Свобода слова и выражения»

Как говорил герой романа Айн Рэнд¹⁵: я никогда не буду жить ради другого, но и сам не попрошу никого жить ради меня. Девиз красив, циничен и, как показывает социальная статистика, не точен даже для США, не говоря о Европе. По данным *Eurostat*¹⁶, около 20 млн европейцев живут на грани бедности и социальной изоляции, постоянно растет число живущих за счет государства (*welfare*), в надежде на заработок люди тянутся в мегаполисы, с расширением городской инфраструктуры стоимость удовлетворения основных потребностей растет¹⁷. Государство становится гарантом качества жизни, а ее инвестором — налогоплательщик. Перефразируя хрущевский комплимент в адрес Швеции, можно сказать, что Европа вынуждена идти по пути социализма.

Если говорить точнее — социального конформизма.

В таком ключе становится яснее приоритет национальной политики и понятнее успех националистов в Европе — они спешат дать гарантии (не заботясь об их исполнении). Националисты — еще одни помощники России во внешней политике (вспоминается скандаль-

¹⁴ Сам В.В. Познер немало способствовал этой «одноканальности» мышления, не только работая в инновещании, но и делая «более понятными» такие фигуры, как байкер Залдостанов и не менее фейковый политик Жириновский.

¹⁵ Каплан Д. Разговор с достаточным количеством конкретики. URL: <http://mobi.novumirjournal.ru/index.php/mblogs/entry/razgovor-s-dostatochnym-kolichestvom-konkretiki>.

¹⁶ Eurostat “People at risk of poverty or social exclusion” (December, 2015). URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/People_at_risk_of_poverty_or_social_exclusion.

¹⁷ The World Bank (2015). URL: <http://data.worldbank.org/topic/urban-development>.

ный конгресс в Санкт-Петербурге). Страшно звучит определение *Massenmensch*, но его влияние в мире крепнет, и имя ему – толпа – средний человек. Пятигорский бы сказал: тот человек, «который сам себя не понимает»... и возмущение масс не перестало быть *для человечества серьезной проблемой*¹⁸.

Я хорошо помню день, когда по всем австралийским СМИ прошла информация о сбитом над Украиной боинге: я сидел в брисбенском кампусе и работал над какой-то статьей, подобной той, что Вы держите в руках. В зоне для курения толпилась группа ребят, с которыми мне довелось учиться к тому моменту уже два семестра, и, когда я вышел к ним, тот, что знал меня лучше других, спросил: «Ну, и чьих это рук дело?.. Наверное, американцев?» (Я, конечно, сразу понял, что моих.) Метью Лайт, исследователь феномена политически мотивированного насилия и автор сравнительной характеристики Сталина и Саддама Хусейна, дал лучшую аргументацию того, что главная опасность насилия в потере контроля над ним. Я же ограничиваюсь скромным, но глубоко личным переживанием.

«Ненависть как инструмент политики» – так называлось эссе 12-го премьера Австралии сэра Роберта Мензиса, озвученное им по австралийскому радио в 1942 г. Выступая тогда, в самый разгар войны, сэр Р. Мензис (находясь в тот момент в оппозиции к правящей партии) назвал подобную политику горестной и губительной. И то, что происходит сейчас в нас, говоря языком сэра Мензиса, – уже «хроническое состояние ума», которое можно преодолеть только через очищение и прозрачность связей между людьми от «идейной направленно-сти, в которой скрыта ненависть»¹⁹.

Сегодня мы можем видеть, как верны были опасения австралийского премьера: *«Если эта война со всеми ее трагическими плодами засядет глубоко в нас и закрепит дух ненависти, тогда мир, когда он наступит, будет лишь прелюдией к катастрофе – и конец всему»*²⁰... Наше 9 мая – горестная иллюстрация²¹ такой политики. Цель ее – вызвать апатию одних и агрессивную реакцию других: *«не то чтобы*

¹⁸ Для тех стран, где, как в России, безликая масса, найдя в себе лидера, некоего Фрица Гейгера, взяла власть, проблема обернулась катастрофой. «Патология стала нормой» (С. Юрский).

¹⁹ Выражение Т. Адорно («Исследование авторитарной личности»).

²⁰ Текст эссе сэра Роберта Мензиса в переводе автора данной статьи.

²¹ Известный историк Ю.С. Пивоваров отводит этой войне ключевую роль («на маршруте “Гражданская война – Гражданское общество”», считая Отечественную – «началом конца Гражданской»). Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое (2015). С. 101.

я за русские танки, но быть в России за евромайдан — тупая подлость»²², — под комментарием ссылка на ужасы и название поста «Это написал мой друг»... Вымышленный друг с историей о распятом мальчишке.

Власть в России маргинальна потому, что ориентируется на маргиналов (их строгая логика): «Хорошо, пусть будут мощные правые и левые, но как определить, кто из них искренне работает о благополучии граждан, а кто идет для собственной выгоды, для “просто потолкаться”, попиариться? И что из этого получится? А вот с одной партией, одной идеей... я бы согласилась, как бы это абсурдно ни звучало». И эту логику, действительно абсурдную, говоря языком Тютчева, поддерживают холодные друзья самовластья («идеология культуры», «необходимо сменить культурную элиту страны»). Сложные времена — актуальность Стругацких приближается к ста процентам. Каждый уже готов получить свое Великое задание.

...чтобы преодолеть это — нужна мощная волна правды (а не только «лейбл»).

Примерно, с 2010 г. все самое успешное строится на двух опорах: волонтерские движения и социальные сети, а их влияние определяется контекстом социальной среды (насколько она агрессивна или безучастна), умением работать с эмоциями в группах и сообществах²³, преодолевать одни и те же аргументы²⁴ и, наконец, способностью организовать открытую платформу для общения. С 2010 г. «самая быстрорастущая платформа социального действия» *Change.org* сфокусировалась на гражданских акциях и петициях. Под впечатлением от лекции профессора Эбена Моглена «Свобода в облаке» в том же году группой студентов была создана децентрализованная социальная сеть *Diaspora*²⁵, а в России командой А. Навального запущен публичное пространство проект «облачной демократии»²⁶;

...а «Волна Перемен» набрала только 8000 избирателей (планировалось сто).

Электронная демократия против «железного закона олигархии» — это, по существу, выбор ближайшего будущего. Биз Стоун, креативный директор *Twitter*, писал в своем бестселлере: «Люди будут

²² Каплан Д. Фейсбук друга моего друга — Миколы Хутормина. URL: <http://mobi.povumirjournal.ru/index.php/blogs/entry/fejsbuk-druga-moego-druga-mikoly-khutormina>.

²³ Хиз Ч. и Хиз Д. «Ловушки мышления».

²⁴ Суни Р.Г. Аффективные сообщества: структура государства и нации в Российской империи.

²⁵ URL: <https://diasporafoundation.org/>.

²⁶ Волков Л., Крашенинников Ф. Облачная демократия, 2-е изд. (2013). URL: <http://democratia2.ru/>.

использовать твиттер для свержения деспотических режимов»²⁷... Но во имя чего? Этот вопрос остается открытым, так что идеалы демократии могут обернуться вторым коммунистическим интернационалом или строительством русского/исламского мира. Администраторы *Diaspora* уже заявили, что данная сеть используется и первыми, и вторыми, и третьими, а контролировать стихийное развитие этого свободного «облака» могут только спецслужбы (и в виртуальную реальность входят все те же проблемы), но его идеалы — *индивидуальность, прозрачность, творчество и судьба*.

Буквально те ценности, которые отстаивает международное право (и последовательно диссидентский Меморандум-70, Хартия-77, Хартия-08, подписанная диссидентами КНР, и даже современная сирийская конституция). «Принудительному единству» советские диссиденты еще до программистов электронной демократии противопоставляли «принудительную честность»²⁸ — отказ от анонимности в пользу статуса, имеющего международную защиту, любое нарушение которого находит отклик в сетевом сообществе, а информация об этом может быть подхвачена СМИ. Пример подобного статуса и механизмов защиты дает нам история Хельсинкских соглашений или современные процессы легализации сирийских беженцев. Роль сетевых комьюнити особенно высоко оценивают правозащитные организации (*Amnesty*, 2014/2015). Наконец, входя в такой круг или облако социальных связей, я чувствую себя увереннее у дверей библиотеки, когда налицо — чувство вины, а за спиной — обвинения в «тупой подлости».

И хотя в порядке вещей (у таких как трифоновский Ширейко) называть любой акт насилия со стороны режима (самого строящего свою политику на провокациях) провокацией, именно сетевая активность держит внимание общественности и первично фиксирует (документально) в таких случаях, как нападение на активистов, нарушение на выборах, преследование несогласных и т.д., вынуждая обычно репрессивный монолит власти реагировать уклончиво: глава «Мособлизбиркома» об избииении наблюдателя группой неизвестных вблизи избирательного участка, — «Их провоцировали»; нападавшие на музыкального директора Веры Полозковой, — «Нас спровоцировали» и т.п. *Беспринципность, как принцип...*

²⁷ Стоун Б. Решайся! Заряд на создание великого от основателя Twitter. (2015). С. 130.

²⁸ В своих воспоминаниях «И возвращается ветер» диссидент В. Буковский оценивает шансы на благополучный исход дела (тюремного срока или принудительного лечения) в зависимости от известности подсудимого и видит возможность спасения именно в отказе от анонимности. С точки зрения современных технологий см.: Волков Л., Крашенинников Ф., Облачная демократия. 2-е изд. (2013). С. 113.

Не «отсутствие» (как говорит Н.С. Михалков), а навязывание идеологии — национальная проблема России и вертикализация даже не власти, а человеческих взаимоотношений — главный вызов гражданскому обществу. Для европейца демонстрация с портретом президента на белой майке выглядит странно — я понимаю своего друга, он к этому не привык; так и нам важно видеть альтернативу, чтобы наша благородная белая лента не обернулась белоленточным безумием Фрица Гейгера из обреченного града. И та же Эстония не только строит стену на границе с Россией, но и проводит электронное голосование.

Активность в период выборов, как показывают данные экзетпюлов, в эмигрантской среде высока (96%), в отличие от традиционно низкой явки избирателей в самой России, но она резко идет на спад в промежутке между... как пишет в своем ЖЖ представительница русской диаспоры Австралии (наблюдатель от М.Д. Прохорова): *«Постепенно стараюсь отойти от политики. По крайней мере, интересоваться ею не в той мере, как раньше. Хочу направить свои силы в более результативное русло... но не отпускает пока... и нас таких много»*²⁹...

Девиз демократического движения, закрепленный историческим меморандумом³⁰: «Демократы! Объединяйтесь, боритесь, побеждайте!» — в настоящее время, как лет двадцать пять назад, актуален, только переходит в виртуальную плоскость, ставя целью перед Россией и международным сообществом защиту не русского³¹, но гражданского мира. Об этом прямо говорит в своей статье «Европейский выбор России» М.Б. Ходорковский: «горизонтальный альянс малых общественных групп» и «сетевое движение первичных структур гражданского общества» (11-й и 12-й пункты, которые имеют первостепенное значение).

Если говорить в исторической ретроспективе, перед российской политикой и гражданской общественностью этот вопрос ставил еще депутат первой Думы и один из основателей политической социологии в России Моисей Острогорский, говоря о преодолении партийного и институционального формализма через создание ассоциации (подлинную консолидацию граждан)³².

²⁹ Happy Natts. URL: <http://happy-natts.livejournal.com/>.

³⁰ 4-й пункт: «Руководство КПСС, узурпировавшее власть, по праву принадлежащую советам, тем самым лишило народ Советского Союза суверенитета». Меморандум демократического движения Верховному Совету СССР, 5 декабря 1970 г. «Посев», 1972. С. 41.

³¹ То же можно было бы сказать и об исламском мире, где политизирован фанатиками язык Корана.

³² *Острогорский М.* Демократия и политические партии. (1997).

Именно в интересах подобных инициатив работает сегодня сетевая солидарность, и против них в первую очередь направлена агрессия разного рода групп «Радикального возрождения» и деятельность Роскомнадзора: в прошедшем году в пропаганде обвинили активистку сетевого проекта «Дети 404»³³.

Иными словами, у «облачной демократии» или «горизонтального альянса», как его ни называй, по совокупности задач три цели:

- объединение блогосферы и СМИ с локальными малыми группами;

- возвращение (и включение) активных людей в политику (и их защита);

- образование или, используя выражение Ю.М. Лотмана, «улучшение» языка³⁴.

Власть в России маргинальна, а народ (если говорить такими возвышенными категориями) чудовищно беден. Чудовищная бедность – это не когда у человека совсем ничего нет. Чудовищная бедность – это когда у человека все-таки что-то есть, чтобы не выпасть из общества, но на фоне этого общества у него ничего нет. И общество не воспринимает его как человека состоявшегося; а я бы даже сказал – оно просто не воспринимает его как человека. Последнее слово здесь лишнее – оно просто не воспринимает его. И всё. Можно ставить точку.

О всеобщем разоружении говорили и последний русский царь (сорока годами ранее – в Гааге), и предсов мин Хрушев (через семь лет после войны – в Стокгольме). «Что? – иронизировал в ходе войны австралийский премьер Роберт Мензис. – Сам народ откажется от своей верховной власти?..» Да, демократия (всеобщее избирательное право) и всеобщее разоружения давно и тесно переплетены. Проблема Сирии и Украины – два трагических примера, две иллюстрации того, как важно государству (и международному сообществу) уважать суверенитет народа и человеческой личности, защищать его от диктатуры режима.

³³ Amnesty International. Доклад 2014–2015. «Права человека в современном мире». URL: <https://amnesty.org.ru/sites/default/files/amnesty-report-2014-RU.pdf>.

³⁴ Как писал в своих воспоминаниях «Фрагменты» Михаил Козаков: «Боже, сколько глупостей и гадостей до поры сидело в наших головах, причем все это насаждалось не только откровенно плохими людьми, – если бы так!»

Источники

1. *Каплан Д.* Стереотипы нефтяной стабильности и сухая статистика. URL: <http://mobi.novumirjournal.ru/index.php/blogs/entry/stereotypu-neftyanoj-stabilnosti-i-sukhaya-statistika>.
2. *Каплан Д.* Фейсбук друга моего друга – Миколы Хутормина. URL: <http://mobi.novumirjournal.ru/index.php/blogs/entry/fejsbuk-druga-moego-druga-mikoly-khutormina>.
3. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.
4. Блог эмигранта. URL: <http://costaspain.net/trudnye-situacii-f71/uzhasnye-uzhasy-ehmigracii-t3089.html>.
5. *Волков Л., Крашенинников Ф.* Облачная демократия. 2-е изд. М.; Екатеринбург: кабинетный ученый, 2013.
6. *Иноземцев В.* Какие ошибки за последние четверть века допустили Европа и Россия – и можно ли их исправить // Новая газета № 119 от 28.10.2015. URL: <http://www.novayagazeta.ru/comments/70496.html>.
7. Меморандум демократического движения Верховному Совету СССР, 5 декабря 1970 г. «Посев», 1972, с. 41.
8. *Мензис Р.* Эссе «Ненависть, как инструмент военной политики».
9. *Пивоваров Ю.С.* Русское настоящее и советское прошлое. М.; СПб.: Центр гуманитарных исследований, Университетская книга, 2014.
10. *Стоун Б.* Решайся! Заряд на создание великого от основателя Twitter (2015).
11. Amnesty International. Доклад 2014–2015. «Права человека в современном мире». URL: <https://amnesty.org.ru/sites/default/files/amnesty-report-2014-RU.pdf>.
12. Happy Natts. URL: <http://happy-natts.livejournal.com/>.
13. Human Rights Watch, Всемирный доклад – 2015: Евросоюз, события 2014 года. URL: <https://www.hrw.org/ru/world-report/2015/country-chapters/268203>.
14. *Polyakova A.* Putinism and the European Far Right, IMR (2016). URL: <http://imrussia.org/en/analysis/world/2500-putinism-and-the-european-far-right>.

Психологические последствия информационного стресса, вызванного террористическими актами

Аннотация

На рубеже XX в. терроризм из нечастых явлений стал повседневным и повсеместным. Он создает угрозу безопасности каждой страны и человечества в целом. Террористический акт является психотравмирующим событием как для пострадавших, так и для свидетелей, которые узнали о трагических событиях из СМИ. На данный момент наименее изученными психологическими последствиями террористических актов можно считать особенности психологического состояния у лиц, являющихся свидетелями, то есть косвенными жертвами происшествия. В настоящей работе представлены результаты исследования особенностей психологического состояния людей, оказавшихся свидетелями террористических актов в Волгограде в 2013 г. и на борту лайнера Airbus 321, где наиболее выраженным психотравмирующим фактором являлось освещение события в СМИ.

Abstract

The psychological impact of information stress caused by terrorist acts». At the turn of the 20th century from rare and infrequent actions terrorism has turned into a commonplace all-round phenomenon. Terrorism creates a threat to the safety of each country and to the humanity in the whole. As a result not only the actual victims and their relatives suffer from its consequences, but ordinary people who got to know about the tragical events through the mass media are also affected. In comprising with the mental implications of the actual victims, mental implications of, so called witnesses are less investigated. In addition, the most discernible psycho-traumatic factors for this group of “victims” ARE caused by the fact that these accidents were covered by the mass media. The research is based on the data of the terroristic actions in Volgograd in 2013 and on board Airbus 321.

¹ Леякова Ирина (miledi-15@inbox.ru) – студентка 5-го курса факультета психологии Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

В современном обществе усиление террористических угроз обусловлено обострением международных и внутренних политических конфликтов. Безопасность каждой страны и человечества в целом находится под большой угрозой, потому что трудно прогнозировать данное явление, приобретающее сегодня все более угрожающие масштабы и разнообразные формы.

Существуют разные аспекты исследования проблематики терроризма — философский, политический, социологический, психологический, идеологический, исторический, религиозный, правовой. Есть различные трактовки определения терроризма, поскольку данный феномен многогранен вследствие его связей с другими процессами и явлениями в современном обществе. Термин «терроризм» происходит от слова «террор» (лат. *Terror* — страх, ужас), которое означает «запугивание, преследование, наведение ужаса, устрашение, насилие, характеризующееся беспощадностью, жестокостью, изощренностью в достижении поставленных целей» [1].

Многие отечественные и зарубежные авторы исследуют влияние террористической угрозы на социум, так как это одно из наиболее актуальных направлений в современной психологии [7].

В период с 21 октября 2013 г. по 30 декабря 2013 г. в городе Волгограде произошли три крупных террористических акта (ТА). В общей сложности за указанный период погиб 31 человек, более сотни получили ранения.

31 октября 2015 г. произошла авиакатастрофа Airbus 321 над Египтом, следовавшего из курорта Шарм-эль-Шейх в Санкт-Петербург, погибли 224 человека. По заявлению директора Федеральной службы безопасности А. Бортникова, «на борту воздушного судна в полете сработало самодельное взрывное устройство <...>. Это однозначно террористический акт».

Средства массовой информации транслировали в течение 24 часов после трагедий по всем телеканалам хронику данных событий, что включало насыщенные отрицательные эмоциональные переживания, трагедийно-драматический характер информации и отсутствие конкретных официальных данных о причине катастроф, количестве погибших и раненых.

Террористический акт является психотравмирующим событием как для пострадавших, так и для свидетелей. Это проявляется и в виде острых транзиторных реакций на стресс (ОРС), и в виде хронических посттравматических стрессовых реакций (ПТСР), которые имеют длительное течение. Таким образом, последствиями данных событий могут являться психологическая деформация

и патология, включающая в себя ОРС, расстройства адаптации и ПТСР [3; 8].

Распространенность травматического стресса зависит от ряда факторов: от частоты травматических событий, от географических регионов, в которых особенно часто происходят природные катастрофы, от политических режимов. Кесслер в 1995 г. опубликовал статистические данные о связи развития ПТСР с характером травм. У свидетелей насилия и иных трагических событий ПТСР развивается в 25% случаев [8].

Уровень выраженности психологических последствий для каждого человека обусловлен его личностными особенностями, уязвимость у каждой личности проявляется индивидуально в виде нарушений психических (страхов, неврозов) и соматических (нарушение аппетита, сна, обострение хронических заболеваний, головные боли) [6].

В результате жертвами терроризма становятся не только непосредственные участники событий и их близкие, но и практически каждый человек, узнавший о трагическом событии из СМИ [2].

В своих исследованиях Н.В. Тарабрина разделяет жертв теракта на непосредственных и косвенных.

Непосредственные жертвы – это те, кто находился в месте теракта и получил повреждения; у кого среди погибших в теракте есть близкие; кто вследствие теракта лишился работы; кто ликвидировал последствия террористического акта [7].

Косвенные жертвы – это население, которое получало все сведения опосредованно. В данном случае переживание террористической угрозы возникает исключительно из-за внешних (картины терактов в СМИ) и внутренних факторов (субъективные реакции и оценки увиденного). Данная группа также характеризуется проявлением психопатологической симптоматики (появившейся после терактов), в индивидуальных случаях есть признаки ПТСР различного уровня выраженности. Исследование влияния СМИ на косвенных жертв теракта 11 сентября 2001 г. показало, что у них наблюдались проявления ОРС, ПТСР и депрессии [7].

Таким образом, именно интериоризация полученной из СМИ информации о террористических актах уязвимой частью населения способствовала возникновению как признаков ПТСР, так и других форм дезадаптации [7].

Ведущее место в этом процессе занимает зрительное или слуховое восприятие картин террористических действий, продуцируемых средствами СМИ.

В ряде исследований доказывалось, что образы, которые транслируют СМИ, воспринимаются как реальный опыт, поскольку не требуют декодирования. Впоследствии СМИ, являясь триггерами, при повторном обзоре данного трагического события провоцируют возникновение симптома «вторжения», то есть непроизвольного появления сильных эмоциональных переживаний негативного характера по поводу данной угрозы, вызванных активизацией воспоминаний о психотравмирующем опыте [7].

Материалы и методы исследования

На данный момент наименее изученными психологическими последствиями ТА являются особенности психологического состояния у лиц, являющихся свидетелями ТА, то есть косвенными жертвами данного происшествия. При этом наиболее выраженным психотравмирующим фактором для данной группы пострадавших оказывается освещение ТА в СМИ, поэтому цель настоящего исследования – изучение особенностей психологического состояния у людей, являющихся свидетелями ТА.

Объектом исследования послужили две группы респондентов. В качестве респондентов 1-й группы выступали мужчины и женщины в возрасте от 18 до 60 лет (n=51), проживающие в окрестностях города, подвергшегося атакам террористов-смертников. На данных лиц воздействовал комплекс психотравмирующих факторов, заключающихся, с одной стороны, в том, что они воочию видели последствия ТА, а с другой – испытывали информационный стресс под воздействием СМИ; респонденты 2-й группы получали психотравмирующую информацию о ТА только из СМИ.

Таковыми лицами выступали:

- мужчины и женщины в возрасте от 18 до 60 лет (n=51), проживающие в Санкт-Петербурге и получавшие информацию через СМИ в течение первой недели после атак террористов-смертников на Волгоград;
- мужчины и женщины в возрасте от 18 до 60 лет (n=51), проживавшие в Санкт-Петербурге и получавшие информацию через СМИ в течение первых суток об авиакатастрофе Airbus 321 над Египтом, следовавшего из курорта Шарм-эль-Шейх в Санкт-Петербург 31 октября 2015 г.

Предмет исследования – особенности психологического состояния свидетелей ТА на раннем этапе после ТА (в течение 10 суток).

Задачи исследования:

1. Изучение психологических особенностей лиц, явившихся свидетелями ТА в Волгограде.

2. Изучение психологических особенностей группы лиц, которые получали информацию о ТА только из СМИ.

3. Изучение медицинских и психологических последствий у лиц, явившихся свидетелями ТА. Изучалось проявление острых реакций на стресс у граждан (в течение первых 5 дней после двух декабрьских терактов 2013 г. в Волгограде).

В исследовании использовались следующие психодиагностические методики:

- экспресс-опросник СПН («Соматизированные психические нарушения») [5];
- анкета самооценки состояния (АСС) [5];
- стандартизированные интервью, касающиеся оценки эмоционального состояния респондентов и их отношения к произошедшему [9].

Одновременно осуществлялся анализ медицинских последствий.

Математико-статистическая обработка полученных данных обследования респондентов проводилась параметрическим методом линейной корреляции r - Пирсона. При расчетах использовались электронные таблицы *Excel* пакета программ *Microsoft Office, IBM SPSS Statistics 21*.

Основные результаты исследования

Был проведен сравнительный анализ шкал методики СПН (рис. 1) во 2-й группе (проживающие в Санкт-Петербурге и получавшие информацию через СМИ в течение первых суток об авиакатастрофе Airbus 321 над Египтом, следовавшего из курорта Шарм-эль-Шейх в Санкт-Петербург 31 октября 2015 г.). В данной группе полученные результаты свидетельствуют о том, что респонденты на фоне информационного стресса манифестировали высокий уровень астенизации – 41,3%, уровень депрессии – 37,8%, уровень ипохондрии – 32,7%. По мнению авторов данной методики (С.Г. Сукиасян, Н.Г. Манасян, С.С. Чшмаритян), наличие высоких показателей по всем шкалам одновременно свидетельствует о соматизированном психическом нарушении. Так как более чем у 30% респондентов наблюдались повышенные значения по всем шкалам, то у них диагностируются соматизированные психические нарушения, сформированные на основе фиксации психотравмирующих событий, закрепленных благодаря повторяющемуся воспроизведению картин травматического события в СМИ.

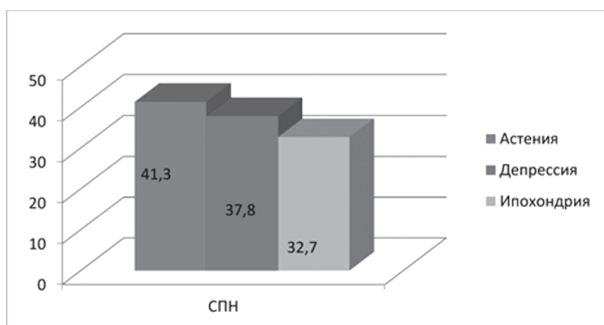

Рисунок 1. Результаты частотного анализа шкал методики СПН во 2-й группе (проживающие в Санкт-Петербурге и получавшие информацию через СМИ в течение первых суток об авиакатастрофе Airbus 321 над Египтом, следовавшего из курорта Шарм-эль-Шейх в Санкт-Петербург 31 октября 2015 г.)

Результаты сравнительного анализа шкал методики СПН (рис. 2) в данной группе свидетельствуют о том, что респонденты на фоне информационного стресса манифестировали высокий уровень астенизации – 38%, уровень депрессии – 27%, уровень ипохондрии – 25%. Таким образом, у 25% респондентов диагностируются соматизированные психические нарушения. Телевизионные передачи и другие средства коммуникации провоцировали нарушения психического состояния, связанные с переживанием травматических событий.

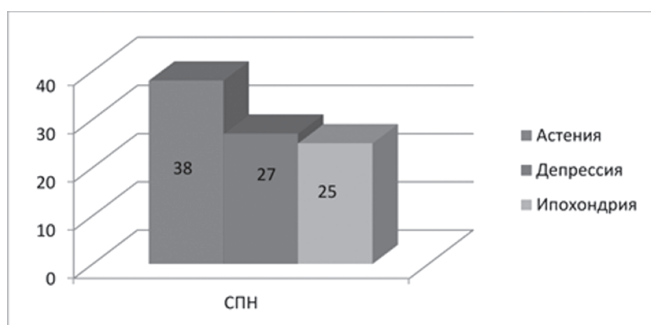

Рисунок 2. Результаты частотного анализа шкал методики СПН во 2-й группе (проживающие в Санкт-Петербурге и получавшие информацию через СМИ в течение первой недели после атак террористов-смертников на Волгоград)

Результаты сравнительного анализа шкал методики СПН (рис. 3) в 1-й группе наиболее ярко свидетельствуют о том, что респонденты, проживающие или оказавшиеся в непосредственной близости к зоне ТА, манифестируют более высокие показатели. Уровень астенизации – 88%, уровень депрессии – 64%, уровень ипохондрии – 66%. Таким образом, у 65% респондентов диагностируются соматизированные психические нарушения. Воспроизведение деталей ТА средствами СМИ «нагнетает обстановку», что проявляется в продуцировании интенсивных отрицательных психологических последствий, таких как депрессия.

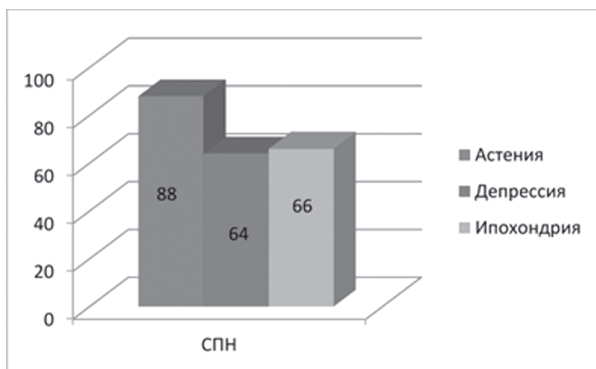

Рисунок 3. Результаты частотного анализа шкал методики СПН в 1-й группе

Таким образом, субъективная оценка в СМИ ситуации, связанной с ТА, способствовала возрастанию психической напряженности у населения, проживающего или оказавшегося в непосредственной близости к зоне ТА, что явилось причиной обострения имеющихся хронических заболеваний и требовало оказания им неотложной медико-психологической помощи. Подтверждением этого могут стать данные анализа оказания экстренной медицинской помощи гражданам на начальном этапе после теракта. В частности, по данным станции скорой помощи по Красноармейскому району Волгограда, в течение первых суток после серии террористических актов (период с 27 декабря 2013 г. по 4 января 2014 г.) почти в два раза увеличивалось количество экстренных госпитализаций граждан по поводу обострений имеющихся у них хронических заболеваний сердечно-сосудистой системы и желудочно-кишечного тракта. При этом частота выездов бригад скорой помощи в указанный период увеличилась почти на 30% (рис. 4).

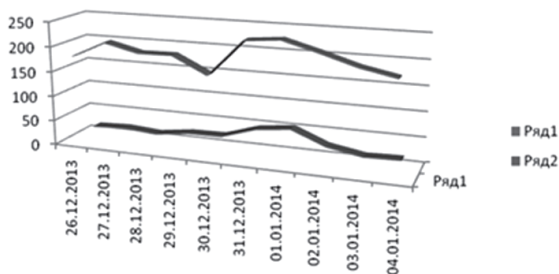

Рисунок 4. Динамика выездов бригад скорой помощи и экстренной госпитализации граждан Красноармейского района Волгограда (за период с 27 декабря 2013 г. по 4 января 2014 г.). (Ряд 1 – количество выездов бригад скорой помощи. Ряд 2 – количество экстренных госпитализаций граждан.)

В ходе обработки данных обследования 1-й группы был проведен частотный анализ встречаемости ответов («Стандартизированное интервью»), которые давали обследуемые лица в ходе оценки своего эмоционального состояния и отношения к произошедшему (первые пять дней после декабрьских терактов 2013 г.).

Результаты проведенного анализа свидетельствовали, что у обследованных лиц в этот период наиболее выраженными ответными эмоциональными проявлениями были преимущественно реакции тревожного и фобического характера: «Страх повторения трагедии» (58,6%), «Страх за возможную гибель своих близких» (56,8%), «Постоянные мысли, связанные с терактом, – стало страшно жить» (56,8%), «Ощущение незащищенности» (47,0%) и др.

Ответные реакции на стрессогенную ситуацию после произошедшей трагедии (острая реакция на стресс) находили свое проявление у 70,5% респондентов в виде невротических расстройств («Бессонница», «Плохой сон с неприятными и кошмарными сновидениями», «Частые лагримальные реакции», «Головная боль», «Боли в сердце», «Плохой аппетит» и др.). Одновременно отмечено наличие отдельных поведенческих аномалий, возникших у респондентов на начальном этапе после трагедии и проявившихся в стремлении к изоляции от социума: «Постоянное чувство тревоги, когда находишься в окружении людей» (50,9%), «Стараюсь меньше находиться в людных местах» (33,3%), «Стараюсь меньше выходить из дома» (21,5%) и др.

В результате проведенного корреляционного анализа в 1-й группе установлены достоверные корреляционные связи ($0,01 > P < 0,05$) между показателями шкалы «Астения» (экспресс-опросник СПН), наличием соматических жалоб, предъявляемых респондентами (анкета АСС), а также выраженностью некоторых проявлений эмоциональных реакций, вызванных произошедшим террористическим актом. В частности, респонденты, испытывающие отчетливые тревожно-фобические реакции («Ужас от увиденного», «Страх повторения трагедии», «Ощущение незащищенности» и др.), манифестировали наличие многочисленных жалоб на состояние здоровья, проявляющихся инсомническими нарушениями, потерей аппетита, жалобами в отношении сердечно-сосудистой системы и др.

Также было выявлено, что у респондентов 1-й группы, имевших родственников и знакомых среди пострадавших в серии террористических актов (10% от общего количества обследованных лиц), отчетливо отмечалось наличие депрессивных и ипохондрических реакций (экспресс-опросник СПН), вызванных переживаниями за состояние здоровья пострадавших.

Одновременно была установлена достоверная взаимосвязь в 1-й группе между наличием и выраженностью отмеченных нарушений с возрастом респондентов. То есть лица более старшего возраста острее переживали произошедшее.

В ходе обработки данных обследования 2-й группы был проведен частотный анализ встречаемости ответов («Стандартизированное интервью»), которые давали обследуемые лица в ходе оценки своего эмоционального состояния и отношения к произошедшему (первые пять дней после декабрьских терактов 2013 г.). Респонденты 2-й группы в этот период манифестировали сопереживание (43%), сострадание (36,3%), что свидетельствовало об эмоциональной включенности; тревожно фобические реакции, такие как страх (34%), бдительность и подозрительность (27,2%), повторение трагедии (29,5%), гибель близких (34%), постоянное чувство тревоги в окружении людей (20,4%). Когнитивная оценка случившегося заключалась в высказываниях: «мы незащищены» (50%), «безнаказанность террористов» (27%), «нас не защищают» (29,5%). Таким образом, несмотря на то что респонденты данной группы получали информацию о террористических актах в Волгограде только с помощью СМИ, они проявляли выраженные тревожно-фобические реакции под воздействием эмоционального стресса. Информация о террористических проявлениях способствовала формированию у респондентов данной группы высокого уровня тревожности и панического настроения.

Таким образом, страх перед ТА – это не только угроза жизни, но и угроза психическому здоровью человека.

Выводы

1. Основной целью любого террористического акта является устрашение широких слоев населения. Воздействие такого рода психотравмирующего события приводит к развитию эмоционального стресса. Это проявляется в формировании высокого уровня тревожности и панического настроения, то есть страх перед ТА проявляется не только как угроза жизни, но и как угроза психическому здоровью человека, способствует формированию выраженных фобических реакций под воздействием эмоционального стресса, что в ряде случаев проявляется реакциями психосоматического регистра.

2. Основными радикалами острых реакций на стресс у обследованных лиц являются астенические, депрессивные и тревожно-фобические реакции, в большей степени проявляющиеся у респондентов, имеющих среди родственников и знакомых пострадавших в серии террористических актов.

3. Неоднократное транслирование последствий ТА способствовало формированию таких реакций, как «мы незащищены» (50%), «нас не защищают» (30%), и формировало ощущение «безнаказанности террористов» (27%).

4. В течение первых суток после серии террористических актов почти в два раза увеличилось количество экстренных госпитализаций граждан по поводу обострения имевшихся у них хронических заболеваний сердечно-сосудистой системы и желудочно-кишечного тракта. При этом частота выездов бригад скорой помощи в этот период увеличилась почти на 30%.

5. Состояние психической напряженности, сформированной под воздействием субъективной оценки ситуации, связанной с ТА и транслируемой неоднократно СМИ, выше у респондентов, проживающих или оказавшихся в непосредственной близости к зоне ТА, чем у лиц, территориально не связанных с очагом террористического воздействия.

Заключение

Целями террористических актов являются устрашение, создание в обществе панической обстановки и политической нестабильности. В результате жертвами терроризма становятся не только непосредственные участники событий и их близкие, но и практически каждый человек, узнавший о трагическом событии из СМИ. При этом

неоднократное транслирование в СМИ ситуации, связанной с ТА, способствует формированию выраженных тревожно-фобических реакций, в ряде случаев трансформируемых в психосоматические нарушения. Учитывая, что информационный стресс является мощным психотравмирующим фактором, руководству СМИ необходимо более тщательно планировать подачу информации населению, особенно проживающему и оказавшемуся в непосредственной близости к ТА.

Источники

1. *Безверхов А.Г.* «Терроризм» и «Террористический акт»: Криминологический и юридический анализ // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2013. Выпуск № 1. С. 53–66.

2. *Кашкарова О.Е., Семенова Тян-Шанская М.В., Курпатов А.В., Бухарина М.В.* Задачи кризисной службы в оказании помощи жертвам террористических актов // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под ред. М.М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004. С. 156–162.

3. *Коханов В.П., Краснов В.Н.* Психиатрия катастроф и чрезвычайных ситуаций. М.: Практическая медицина, 2008.

4. Психиатрия войн и катастроф / Под ред. В.К. Шамрея. СПб.: СпецЛит, 2015.

5. Психодиагностические методы выявления дезадаптационных нарушений в практике клинических психологов / Под ред. В.Ю. Рыбникова. СПб.: Фарминдекс, 2009.

6. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под общей ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл, 2007.

7. *Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В.* Современное состояние психологических исследований террористической угрозы // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2011. № 5. URL: <http://medpsy.ru>.

8. Травматический стресс. Этиология. Патогенез. Диагностика. Психотерапия / Под ред. С.В. Чермянина и С.Л. Соловьевой. СПб.: АЙСИНГ, 2014.

9. *Чермянин С.В. и др.* Динамика психологического состояния лиц, ставших свидетелями серии террористических актов в г. Волгограде // Международная научно-практическая конференция «Проблемы психологических последствий, связанных с радиационными авариями и другими чрезвычайными ситуациями». Международный салон средств обеспечения безопасности «Комплексная безопасность – 2015». М.: Квадратон, 2015. С. 63–67.

Новая форма международной деятельности ультраправых

Аннотация

В данной статье рассмотрены особенности и специфика развития международной деятельности ультраправых партий Европейского Союза на современном этапе и феномен популяризации ультраправых сил в мире. Целью исследования является определение значимости международного сотрудничества европейских ультраправых партий. Деятельность «Европейского альянса за свободу» и затем «Европы наций и свобод» сложно назвать успешным примером такого сотрудничества, но появление организации ПЕГИДА и ее растущее влияние и распространение в странах Евросоюза дает основание для идентификации этого движения в качестве новой формы сотрудничества ультраправых политических сил. В рамках данной работы освещаются идеологические и институциональные аспекты современного международного сотрудничества ультраправых партий Европейского Союза, рассматривается иммиграционная проблема в общеевропейском контексте, а также представлен анализ движения ПЕГИДА и особенностей его распространения во Франции и Великобритании. Рост евроскептицизма и радикализма и электоральные успехи ультраправых партий за последние десятилетия свидетельствуют о значительном усилении позиций ультраправых партий на европейском пространстве на современном этапе, а иммиграционный вопрос остается одной из самых серьезных проблем Европейского Союза. Для достижения своих целей ультраправые политические силы стремятся к сотрудничеству и поиску новых путей для успешной международной кооперации.

The article gives the consideration to the features and specifics of development of international cooperation of far-right parties in Europe at the present stage and its influence on a phenomenon of the reinforcement of far-right political forces in these countries. An objective of this research is

¹ Любимова Анжела (lyubimova.angela@yandex.ru) – аспирантка СПбГУ.

the determination of the role of international cooperation of far-right parties in the European Union. The activity of the previous cooperation such as European Alliance for Freedom and Europe of Nations and Freedoms were not successful, but the emergence of PEGIDA and its growing influence on the European countries give the reason to identify this organization such as the new form of cooperation of far-right political forces. Within this work the ideological and institutional aspects of modern far-right parties cooperation of the European Union are covered. and the immigration problem in the all-European context is considered. The growth of the euroscepticism and radicalism and electoral progress of far-right parties for the last decades testify to considerable strengthening of positions of far-right parties on the European space at the present stage. In order to achieve its goal the far-right parties understand the importance of international cooperation and search the new ways for its international successful development.

Введение

Феномен успеха ультраправого движения в странах Европейского Союза является важной темой политологических исследований конца XX – начала XXI в. За последние несколько лет в Европе наблюдается значительный рост поддержки правых и ультраправых партий, свидетельством чему являются их электоральные успехи.

Сегодня крайне правые партии постепенно становятся ведущими политическими силами не только внутри своих государств, они активно продвигают свои взгляды и интересы на международной арене, и не только в рамках политической работы в Европарламенте. Как новый значимый признак роста влияния ультраправых партий можно рассматривать их стремление сформировать международные группы. Также важно отметить, что именно ультраправые наиболее удачно совместили проблемы внутреннего развития государств с внешнеполитическими действиями. По этой причине их взгляды на развитие Европейского Союза и на международные отношения в целом, выступления о необходимости кардинальных изменений в отношении внешней политики государств заслуживают отдельного исследования, поскольку именно данная риторика становится привлекательной для растущего числа избирателей. Поэтому необходимо исследовать именно международный аспект деятельности крайне правых партий, что и представляет цель настоящей статьи. Для этого необходимо решить следующие задачи:

1) определить место антииммиграционной компоненты в партийно-политическом дискурсе на государственном и надгосударственном уровнях;

2) проанализировать природу международных объединений и коалиций ультраправых партий в Европейском парламенте;

3) определить перспективы движения ПЕГИДА как новой международной формы сотрудничества ультраправых сил.

Существует ряд проблем, стоящих перед каждым государством Европейского Союза, на неэффективном решении которых ультраправые партии строят свою политическую пропаганду и общую политику. Ряд этих проблем является почти идентичным у правых партий Европейского Союза, тем не менее точки зрения зачастую расходятся. Однако недовольство иммиграционной политикой остается проблемой, объединяющей все ультраправые партии Европы.

Антииммиграционная компонента в партийно-политическом дискурсе в государственном и надгосударственном измерениях

На сегодняшний день произошло формирование зависимости общественного и государственного развития от процессов глобализации. Под давлением данных процессов происходит влияние и изменение экономической и социально-политической жизни европейских граждан. Иммигранты, отличающиеся другими религиозными и культурными традициями, представляют собой угрозу для благополучия европейских стран. Другим последствием процессов глобализации является усиливающееся значение малых партий, особенно в странах со сложившейся двухполюсной партийной системой. Эти малые партии отлично проявляют свою реакционную природу, главным примером чему служит внимание малых партий и представление ими мер по решению иммиграционного вопроса. Последовательным шагом со стороны европейских ультраправых партий является акцентирование внимания избирателей на решении иммиграционной проблемы и ее центральное позиционирование в партийных политических доктринах. В дискурсе ультраправых партий иммиграция представляется угрозой для этнической идентичности, системы социального обеспечения, общественной безопасности, является одной из причин безработицы и многих других проблем [6: 180].

Проблема национальной идентичности также выделяется ультраправыми партиями. Возникновение и развитие ультраправой идеологии – это своеобразный ответ на столкновение и совмещение старых и новых социальных проблем, грозящих коренному населению потерей культуры. В этом и кроется причина позиционирования себя ультраправыми деятелями в качестве защитников сформировавшихся культурных традиций, особенностей, образа жизни, национальных и этнических разнообразий. Ввиду роли катализатора социального

и общественно-политического развития используемая в данном контексте иммиграционная проблема позволяет ультраправым партиям укрепить свои позиции и заручиться поддержкой новых избирателей.

Идеология ультраправого течения подвергается изменениям в связи с влиянием обстоятельств государственного и мирового порядка и развития. На современном этапе ультраправые партии ставят перед собой цель защитить этническую идентичность и устранить угрозы, способствующие ее разрушению, которыми прежде всего в риторике ультраправых сил являются усиленные миграционные потоки.

Противодействие иммиграции и антисемитизм или другая расовая дискриминация представляют собой аспекты, ведущие к объединению усилий и созданию общей программы для реализации своих идеологических интересов ультраправых политических сил, что необходимо для них в целях развития и поддержания успешного роста. Программы ультраправых партий и выступления их лидеров показательно демонстрируют ключевую роль их деятельности, антииммигрантской цели и борьбы с исламизацией на территории Европейского Союза.

Международные объединения и коалиции ультраправых партий в Европейском парламенте

Стремление ультраправых сил добиться консолидированного единства перед выборами в Европарламент в 2014 г. обеспокоило многих европейских политиков в конце 2013 г. Укрепление их позиций является прямо пропорциональным увеличению их представительства в национальных парламентах, что гарантированно увеличивает их возможности на выборах в Европарламент. Тем не менее их присутствие в Европейском парламенте по-прежнему не является значительным, что заставляет ультраправых искать пути к объединению.

2014 г. не стал первым в истории Европарламента, когда ультраправые пытались найти консенсус и выступить вместе. Например, в 2009 г. ультраправый сектор уже был представлен фракцией «Европа за свободу и демократию», состоящей из членов крайне правой Партии независимости Соединенного Королевства, итальянской «Лиги Севера» и др. В мае 2014 г. накануне европейских выборов в Страсбурге лидеры Национального фронта Франции, австрийской Партии свободы и бельгийской партии «Фламандский интерес» заявили о намерении создать альянс ультраправых [1].

Основу «Европейского альянса за свободу», заявившего об отстаивании интересов коренного населения и позиционировавшего

себя в качестве его защитника, составили представители Национального фронта, «Лиги Севера», «Фламандского интереса», нидерландской Партии свободы, Словацкой национальной партии и Австрийской партии свободы. Однако Партия независимости Великобритании дистанцировалась от Альянса изначально, как и сам Альянс, в свою очередь, отказался сотрудничать с Британской национальной партией и «Йоббиком» по причине откровенно фашистского характера этих партий. В состав фракции были приглашены представители ультраправых не менее чем семи стран, 38 депутатов. Для создания собственной фракции необходимо объединить не менее 25 депутатов или, другими словами, обеспечить участие четвертой части стран-членов ЕС. Тем не менее данная попытка Альянса не увенчалась успехом [5].

Выборы в мае 2014 г. стали первыми, когда был зафиксирован столь значительный рост партий-евроскептиков, правых и ультраправых политических сил. Их неотделимыми чертами стали яркая антииммиграционная и антиисламская риторика, а также стремление к проведению самостоятельной государственной финансовой и экономической политики.

Особенно значимой на этих выборах можно рассматривать сокрушительную победу французского Национального фронта (25% голосов и 24 места), который обогнал Социалистическую партию. Результаты Партии независимости Соединенного Королевства также можно охарактеризовать весьма убедительными (29,7% голосов, претензия на 24 места), как и других ультраправых европейских сил. Подводя итог, отметим, что в 2014 г. 140 евроскептиков участвовали в работе Европарламента, в то время как в 2009 г. у них было только 56 мандатов [4].

Несмотря на провал «Европейского альянса за свободу», его основоположники ввиду происходящих событий решили возобновить свою деятельность и сформировать новое объединение в Европейском парламенте – «Европу наций и свобод» (*Europe of Nations and Freedoms*). Образованную коалицию возглавила Марин Ле Пен. Помимо лидера французских ультраправых к объединению присоединились нидерландская Партия свободы, итальянская «Лига Севера», австрийская Партия свободы и бельгийская партия «Фламандский интерес» [15]. Данный состав невольно нас возвращает к 2014 г., так как он является почти идентичным составу «Европейского альянса за свободу». Таким образом, события 2014 и 2015 гг. приводят нас к заключению, что «Европа наций и свобод» стала новой попыткой ультраправых сил в лице тех же лидеров сформировать устойчивую

международную коалицию, а значит, ультраправые партии не оставляют попыток реализации своих целей посредством объединения сил на международном уровне.

Политическая история неоднократно свидетельствует о легкости формирования коалиций ультраправых, но при этом недолговечных, что объясняется рядом следующих причин: концентрацией в их риторике национальных интересов (что изначально исключает возможность достижения полного согласия по всем позициям), евро-скептическим настроем (без предложения альтернативы Евросоюзу), отстаиванием политики экономического национального протекционизма. К тому же голосование за радикалов на выборах в Европейский парламент в большей степени носит протестный характер, чем отражает реальную поддержку населения [10: 83].

Движение ПЕГИДА – новая форма международного сотрудничества ультраправых сил?

В контексте тенденции ультраправых партий к международному сотрудничеству особый интерес представляет собой движение ПЕГИДА. *PEGIDA (Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes)*, в переводе с немецкого «Патриотические европейцы против исламизации Запада», – движение, охватившее сначала Германию, а затем распространившееся на другие страны, включая Великобританию и Францию. ПЕГИДА была создана в Дрездене в октябре 2014 г. Лутцем Бахманом, бывшим 41-летним поваром, который ушел с должности лидера движения после того, как фотография, где он изображал Адольфа Гитлера, распространилась с невероятной скоростью в интернете [16].

Изначально движение воспринималось, скорее, с пренебрежением ввиду явной ультраправой политической окраски. Однако его неимоверный рост, свидетельством чему служат еженедельные марши, собирающие более 25 тыс. человек с целью выразить недовольство беспрецедентным увеличением количества беженцев, иммигрантов и растущего присутствия ислама в Германии, а также распространение влияния этого движения на Соединенное Королевство, где с начала 2016 г. проходят марши под знаменем *PEGIDA UK*, уже вряд ли следует называть лишь временным явлением [8]. Подтверждением тому может служить факт возросшего к ПЕГИДА научного интереса в немецких академических кругах. На начальной стадии зарождения движения, еще в 2015 г., профессор европейского университета *Viadrina* во Франкфурте-на-Одере и председатель немецкого совета по миграции Вернер Шиффауэр (*Werner Schiffauer*) высказал мнение

о серьезности феномена возникновения движения, выступающего против действующей иммиграционной политики, обосновывая это фактом невозможности мгновенного решения миграционного кризиса, панацеей от которого могут, по его мнению, стать лишь адаптация плюралистического и многообразного общества и создание культурного фундамента для мирного сосуществования всех его членов [7].

Следует отметить, что движение ПЕГИДА не является несистематизированным и хаотичным. У организации опубликована Программа движения, в которой заявлены приоритетные вопросы всевропейской повестки дня: ПЕГИДА выступает за принятие политических и религиозных беженцев, так как это является ответственностью гуманитарного толка, за организацию их достойного размещения и создание им человеческих условий проживания, за распределение обязанностей по приему беженцев между всеми странами-членами Европейского Союза, за иммиграцию по моделям, применимым в Нидерландах, Австралии, Канаде и Южной Африке, за защиту христианских религиозных ценностей западных стран и против радикализма и поставки оружия, например, Курдской рабочей партии [14]. Представленные позиции организации явно коррелируют с пунктами из программ таких ультраправых устоявшихся партий, как Национальный фронт, Партия независимости Соединенного Королевства и др., то есть являются адекватными и приемлемыми для европейского избирателя по степени радикальности отстаиваемых позиций. И это не единственная схожая черта движения ПЕГИДА с ультраправыми европейскими партиями: ПЕГИДА наравне с ультраправыми движениями обладает популистской характеристикой. Заявления серии «Мы люди» могли бы принадлежать любой другой европейской ультраправой популистской партии. И как любая другая популистская партия Соединенного Королевства, Франции, Нидерландов, Дании, Швеции, Швейцарии, Австрии, ПЕГИДА, используя концепт «безопасности», выступает прежде всего за защиту национальной идентичности и культурных ценностей от ислама и, как следствие, за защиту социальной и экономической структуры стран от «фальшивых» мигрантов и последствий их усиленных потоков в Германию (речь идет о разделении на «реальных», кто действительно ищет политическое укрытие, и «фальшивых») [9]. Таким образом, формально ПЕГИДА обладает всеми признаками для признания этого движения самостоятельной политической единицей. Поскольку ПЕГИДА открывает свои «филиалы» в других странах, прослеживается и еще одна характерная черта — поиск сотрудничества

путем расширения на европейском пространстве. Тем самым ПЕГИДА предпринимает идентичную европейским ультраправым партиям политику объединения единомышленников на международном уровне, а значит, движение, зародившееся в Дрездене, понимает необходимость объединения усилий с единомышленниками на наднациональном уровне во имя достижения своей цели.

Несмотря на то что Ангела Меркель явно призывает немецкое общество относиться к данной группировке с опаской, а средства массовой информации активно открывают завесу криминальной природы деятельности в настоящий момент уже бывших лидеров ПЕГИДА, в Германии движение все так же активно растет. Более сложным образом ситуация складывается во Франции и Соединенном Королевстве.

В январе 2015 г. французский ультраправый идеолог Рено Камю заявил о создании французского движения ПЕГИДА [12]. Возможно, движение ПЕГИДА смогло заставить врасплох немецкую общественность, однако антиисламские и антимиграционные проблемы знакомы французскому обществу по меньшей мере последние тридцать лет. Именно поэтому успех данного движения вряд ли можно прогнозировать во Франции [16]. Со своей стороны и лидер французских ультраправых Марин Ле Пен всячески пытается дистанцироваться от влияния и связи с этим новым популярным движением. Сначала заголовки французских средств массовой информации указывали на индифферентную позицию Национального фронта и его осторожное отношение к немецкому движению, однако со временем стала явно заметна тенденция именно дистанцирования от ПЕГИДА [11].

Члены Национального фронта не достигли соглашения внутри партии, которой руководит Ле Пен, и увеличение поддержки движения ПЕГИДА является одним из таких вопросов. Следовательно, партия не предпринимает попыток благоприятствовать развитию данного движения во Франции. Генеральный секретарь Национального фронта Николай Бэ отмечает: «Мы не собираемся выступать в качестве вспомогательных сил поддержки таких организаций» [12]. Вначале Национальный фронт не поддерживал движение, родившееся в Германии, но и не отклонял его целиком. Тем не менее на данном этапе создается впечатление, что Марин Ле Пен всеми способами пытается держаться на расстоянии от движений, явно представляющих сложные и неоднозначные проблемы, в силу своего стремления в будущем занять место лидера Франции. Она очень аккуратно старается относиться к проблемам исламофобии и гомофобии

(несколько лет назад Марин избежала слишком тесной связи с крупными протестами против разрешения заключения гомосексуальных браков). Поддержка движений со столь противоречивой репутацией может подорвать положение Национального фронта в обществе, чем Марин Ле Пен не готова рисковать. Являясь прежде всего электоральной партией, Национальный фронт должен сосредоточиться на своих результатах на избирательных округах, а не на поддержке манифестаций подобного толка.

Что касается Соединенного Королевства, то первый марш протеста британского отделения движения ПЕГИДА прошел 6 февраля 2016 г. в Бирмингеме. Основателем движения стал уже бывший основатель ультраправой Лиги английской обороны Томми Робинсон [3]. Как и фигура Лутца Бахмана, личность Томми Робинсона довольно сложно назвать однозначной: проблемы с законом в прошлом и зачастую «хулиганская» деятельность Лиги английской обороны, различие с которой представители британской ПЕГИДА особенно подчеркивают. Интересным следует видеть тот факт, что участники «тихого марша» пропагандируют отстраненность от ультраправых британских партий и со своей стороны пытаются ограничить возможную связь с ними. Самым ярким тому доказательством является заявление мистера Робинсона о том, что представители британской Национальной партии и Национального фронта должны «держаться подальше» от марша [13]. С одной стороны, лидер британской ПЕГИДА не хочет очернения репутации движения за счет возможного сотрудничества с партиями, обвиняемыми в неонацизме, а с другой — среди приверженцев движения числятся действующие члены, например, Партии независимости Соединенного Королевства. Тем не менее британский «филиал» ПЕГИДА максимально настаивает на мирном характере деятельности своих представителей и выражает недовольство тем, что СМИ ассоциируют их с ультраправыми и радикальными силами [2].

Заключение

Сегодня ультраправые партии стали фактором общеевропейской политики, с которым невозможно не считаться, так как их присутствию в Европейском парламенте с каждым годом становится все значительнее, а одним из главных факторов эволюции европейского социума стало возрождение ультраправой идеологии и евроскептицизма. Иммиграционная проблема является центральной темой ультраправой политической мысли, которую успешно используют ультраправые партии в своих доктринах, на разрешении которой

делают акцент и которую используют как самое сильное оружие в борьбе за избирательные голоса. Фактическая невозможность ее разрешения в ближайшее время используется в риторике не только популистских и ультраправых партий, традиционных политических сил, но и дает рождение новым политическим движениям, которые в данный момент сложно охарактеризовать в качестве организованной формы сотрудничества, но явно имеющей значительное влияние и распространение в странах Европейского Союза. Всё это лишний раз доказывает состоятельность иммиграционной проблемы в Европе. Важность антииммиграционной компоненты на современном этапе в странах Европейского Союза является неоспоримым фактом, а процесс усиления ее значимости в партийной риторике продолжит свое развитие. Целью международной деятельности ультраправых является прежде всего увеличение своего присутствия на международной политической арене, а именно в Европейском парламенте. Благодаря объединению в международные коалиции и формированию фракции в Европейском парламенте ультраправые партии укрепляют свои позиции нахождения в легальном поле, что дает им значительные возможности для более эффективного продвижения своих идей.

Тем не менее на сегодняшний день можно заключить, что успех движения ПЕГИДА во Франции маловероятен прежде всего из-за отсутствия его организованной поддержки со стороны крупнейшей ультраправой политической силы Франции – Национального фронта. Но дальнейшая политика партии в направлении решения вопроса ислама все больше вызывает научный интерес.

В свою очередь, движение ПЕГИДА уже тоже можно рассматривать как самостоятельное политическое движение. Закрепив в Программе движения вопросы общеевропейской повестки дня, приоритетные для ультраправых партий, а также прибегнув к расширению своего влияния на общеевропейском уровне, это движение есть смысл рассматривать как новую международную форму сотрудничества ультраправых. Однако в контексте возможности становления движения ПЕГИДА в качестве модели международного сотрудничества ультраправых партий на данном этапе сложно прогнозировать выводы именно об успешной коллаборации, так как изначально как ультраправые партии не находят длительного компромисса, так и «филиалы» движения ПЕГИДА различаются в разных странах, что является еще одной объединяющей чертой, которая доказывает состоятельность обозначения данного движения именно в качестве новой международной формы сотрудничества ультраправых. Движение

ПЕГИДА не встречает со стороны французских и британских ультраправых сил явно выраженной поддержки, несмотря на, казалось бы, похожую проблематику, лежащую в основе движения, — иммиграцию. Как и в других примерах попыток сотрудничества ультраправых, европейские политические партии, отличающиеся данной приверженностью, изначально не готовы к сотрудничеству и показывают, скорее, настороженное отношение. Интересным является факт появления «филиалов» движения ПЕГИДА во Франции и Великобритании, притом что оно явно дистанцируется от официальных ультраправых сил этих стран.

Ультраправые партии-«ветераны» принимают, скорее, оборонительную позицию ввиду непонятной природы и перспектив ПЕГИДА, демонстрируя свою явную неготовность объединять усилия с малоизученным на данный момент движением-феноменом. Но с другой стороны, движение ПЕГИДА также не с особой охотой идет на сближение с исторически сложившимися ультраправыми силами, позиционируя себя вне политической системы, но успешно захватывая внимание и новых единомышленников во всех странах.

Международный аспект данного движения действительно заставляет его характеризовать своеобразным феноменом, не поддающимся классификации в качестве партии, но представляющим собой новую форму сотрудничества в рамках идеи, которая стоит одной из главных в европейской повестке — остановить наплыв мусульман в страны Европейского Союза. Сможет ли данное движение стать веским основанием для успешного сотрудничества ультраправых сил или оно столкнется с теми же проблемами, которые мешали создать альянс ранее, события покажут в ближайшее время.

Источники

1. «Завоевать Францию, а затем уничтожить Европу»: Марин Ле Пен и прорыв крайне правых на евровыборах // ИА REGNUM. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1808594.html>.
2. *Вендик Ю.* Британская ПЕГИДА: мы не за Россию, мы за Британию // ВВС.
3. *Гольдберг А.* Британские ультраправые импортируют из Германии движение ПЕГИДА // ВВС.
4. *Гусев Д.* Крайне правые в Европарламенте, или У страха глаза велики // RFI. URL: <http://ru.rfi.fr/evropa/20140526-kraine-pravye-v-evroparlamente-ili-u-strakha-glaza-veliki>.
5. Европарламент: правые идут не в ногу // МИА «Россия сегодня». URL: http://ria.ru/cj_analytics/20140627/1013817404.html.

6. *Еремина Н.* Британская национальная партия: факторы роста и сдерживания // Праворадикальные политические партии и движения современной Европы / Отв. ред. И.Н. Барыгин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 178–189.

7. *Жолквер Н.* Движение Pegida стало объектом внимания ученых ФРГ // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/ru/движение-pegida-стало-объектом-внимания-ученых-фрг/a-18171535>.

8. *Фелдман Э.* Крайне правое движение в Германии оживляет призраки ужасного прошлого // ИноСМИ.ru. URL: <http://inosmi.ru/world/20150211/226187976.html>.

9. *Decker F.* AfD and Pegida: Understanding Germany's New Populist Right.

10. *Eremina N., Seredenko S.* Right Radicalism in Party and Political Systems in Present-day European States / Cambridge Scholars Publishing, 2015.

11. *Hausalter L.* Le FN joue la prudence face au mouvement Pegida // Europe 1.

12. *Klur J.* Pegida en France: le Front national garde ses distances // Le Journal du Dimanche.

13. PEGIDA UK Tells National Front and BNP They Are Not Wanted At Birmingham March // Breitbart.

14. Position Paper (Manifesto) PEGIDA. URL: <http://ukrants.co.uk/pdf/Pegida-Position-Paper-English-Translation.pdf>.

15. *Retzman A.* Far-right parties form group in EU parliament // EUobserver.com. URL: <https://euobserver.com/political/129129>.

16. *Thillaye R.* Pegida's Spirit Haunts France – With No Response Yet. URL: <https://www.socialeurope.eu/wp-content/uploads/2015/03/Pegida-eBook.pdf>.

Факторы террористической активности в странах Европы

Аннотация

Цель данной статьи состоит в определении факторов террористической активности в 33 европейских странах. Теоретическая база исследования представлена теорией риска. Ключевая идея теории заключается в том, что терроризм является последствием таких процессов, как модернизация и глобализация. В соответствии с теорией выдвинуты две гипотезы о влиянии модернизационных или институциональных факторов на уровень терроризма. Результаты проведенного статистического анализа показали, что на уровень терроризма может оказывать влияние уровень иммиграции.

Abstract

This article aims to reveal the determinants of terrorism in 33 European countries. The risk theory gives the theoretical ground of this research. This theory considers the terrorism as a consequence of modernization and globalization. In accordance with the theory I assume the level of terrorism can be affected by modernization strain and institutional order. I conclude that the most important determinant of terrorism is the immigration.

Угроза терроризма является одной из ключевых современных проблем. Сложности определения и понимания терроризма связаны с эмоциональной, уничижительной и идеологической направленностью террористической деятельности [12]. Под терроризмом можно понимать «акты насилия, совершаемые по отношению к гражданскому населению в политических или идеологических целях» [5: 7]. Основная цель терроризма заключается в перераспределении власти, влияния или богатства, которые достигаются через дестабилизацию политической обстановки в государстве, получение публичности и внимания со стороны СМИ, разрушение экономики [10: 4].

Понимание терроризма как «глобальной угрозы для всего человечества» [1: 24] осуществляется в рамках концепции риска. У. Бек исходит из того, что последствием модернизации (технологической

¹ Чеботарева Василиса (vachebotareva@edu.hse.ru; evalisa.che@gmail.com) – магистрантка департамента социологии НИУ ВШЭ СПб.

и социальной) стал переход от индустриального общества к обществу риска, в котором технологическое развитие сопровождается новыми угрозами и катастрофами. Поскольку риски носят глобальный характер, богатые страны также от них не застрахованы («эффект бумеранга») [1: 43]. При этом современные риски «невидимы» и носят разрушающие последствия, которые сложно или невозможно предотвратить [1: 32].

В связи с этим У. Бек выделяет три оси конфликтов в современном обществе риска: экологические конфликты, глобальные финансовые кризисы и угрозу глобальных террористических сетей [7: 41]. Мониторинг в качестве превентивной меры и предотвращение последствий конфликтов становятся прерогативами уже не национальной безопасности отдельных стран, а транснациональной кооперации. Однако, в отличие от экологических и экономических угроз, террористическая угроза носит преднамеренный характер [7: 44].

Всплеск террористической активности в конце XX – начале XXI в. привел к ряду серьезных социальных и политических сдвигов. На микроуровне доверие сменилось активным недоверием к согражданам, иностранцам и остальным государствам [7: 44]. В то же время на макроуровне потерпела крах парадигма неолиберализма в международных отношениях [7: 47]. Ориентация на коллективную безопасность, сотрудничество и взаимопомощь не оправдала себя, что заставило страны вернуться к национальным интересам в целях усиления внутренней безопасности.

Стремительный экономический рост в странах первого мира, разработка и внедрение в производство передовых технологий, рост уровня жизни населения, согласно концепции риска, влияют на увеличение «рискогенности» повседневной жизни. Сегодня наблюдается рост локальных и международных террористических актов, в то же время изменяется восприятие населения к проблеме терроризма. Согласно данным Евробарометра за 2015 г., 17% европейского населения выделили террористическую угрозу в качестве одной из двух наиболее важных проблем Европы, что на 6% больше, чем годом ранее [9: 48]. Более того, угроза терроризма является одной из пяти основных проблем ЕС (по мнению европейцев) наряду с высокой иммиграцией, экономической ситуацией, безработицей, финансовым состоянием государств-членов ЕС.

Интерес представляет вопрос: какие факторы могут оказывать влияние на возросшую террористическую активность в государствах Европы? Цель данной работы – выявить, какие характеристики государств сопровождают высокую террористическую активность в Европе.

В соответствии с логикой концепции риска были выдвинуты две гипотезы. Согласно первой, террористическая активность выше в высокомодернизированных странах. Быстрый экономический рост, демографические изменения и активное развитие городских сообществ могут создавать социальное недовольство, связанное с социально-экономической деформацией, чем впоследствии могут воспользоваться террористические группировки [10: 6]. Другими словами, чем больше в результате модернизации возникает социально-экономических и экологических проблем, тем большим количеством требований и недовольств могут оперировать террористы. В связи с этим можно предположить, что *террористическая активность выше в странах с высоким раслоением общества и уровнем жизни населения, высоким уровнем безработицы и иммиграции.*

Вторая гипотеза основывается на тезисе о влиянии политического и институционального порядков на уровень терроризма в государстве [10: 7]. В недемократических странах политические элиты стремятся сохранить статус-кво, что приводит к увеличению военной мощи и полицейского надзора, а отсутствие конкуренции порождает высокий уровень коррупции [8: 2]. В подобных недемократических репрессивных условиях террористические группировки способны генерировать недовольство населения в связи с отсутствием гражданских и политических свобод. Следовательно, необходимо проверить, действительно ли *уровень терроризма выше в государствах с высоким уровнем коррупции, нарушениями и ограничениями в области прав и свобод, высокими государственными расходами на оборону и высокой степенью защиты населения.*

Данные исследования

Выборка исследования ограничена европейскими государствами, которые имеют общие границы, историю, культуру, что позволяет сосредоточиться на политических и социально-экономических характеристиках этих стран. По причине дискуссионности вопроса о географических границах Европы государства для анализа были выбраны на основании классификации государств по макрорегионам ООН [13]. В связи с отсутствием данных по ряду государств будут проанализированы 33 европейских государства². Временные рамки исследования ограничены 2014 г.

² Выборка исследования: Австрия, Белоруссия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Словакия, Словения, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония.

Зависимая переменная представлена Глобальным индексом терроризма за 2014 г., рассчитанным Институтом экономики и мира. Данный показатель позволяет учитывать реальность рисков, то есть уже существующие разрушения и будущие угрозы соответственно [1: 39] Индекс основан на данных о прямых и косвенных воздействиях международного и локального терроризма, таких как количество террористических актов, число погибших и пострадавших, уровень имущественного ущерба, психологические последствия терроризма. Индекс может принимать значения от 0 до 10, где 0 обозначает отсутствие какого-либо террористического воздействия, а 10 – наибольшее воздействие. В данной работе переменная принимает бинарный вид, при котором дихотомизация осуществляется на основе медианного значения – 0.58.

Первая группа независимых переменных выделена исходя из первой гипотезы о быстром модернизационном развитии как факторе высокой террористической активности.

- Уровень жизни населения представлен Индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП) за 2014 г. Программы развития ООН. Индекс включает в себя такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни, ожидаемая продолжительность обучения, среднее количество лет обучения, валовой национальный доход на душу населения. Индекс может принимать значения от 0 до 1, где единица отражает высокий уровень жизни населения.

- Степень расслоения общества выражена индексом Джини за 2014 г., рассчитанным Всемирным банком и выраженным шкалой от 0 до 100, где 0 обозначает полное равенство доходов населения, 100 – абсолютное неравенство.

- Сведения об уровне безработицы взяты из базы данных Всемирного банка за 2014 г. Переменная имеет вид процентного значения, обозначающего отношение числа безработных граждан к общей (экономически активной) рабочей силе.

- Переменная «уровень иммиграции» операционализируется в работе как количество людей, прибывших в государство за 2013 г. согласно базе данных ООН. По причине отсутствия данных показатели по Белоруссии взяты за 2009 г., по Молдове – за 2010 г., по Словении и Македонии – за 2012 г., а по Украине – за 2006 г.

Вторая группа переменных проверяет гипотезу об институциональном влиянии на уровень терроризма.

- Данные о состоянии гражданских свобод взяты из доклада международной организации *Freedom House* за 2014 г. Значения переменной для исследования получены путем выведения среднего

арифметического двух показателей (политических прав и гражданских свобод), каждое из которых оценивается в шкале от 1 до 7 (свободные – несвободные).

- Индекс восприятия коррупции международной организации *Transparency International* за 2014 г. измеряет восприятие коррупции в государственном секторе путем опросов населения. В данной работе индекс перекодирован и ранжирует государства по шкале от 0 до 100, от свободных от коррупции до высокоранжированных государств соответственно.

- Переменная «государственные расходы на оборону» представлена в виде процента от ВВП, рассчитанного Всемирным банком за 2014 г. (за исключением данных об Исландии за 2012 г.). Этот показатель включает в себя расходы государства на правительственные учреждения, занимающиеся оборонными проектами, на военизированные организации, космическую военную деятельность.

- Степень защищенности населения государством обозначена количеством сотрудников полиции на 100 000 человек согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности за 2013 г. (за исключением данных о Белоруссии за 2004 г., Украины за 2010 г., Ирландии за 2012 г.).

Эмпирические результаты

В качестве метода анализа была использована логистическая регрессия³. Результаты статистического анализа приведены в таблице № 1. Из переменных, соответствующих первой гипотезе, статистически значимым показателем стал уровень иммиграции. Следовательно, чем выше количество прибывшего населения в страны Европы, тем выше там уровень терроризма. Вторая гипотеза оказалась полностью незначимой, что говорит о невлиятельности институциональных факторов на уровень терроризма в европейском масштабе в целом. В обеих моделях мультиколлинеарность переменных отсутствует. Псевдо R-квадрат первой модели равен 0.34, а второй – 0.25, что для логистической модели является неплохим результатом.

³ Стоит отметить, что изначально предполагалось использовать для анализа линейную регрессионную модель. Однако в некоторых случаях зависимая переменная – индекс уровня терроризма – была равна нулю (данные значения были у территориально небольших развитых стран Западной Европы), что не позволило изменить ненормальность остатков модели путем трансформации по Боксу-Коксу. Поэтому было принято решение трансформировать зависимую переменную в бинарное значение.

Таблица 1. Источники террористической активности в сравнительной перспективе

Зависимая переменная: уровень терроризма (бинарная переменная)		
	(1)	(2)
Индекс развития потенциала	0.204 (0.77)	
Индекс Джини	-0.008 (0.116)	
Уровень безработицы	0.097 (0.097)	
Уровень иммиграции	1.059e-05 * (5.697e-06)	
Ограниченность прав и свобод		1.164 (0.802)
Индекс восприятия коррупции		0.062 (0.039)
Государственные расходы на оборону		0.558 (0.634)
Количество полицейских на душу населения		0.007 (0.005)
Псевдо R-квадрат (Nagelkerke)	0.34	0.25
Выборка	33	33

Обозначения уровней значимости: * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$. Стандартные ошибки в скобках.

В связи с тем, что выборка модели крайне мала, а независимых переменных много, необходимо оставить в моделях меньшее число переменных. Тестирование наилучшей модели (использование функции *step*) оставило в первой модели только одну значимую переменную – уровень иммиграции. Диагностика данной модели показала, что самым большим выбросом («наблюдением, которое плохо предсказывается моделью» [3: 275]) является Польша. Наиболее влиятельным наблюдением, оказывающим «непропорционально большое влияние на значения параметров модели» [3: 277], стала Германия. После удаления этих стран из выборки изменяется результат регрессионного анализа: значимость уровня иммиграции увеличивается. При тестировании модели путем робастной логистической

модели, устойчивой к выбросам и влиятельным наблюдениям, переменная «уровень иммиграции» остается значимой.

Согласно аналогичной проверке второй модели, было выявлено, что наилучшая модель содержит три переменные – степень защиты прав и свобод, уровень коррупции и уровень защиты населения, однако они также незначимы. Наибольшим выбросом модели оказалась Франция. Влиятельными наблюдениями (с наибольшей дистанцией Кука) стали Франция, Италия, отнесенные к числу наиболее свободных стран по рейтингу *Freedom House*, при этом там присутствует высокая террористическая активность. Обновленная логистическая регрессия (см. табл. 2), исключая из выборки эти страны, выявила статистическую значимость индекса восприятия коррупции, а также маргинальную значимость ограниченности прав и свобод и количества полицейских на душу населения. Кроме того, после удаления влиятельных наблюдений вторая модель стала объяснять наибольшую долю дисперсии зависимой переменной. Тестирование модели путем робастной логистической модели не показало значимости ни одной институциональной переменной.

Таким образом, уровень терроризма выше в странах с высоким уровнем иммиграции, а также в высококорруптированных государствах.

Таблица 2. Источники террористической активности в сравнительной перспективе

Зависимая переменная: уровень терроризма (бинарная переменная)		
	(1)	(2)
Уровень иммиграции	1.852e-06 *** (6.714e-07)	
Ограниченность прав и свобод		2.152 * (1.164)
Индекс восприятия коррупции		0.105 ** (0.053)
Количество полицейских на душу населения		0.01 * (0.01)
Псевдо R-квадрат (Nagelkerke)	0.23	0.35
Выборка	31	31

Обозначения уровней значимости: * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$. Стандартные ошибки в скобках.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что на террористическую активность в европейских странах в наибольшей степени влияет количество иммигрантов. Данный результат согласуется с тенденцией повышения уровня экстремизма и терроризма в Европе после наплыва беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Политический конфликт на Востоке, возникший в том числе из-за недовольства некомпетентным управлением и отсутствием демократических институтов, был усугублен широкой распространенностью военных технологий, ставших доступными в результате глобализации и модернизации [2]. Кроме того, недовольство миграционной политикой приводит к увеличению поддержки крайне правых политических сил. В 2015 г. в Европейском парламенте образовалась националистическая фракция «Европа наций и свобод», которая заняла 5,2% мест [11], выступающая за ограничение миграции. Скептические настроения к иммигрантам наблюдаются и в России, где только 39% населения относятся к приезжим из других стран «без опаски и настороженности» [4]. Подобное недоверие к мигрантам и рост националистических настроений могут являться причиной проявления локального терроризма.

Одной из детерминант терроризма оказалось отсутствие прав и свобод в стране. В данном контексте У. Бек говорит о новой политической культуре, при которой государство сохраняет монополию только во внешней и военной политике, утрачивая влияние в других областях [1: 292–294]. Новые политические институты (в первую очередь некоммерческие организации) и активные граждане наряду с государством реализуют соблюдение гражданских свобод. Данный результат соответствует результатам исследования А. Абэди, который объяснил высокий уровень терроризма в странах с ограниченными правами и свободами особенностями демократического транзита [6: 55–56].

Проведенный анализ позволяет говорить о высокой угрозе глобальных изменений (в частности – высокой иммиграции в страны Европы), происходящих в результате глобализации и модернизации, которые могут привести к необратимым последствиям, одним из которых является терроризм.

Источники

1. *Бек У.* (2000). Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция.
2. *Доннелли К.* (2003). Европейская безопасность: новые вызовы и новые ответы // Вестник Европы. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/don.html> (дата обращения: 25.04.2016).
3. *Кабakov Р.И.* (2014). Р в действии. Анализ и визуализация данных в Р. М.: ДМК Пресс.
4. Об отношении к мигрантам — внутренним и внешним (2014). ФОМ. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/11566> (дата обращения: 25.04.2016).
5. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (2008). Права человека, терроризм и борьба с терроризмом. Женева. (Изложение фактов № 32). URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/Factsheet32ru.pdf> (дата обращения: 25.04.2016).
6. *Abadie A.* (2006). Poverty, political freedom, and the roots of terrorism. *American Economic Review Papers and Proceedings*. 96 (2). P. 50–56.
7. *Beck U.* (2002). The Terrorist Threat: World Risk Society Revisited. *Theory Culture Society*. 19 (4). P. 39–55.
8. *Bove V., Brauner J.* (2014). The demand for military expenditure in authoritarian regimes. *Defence and Peace Economics*. DOI: 10.1080/10242694.2014.925325.
9. European Commission (2015). Public opinion in the European Union. Report. (Standard Eurobarometer 83). URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm (дата обращения: 25.04.2016).
10. *Krieger T., Meierrieks D.* (2011). What causes terrorism? *Public Choice*. 147 (1). P. 3–27.
11. *Samuel H.* Marine Le Pen forms far-Right group in European Parliament (2015). *The Telegraph*. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/11678565/Marine-Le-Pen-forms-far-Right-group-in-European-Parliament.html> (дата обращения: 25.04.2016).
12. *Terrorism* (2015). *A Dictionary of Sociology* (4 ed.). Ed. by J. Scott. Oxford University Press. URL: <http://www.oxfordreference.com> (дата обращения: 25.04.2016).
13. United Nation Statistic Division (2013). Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings. URL: <http://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49regin.htm> (дата обращения: 25.04.2016).

Хотят ли русские войны? Институциональные причины «неофициального» участия российских военнослужащих в вооруженных конфликтах

Аннотация

В работе рассматриваются отношения российских офицеров к их настоящему и возможному политическому участию и соотношение данного феномена с политическим режимом России. Дана краткая история развития гражданско-военных отношений в позднем СССР и России, описаны процессы взаимодействия армии и политики. Также был проведен пробный анкетный опрос служащих и проанализированы его результаты: в целом были сделаны выводы об избирательном отношении к новой власти при революционной ее смене, а также о наличии специфической политической роли военнослужащих.

Abstract

In the course work the attitudes toward Russian officers' present and possible political participation in the modern Russian political regime context are examined. The brief history of civil-military relations' in late USSR and Russia is given as well as Russian officers involvement in political process are being described. In conclusion the analysis of answers on questionnaire survey using several methodological techniques is given: Russian military officers could influence the development of Russian political situation especially during political crises, that is why they have specific role in Russian political regime context.

Введение

Данная работа является адаптированной версией курсовой работы автора за 2-й курс. Тем не менее рассматриваемая в ней тема в настоящее время получает новую актуальность в связи с появляющимися

¹ Шамиев Кирилл (kirillshamiev@gmail.com) – студент 3-го курса отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ СПб.

социологическими исследованиями по поводу участия людей с военным прошлым в военизированных политических событиях на постсоветском пространстве². Изначально базовая работа рассматривалась автором с точки зрения изменения гражданско-военных отношений в авторитарном государстве, однако цель настоящей статьи — привлечение внимания исследователей к проблеме неофициального участия бывших или действующих военнослужащих в вооруженных конфликтах, не являющихся полем действия вооруженных сил Российской Федерации.

По своему назначению армия призвана защищать государство или вести наступательные действия, но она является также специфическим политическим институтом. Существует мнение, что российские военнослужащие не склонны участвовать в политической борьбе: если происходит смена власти, то армия занимает сторону победившей стороны и продолжает исполнять свои обязанности³. Но так ли это на самом деле? В настоящем исследовании планируется ответить на следующий вопрос: имеется ли у представителей Вооруженных сил Российской Федерации (ВС РФ) политическая субъектность, и если да, то насколько она согласуется с установившимся в стране политическим статус-кво?

Существующий в России политический режим некоторые ученые называют электоральным авторитаризмом⁴. Основными характеристиками такого режима являются низкий уровень репрессивности, опора на институциональные основы, сочетание орудий господства вместе с динамикой спроса и предложения на политическом рынке. Ученые сходятся во мнении, что российский электоральный авторитаризм также характеризуется ограничениями и барьерами на выборах, беспомощностью политических партий, цензурируемыми СМИ, контролем над законодательными органами власти, отсутствием честных судов, коррупцией и чрезмерным вмешательством государства в экономику⁵. Можно предположить, что военные в таком режиме должны быть под полным контролем правительства и иметь исключительно подчиненную позицию.

² Рожденные войной: биографии полевых командиров. URL: <http://ru.krymr.mobi/a/27662994.html> (дата обращения: 28.03.2016).

³ Коновалов А.А. Безопасность России: угрозы внешние и внутренние // Семинар «Я – думаю!», фонд «Либеральная миссия». URL: <http://www.liberal.ru/seminars/cat/6265> (дата обращения: 28.11.2014).

⁴ Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. 2012. № 4. С. 1.

⁵ Там же. С. 2–3.

Заняв президентский пост, В.В. Путин смог быстро подчинить армию своему контролю. Некоторые авторы показывали, что вооруженные силы и президент состоят в полном согласии⁶. Данное утверждение, однако, необходимо проверить. Гипотезой исследования является предположение, что российские офицеры обладают своими собственными взглядами на политическую обстановку в стране и в случае стечения определенных факторов могут влиять на ее изменение.

Объектом исследования является политическая активность военнослужащих Российской Федерации Западного военного округа и гражданских политиков в существующем политическом режиме.

Предмет исследования — отношение российских офицеров к их настоящему и гипотетическому политическому участию в качестве представителей ВС РФ и соотношение данного феномена с существующим в стране статус-кво.

Цель работы состоит в определении политических взглядов российских военнослужащих и оценке того, насколько они согласуются с установившимся политическим режимом в стране.

Методом сбора данных для работы является анкетный опрос действующих офицеров ВС РФ. Анкета является полузакрытой с закрытыми, открытыми и альтернативными вариантами ответа на вопросы. В.А. Ядов назвал метод опроса «почти универсальным», который «позволяет мысленно моделировать любые нужные экспериментатору ситуации»⁷. Тем не менее недостатком этого метода является то, что респонденты не всегда отвечают честно, а их мнения могут подвергаться влиянию со стороны сиюминутных факторов, тем самым искажаются результаты⁸. При помощи исторического неинституционализма и логики *path dependency*⁹ я буду интерпретировать полученные результаты.

Под лояльностью в настоящей работе понимается внешняя готовность к подчинению законам, приказам, постановлениям органов власти. Определенная политическая и социальная ситуация, следующим этапом которой является частичное или полное неподчинение военнослужащих гражданским начальникам, называется в статье пределами лояльности.

⁶ Barany Z. Civil-Military Relations and Institutional Decay: Explaining Russian Military Politics // Europe-Asia Studies. Vol. 60. N 4. P. 594.

⁷ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М., 2007. С. 234.

⁸ Там же.

⁹ Hall P., Taylor R. Political Science and Three New Institutionalism // Political Studies. 1996. P. 937.

Под понятием «политической субъектности» понимается потенциальная возможность военнослужащих выступать в роли политических акторов с использованием своих служебных полномочий.

1. Теоретическая рамка

Данная тема рассматривается в рамках исторического неинституционализма и логики *path dependency* и «разрушения институтов»¹⁰. Дуглас Норт определяет институты как набор правил, процедур их выполнения и морально-этических норм, созданных для ограничения поведения индивидов в интересах максимизации эффективности или благосостояния¹¹. Вивьен Шмидт показывает, что при помощи исторического неинституционализма можно исследовать последовательность развития институтов, происхождение политических событий, фаз политических изменений. Данный подход позволяет проследить становление тех или иных институтов, асимметрию распределения власти и выделить определенные последствия такого исторического развития¹². При помощи логики *path dependency* объясняются определенные изменения, происходившие и происходящие в сфере политического участия военных. Золтан Бараны определяет «разрушение институтов» как процесс эрозии и распада правил и норм, с помощью которых государственные институты функционировали. Важно также отметить, что автор понимает под правилами формальные, написанные правила – например, законы, а под нормами – неформальные правила поведения, исходящие из культурных и исторических предпосылок¹³.

2. Гражданско-военные отношения в современной России

2.1. Процесс развития гражданско-военных отношений в России

Одним из наиболее известных экспертов в области российской военной политики и гражданско-военных отношений в Восточной Европе является Золтан Бараны. В одной из своих работ он отметил, что с распадом Советского Союза важная часть российских военнослужащих, большинство из которых высокопоставленные офицеры,

¹⁰ Barany Z. Civil-Military Relations and Institutional Decay: Explaining Russian Military Politics // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. N 4. P. 589.

¹¹ North D. Structure and Change in Economic History. NY. 1981. P. 149–159.

¹² Schmidt V.A. Give Peace a Chance: Reconciling Four (not Three) New Institutionalisms. Ideas and Politics in Social Science Research. URL: http://citation.allacademic.com/meta/p152814_index.html (дата обращения: 01.04.2015).

¹³ Barany Z. Op. cit. P. 585.

стала политически активной: российские генералы участвовали в выборах, политики сталкивались с неподчинением популярных офицеров, военные лидеры публично критиковали гражданских и военных начальников, в некоторых случаях даже успешно противостояли государственным решениям, не говоря уже об обмане своих гражданских начальников. Тем не менее автор показывает, что важно различать политическую активность военных и их влияние на политический курс. Золтан Бараны показывает, что и степень политического участия военных, и их возможности влиять на политический курс менялись на протяжении всей постсоветской истории России¹⁴. Специалисты в области гражданско-военных отношений показывают, что эти изменения происходили по трем причинам. Во-первых, по мнению ряда авторов, в новых демократиях правительства стараются уменьшить «исключительные прерогативы военных» — например, лишить их контроля над военным бюджетом или безнаказанности за нарушения прав человека. Однако, как показывает Дебора Норден, это может быть рискованно для правительств, так как военная элита может не только перестать подчиняться и саботировать политические решения, но и открыто противостоять власти (как, например, в Аргентине в середине 1980-х гг.). Тем не менее если данные привилегии останутся в демократическом обществе, то существует вероятность влияния военных на политику и создание неравных отношений между гражданско-военными структурами. Так, Дебора Норден показывает, что в демократических режимах правительства стремятся организационно отделить армию от государственной политики, чтобы компетентные военные начальники имели определенную степень автономии в сфере военной службы, чтобы армия всегда оставалась политически нейтральной, несмотря на смены правительств, однако в то же самое время политические лидеры стараются установить связь с высшими военными начальниками¹⁵.

Во-вторых, в таких странах, как Советский Союз, военные были важным политическим фактором, однако они никогда не были независимыми от Коммунистической партии, поэтому с распадом СССР необходимо было изменить модель гражданско-военных отношений¹⁶. Эрик Нордлингер называет отношения советской власти и армии «моделью проникновения» — политические лидеры идеологически «проникают» в армию, чтобы усилить близость политики

¹⁴ Ibid. P. 581–604.

¹⁵ Norden D.L. Democratizing Revolutionary Soldiers: Politicized Militaries and Democratic Transitions in Latin America. 2014. FLACSO-ISA Conference Buenos Aires. July 24–27. 2014. P. 4.

¹⁶ Barany Z. Op. cit. P. 582.

и армейских отношений. Однако при таком сценарии существует возможность необходимости смены высшего руководства армии в случае изменения состава политических лидеров¹⁷. В Советской армии идеологическое «проникновение» организовывали при помощи обязательного политического просвещения военных, института политических руководителей и абсолютной монополии Коммунистической партии в СМИ. В августе 1991 г. в результате провала ГКЧП на посту министра обороны СССР вместо Д.Т. Язова оказался Е.И. Шапошников, а уже после распада Советского Союза министры обороны Российской Федерации на протяжении 1990-х гг. менялись семь раз. Также некоторые авторы говорят, что, несмотря на развал Советского Союза, политический контроль над армией не уменьшился – всё те же институты 3-го управления КГБ, Главного политуправления просто поменяли названия, переписали положения и уставы и переподчинились Президенту РФ¹⁸.

В-третьих, даже в 1990-х гг., когда состояние армии (резко урезанный бюджет, негативное отношение политиков и СМИ, рост непопулярности армии в обществе) было таким, что гипотетически мог произойти военный бунт, ряд представителей высшего командного состава не был заинтересован в свержении правительства, а, наоборот, проявил гибкость в отношениях с гражданскими начальниками¹⁹. Данный факт объясняет Браян Тейлор, показывая, что организационная культура советских и российских офицеров такова, что военное вмешательство против гражданских лидеров рассматривается офицерами как абсолютно неприемлемое. Несмотря на наличие легитимных возможностей захвата власти, российские генералы не позволяли, как говорит Тейлор, принять модель военного поведения третьего мира²⁰.

2.2. Гражданско-военные отношения от СССР до В.В. Путина

Рассматривая историю развития гражданско-военных отношений в Советском Союзе, Золтан Бараны показывает, что главными правилами поведения и целями военнослужащих были защита и продвижение партийно-государственных интересов; безусловная лояльность и подчинение КПСС военными начальниками; избегание активного политического участия, критики политиков

¹⁷ *Stepan A.* Rethinking Military Politics: Brazil and the Southern Cone. Princeton. 1988. P. 100.

¹⁸ *Узакбаев Т.А.* Формирование системы демократического контроля над сектором безопасности Российской Федерации: основные проблемы и перспективы // Вестник КРСУ. 2007. Т. 7. № 7. С. 111.

¹⁹ *Barany Z.* Op. cit. P. 581–604.

²⁰ *Taylor B.D.* Politics and the Russian Army, N.Y. 2003. P. 334.

и руководства; аккуратное обращение с государственным имуществом; запрет на использование военной субординации в личных целях²¹. Золтан Бараны утверждает, что до президентства М.С. Горбачева публичная критика государственной политики или неподчинение гражданским начальникам военными офицерами выходила за рамки норм гражданско-военных отношений. Однако политическая реформа М.С. Горбачева позволила тогда еще советским военным, которые разделились на лагеря от продемократических до консервативно-коммунистических, участвовать в политике, но большинство военных были сторонниками наиболее для них благоприятного позднего брежневского периода. Таким образом, главными итогами гражданско-военной политики М.С. Горбачева стали проявление невиданной до того времени политической активности некоторыми военными, их участие и победа на выборах²².

Когда Б.Н. Ельцин стал президентом России, многие исследователи предполагали, что он попытается пресечь политическую активность военных и провести курс на деполитизацию армии, как это произошло во многих других постсоциалистических странах²³. Частично это было осуществлено: указом № 418 Б.Н. Ельцин ликвидировал Главное политическое управление, которое в советское время было основным рупором коммунистического контроля над армией. Как отмечает Дэйл Херспринг, политические руководители (политруки) также выполняли другую важную функцию – поддержку морали в советских солдатах и офицерах, что также не могло не отразиться на политической активности военных²⁴. Однако Б.Н. Ельцин позволил закрепить в законе «Об обороне» право военнослужащих быть избранными в органы государственной или муниципальной власти²⁵, тем самым институционализовав наметившиеся при М.С. Горбачеве тенденции. Золтан Бараны называл данный процесс разрушением институтов – принимались такие шаги, которые не остановили политизацию армии, а, наоборот, усилили ее²⁶: например, офицерам было разрешено занимать государственные должности, одновременно неся службу в армии, что в последующем создало проблемы отчетности и конфликты

²¹ Barany Z. Op. cit. P. 586.

²² Там же. С. 587.

²³ Barany Z. Op. cit. P. 588.

²⁴ Herspring D.R. Undermining Combat Readiness in the Russian Military, 1992–2005 // *Armed Forces and Society*. 2006. Vol. 32. N 4. P. 515.

²⁵ Закон Российской Федерации от 24.09.1992 № 3531-1 «Об обороне» // *Ведомости СНД РФ и ВС РФ*. 1992. № 42. Ст. 2331 (утратил силу).

²⁶ Barany Z. Op. cit. P. 588.

интересов²⁷. Дэйл Херспринг показал, что Б.Н. Ельцин опасался вооруженных сил, приравняв гражданский контроль над военными к президентскому, однако не смог противостоять консервативным генералам в проведении реформ²⁸. Таким образом ВС РФ вступили в XXI в. неподготовленными и в некотором смысле неподконтрольными.

2.3. Гражданско-военные отношения при В.В. Путине

Отношение российского правительства к политическому участию российских военных резко поменялось при президентстве В.В. Путине. Золтан Бараны говорит, что во время чрезвычайного возвышения аппарата госбезопасности роль военных офицеров в политике резко уменьшилась. Автор показывает, что в тот период В.В. Путин пользовался огромной популярностью, чем он мог воспользоваться для реформирования гражданско-военных отношений в более демократическое русло. Однако президент, наоборот, укрепил курс российской военной политики, назначая высокопоставленных офицеров на важные политические должности, освобождая места в государственном аппарате для бывших высших офицеров и даже фактически позволив военным предотвратить радикальные реформы в их сфере²⁹. Тем не менее ошибочно будет утверждать, что В.В. Путин не влиял на гражданско-военные отношения. Золтан Бараны выделяет следующие изменения, произошедшие при первом сроке президентства В.В. Путина: несмотря на некоторые привилегии, предоставленные отдельным офицерам, глава государства все равно публично продолжал критиковать вооруженные силы — особенно за коррупцию — и принимать меры, определенно не нравившиеся генералитету; офицерам повысили зарплаты, однако одновременно и отменили большое количество льгот: льготные проездные, жилье, пайки, уменьшены пенсии. В.В. Путин также приказал российским военным содействовать американским коллегам в переброске сил в Афганистан, передав для этого несколько российских баз в среднеазиатских республиках СНГ³⁰, что для офицеров, которые несколько лет испытывали унижение от поражения в холодной войне с США после распада СССР, было неприятно. Таким образом, изменения в гражданско-военных отношениях при В.В. Путине можно назвать выгодными для обеих сторон: военные получили дополнительное

²⁷ *Barylski R.* The Soldier in Russian Politics. N.B. 1998. P. 231.

²⁸ *Herspring D.R.* Op. cit. P. 526–527.

²⁹ *Barany Z.* Op. cit. P. 593.

³⁰ Там же. С. 595.

финансирование при определенных условиях, в то время как политически активные офицеры постепенно удалялись из политического поля, зачастую получая за это статусные посты в органах власти³¹. Целями происходившего процесса некоторые авторы считали создание милитократии, основанной на авторитарных методах Советского Союза и армейских способах управления. Эти исследователи приводят статистику, которая показывает, что 25% всех представителей элит (федеральных, региональных, правительственных, Федерального Собрания) в 2003 г. являлись бывшими силовиками³². Однако, как мы видим сегодня, это не совсем так. Беттина Ренц показывает, что на самом деле роль военных в России при В.В. Путине не столь велика. Автор приходит к выводу, что, во-первых, развитие политической системы при первом сроке В.В. Путина было на таком уровне, что лучшим вариантом для рекрутинга элиты вокруг себя могли быть лишь личные контакты с доверенными лицами из силовых структур, а целей создания полицейского государства или милитократии не было. Во-вторых, Ренц показывает, что сама по себе политическая группа «силовики» не являлась цельной: у них не было лидеров, они не контактировали в публичной сфере, и нет свидетельств совместной координации их действий³³.

3. Эмпирическая часть работы

По результатам эмпирического анализа можно сделать следующие выводы:

1. Гипотеза о том, что российские офицеры обладают отличными от официальной позиции взглядами на политическую обстановку в стране и в случае стечения определенных факторов могут влиять на ее изменение, подтверждается в данной выборке. Также опрос показал, что 25% (13 человек) считают, что армия всегда или в определенных обстоятельствах может принимать участие в разрешении политических кризисов, хотя 51% (19 человек) категорически против данных действий.

2. Можно также сказать, что у офицеров ВС РФ присутствует политическая субъектность. Результаты опроса показали, что респонденты готовы и в некоторых случаях считают правильным свое участие в политических событиях в роли политически активных военнослужащих.

³¹ Там же.

³² *Kryshstanovskaya O., White S. Putin's Militocracy // Post-Soviet Affairs. 2003. Vol. 19. N 4. P. 289–306.*

³³ *Renz B. Putin's Militocracy? An Alternative Interpretation of Siloviki in Contemporary Russian Politics // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. N 6. P. 903–924.*

Заключение

В рамках данного исследования была проведена работа по изучению научных источников, законов РФ, СМИ, а также получен эмпирический материал из достаточно закрытой для исследования профессиональной группы. Безусловно, полученная выборка (35 респондентов) не позволяет генерализировать результаты. Тем не менее результаты можно использовать как индикатор для дальнейшего более углубленного изучения.

Прежде всего следует сказать, что с точки зрения исторического неоинституционализма процесс «разрушения институтов» в армии остался. Это подтверждается тем, что лишь 25% опрошенных офицеров ответили, что армия должна сохранять нейтралитет при политических кризисах, тогда как 49% не являются сторонниками категорического отказа от участия ВС РФ в разрешении этих кризисов, что может говорить о наличии у армейских офицеров готовности к тому, чтобы участвовать в качестве военнослужащих в политике, и о наличии у них политической субъектности.

Также заметна непроработанность темы участия ВС РФ в кризисе 1993 г., что может являться причиной наличия принципиально разных позиций по поводу как политического участия военнослужащих в целом, так их отношения к событиям октября 1993 г. Можно сделать вывод, что институт армии в настоящий момент не обеспечивает такую работу с личным составом, чтобы указанное ранее распространенное мнение о том, что военнослужащие не готовы участвовать в политике, подтвердилось. Данный вывод можно использовать с целью совершенствования политико-педагогического образования в ВС РФ.

Во-вторых, можно сделать вывод и о том, что логика *path dependency* здесь также может применяться. Согласно опросу, процессы, выделенные в теоретической части настоящей работы, продолжают уже внутри института вооруженных сил: несмотря на внешний образ политического абсентеизма армии, в опросах заметно, что офицерский корпус потенциально готов выступить в качестве силы в определенных политических ситуациях, однако в публичном секторе, безусловно, сегодня представители ВС РФ не столь активны, как десять лет назад.

Все вышеперечисленные выводы позволяют подвести итог, что в условиях российского политического режима институт армии может использоваться в качестве инструмента различными политическими силами – результаты исследования подтверждают это. Роль ВС РФ в контексте российского политического режима определенно нельзя

сводить только к указанным в законе «Об обороне» функциям³⁴, однако пределы лояльности у современных ВС РФ существуют, установка которых может являться следующим исследованием в данной малоизученной области политологии.

Таким образом, с точки зрения современных вызовов мы можем заметить, что проблема с неформальным участием военнослужащих ВС РФ в военизированных конфликтах может иметь свои корни в особенностях функционирования института армии в современной России, а именно в процессе «разрушения института» по вопросу неучастия военнослужащих в каких-либо «неофициальных» для российской армии конфликтах.

Источники

1. Законы и иные правовые акты

1.1. Внутригосударственные правовые акты:

1.1.1. Федеральный закон Российской Федерации от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

1.1.2. Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.1995 № 61-ФЗ «Об обороне» // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

1.1.3. Федеральный закон РФ от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

1.2. Правовые акты, утратившие юридическую силу:

1.2.1. Закон Российской Федерации от 24.09.1992 № 3531-1 «Об обороне» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2331.

2. Специальная литература

2.1. Книги:

2.1.1. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Омега-Л, 2007.

2.2. Статьи:

2.2.1. Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. 2012. № 4. С. 65–88.

2.2.2. Копылов И.А. Армия и политика в современном мире // Власть. 2011. № 2. С. 80–83.

2.2.3. Узакбаев Т.А. Формирование системы демократического контроля над сектором безопасности Российской Федерации: основные проблемы и перспективы // Вестник КРСУ. 2007. № 7. С. 111–115.

³⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.1995 № 61-ФЗ «Об обороне» // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

3. Зарубежная литература

3.1. Книги:

3.1.1. *Stepan A.* Authoritarian Brazil: Origins, Policies and Future. New Haven: Yale University Press. 1973.

3.1.2. *Stepan A.* Rethinking Military Politics: Brazil and the Southern Cone. Princeton: Princeton University Press, 1988.

3.1.3. *Stepan A.* The Military in Politics: Changing Patterns in Brazil. Princeton: Princeton University Press. 1971.

3.1.4. *Barylski R.* The Soldier in Russian Politics: Duty Dictatorship and Democracy Under Gorbachev and Yeltsin. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1998.

3.1.5. *North D.* Structure and Change in Economic History. New York: Norton, 1981.

3.1.6. *Taylor B.* Politics and the Russian Army. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

3.2. Статьи:

3.2.1. *Peters B.G.* Institutional Theory: Problems and Prospects // Political Science Series. 2000. Vol. 69. P. 1–18.

3.2.2. *Geddes B., Frantz E., Wright J.G.* Military rule // Annual Review of Political Science. 2014. Vol. 17. P. 147–162.

3.2.3. *Lambeth B.S.* Russia's Wounded Military // Foreign Affairs. 1995. Vol. 74. N 2. P. 86–98.

3.2.4. *Renz B.* Putin's Militocracy? An Alternative Interpretation of Siloviki in Contemporary Russian Politics // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. N 6. P. 903–924.

3.2.5. *Herspring D.R.* Undermining Combat Readiness in the Russian Military, 1992–2005 // Armed Forces and Society. 2006. Vol. 32. N 4. P. 513–531.

3.2.6. *Lieuwen E.* The Military: A Revolutionary Force // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 334. P. 30–40.

3.2.7. *Embree G.* RSFSR Election Results and Roll-Call Votes // Soviet Studies. 1991. Vol. 43. N 6. P. 1065–1084

3.2.8. *Goldstein J.* Ideas, Institutions, and American Trade Policy // International Organization. 1988. Vol. 42. Issue 1. P. 179–217.

3.2.9. *Bradshaw N.F.* The Role and Disposition of Military Forces in the Russian Federation // GeoJournal. Vol. 34. N 2. P. 155–166.

3.2.10. *Kryshchanovskaya O., White S.* Putin's Militocracy // Post-Soviet Affairs. 2003. Vol. 19. N 4. P. 289–306.

3.2.11. *Hall P., Taylor R.* Political Science and Three New Institutionalism // Political Studies. 1996. Vol. 44. Issue 5. P. 936–957.

3.2.12. *Finer S.E.* The Retreat to the Barracks: notes on the practice and the theory of military withdrawal from the seats of power // Third World Quarterly. Vol. 7. № 1. P. 16–30.

3.2.13. *Biddle S., Long S.* Democracy and Military Effectiveness: A Deeper Look // The Journal of Conflict Resolution. Vol. 48. N 4. P. 525–546.

3.2.14. *Barany Z.* Civil-Military Relations and Institutional Decay: Explaining Russian Military Politics // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. N 4. P. 581–604.

3.2.15. *Barany Z.* Superpresidentialism and the Military: The Russian Variant // Presidential Studies Quarterly. Vol. 38. N 1. P. 14–38.

3.2.16. *Barany Z.* The Politics of Russia's Elusive Defense Reform // Political Science Quarterly. Vol. 121. N 4. P. 597–627.

3.3. Материалы конференций:

3.3.1. *Deborah L. Norden.* Democratizing Revolutionary Soldiers: Politicized Militaries and Democratic Transitions in Latin America. 2014 FLACSO-ISA Conference.

4. Электронные ресурсы

4.1. *Коновалов А.А.* Безопасность России: угрозы внешние и внутренние // Семинар «Я – думаю!», фонд «Либеральная миссия». URL: <http://www.liberal.ru/seminars/cat/6265> (дата обращения: 28.11.2014).

4.2. Марш «Славянки» по паркету // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2011/09/22/makarov.html> (дата обращения: 29.03.2015).

4.3. *Башарова С.* Выступление обманутых полков // Новые известия. URL: <http://www.newizv.ru/society/2011-05-23/145016-vystuplenie-obmanutyh-polkov.html> (дата обращения: 17.12.2014).

4.4. *Vivien A. Schmidt.* Give Peace a Chance: Reconciling Four (not Three) New Institutionalisms // Ideas and Politics in Social Science Research. URL: http://citation.allacademic.com/meta/p152814_index.html (дата обращения: 01.04.2015).

Non-compliance behavior в Европейском Союзе через призму конструктивизма: на примере принятия антироссийских санкций и миграционного кризиса

Аннотация

В работе рассматривается, как ведут себя государства-члены Европейского Союза в ситуациях, когда принятое общеевропейское решение является невыгодным для них. Теория конструктивизма позволяет понять тип взаимоотношений между странами и степень их идентичности, вводя понятие нормы и ценности.

Abstract

Behavior of members of EU in situations when common decision is unprofitable for them is considered in this paper. Constructivism help understand the type of relations between the members and the level of their identity using such concepts as norms and values.

Основные вопросы IR через призму конструктивизма

Чтобы начать свое эссе, я использую достаточно банальный подход: сделаю отсылку к корням конструктивизма. Несмотря на некую тривиальность, считаю данный способ одним из самых лучших, так как он помогает понять природу феномена через осознание причин и условий его появления. Эммануил Адлер отмечает, что достаточно распространено мнение о том, что «конструктивизм был результатом третьих дебатов в теории международных отношений и окончание холодной войны сделало его популярным» [11: 133], так как другие теории не предсказывали такого исхода событий. Конструктивизм был новым ответом на стоящий перед научным сообществом вызов.

¹ Шенцева Таисия (tayashentceva@gmail.com) – студентка 3-го курса отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ СПб.

Он объяснял происходящие изменения, такие как глобализация, интернет и уменьшение значимости суверенитета при одновременном повышении значимости знаний. Однако в действительности данный период был периодом роста популярности, а не временем возникновения теории. Этому предшествовали столетия исследования в данном направлении, начало которых можно отнести даже к Иммануилу Канту, которого иногда называют «величайшим пионером конструктивизма» [11: 130]. Отголоски конструктивизма стали проникать в теорию международных отношений «как минимум за 10 лет до окончания холодной войны» [11: 133], но на самом деле происхождение конструктивизма настолько запутано, что «здесь нет места для его интеллектуальной истории» [11: 130].

Конструктивизм является социальной теорией. В первую очередь это означает, что его последователи не склонны недооценивать влияние социальных факторов на поведение субъектов. Основная идея данной концепции заключается в том, что «люди действуют по отношению к объектам, в том числе и по отношению к другим акторам, основываясь на том значении, какое объекты имеют для них» [26]. В этом смысле есть два ключевых слова – уместность и идентичность. Через идентичности акторы конструируют свою роль и роль других. Через понятие уместности актер выбирает, какое поведение является правильным для группы, к которой он или она принадлежит. Чтобы описать конструктивизм глубже, мы затронем главные для IR-теории вопросы и обозначим, что о них думают последователи указанного направления.

Первая тема, которую мы обсудим, – это сила. Конструктивисты не нивелируют значение силы. Они просто думают, что власть – это не только военные возможности. «Идеи тоже являются формой власти» [20]. Они имеют значение, потому что представляют возможность для создания связывающих дискурсов, которые оказывают влияние на поведение субъектов. Принимая такую точку зрения, конструктивизм утверждает, что именно обе – материальная и дискурсивная – силы «необходимы для любого объяснения международной реальности» [20].

Вопрос о том, каким образом государства взаимодействуют на международной арене, тесно связан с определением понятия интереса. Конструктивизм соглашается с тем, что различные субъекты имеют разные интересы, но утверждает, что «идентичность ограничивает и поощряет интересы» [20: 195]. Так, государства имеют разные интересы, имея разную идентичность, но в пределах одной они разделяют одинаковые интересы. Это важный тезис об идентичности

как об основе интересов, поскольку следующая идея заключается в том, что интересы являются социально зависимыми и формируются «в процессе определения ситуации» [26: 398].

Следующий важный момент — видение суверенитета и безопасности. Конструктивизм подчеркивает, что мир изменился и «нормы суверенитета теперь нечто само собой разумеющееся» [20: 413]. Государства могут меньше беспокоиться о выживании, о дилемме безопасности, относительной мощи и других вещах, о которых, по мнению реалистов, должны думать. Более уважительное отношение государств к территориальным правам других возникает, потому что есть понимание себя через понимание других и потому что стоимость нарушения суверенитета может быть действительно высока. Гарантированное наказание и поддержка со стороны «институциональной структуры международного сообщества» делают обещания соблюдать правила более убедительными [20: 415].

Мы затронули тему суверенитета и безопасности и не можем проигнорировать видение конструктивизмом структуры и анархии международных отношений. Разделяя точку зрения реализма, конструктивизм заявляет, что существует анархия как система с «отсутствием централизованной власти» [27]. Но есть не один, а три типа структуры, которые зависят от той роли, которую актер имеет. Согласно Александру Вендту, можно играть роль врага, соперника или друга, и только первый вариант создает систему, где каждый сам за себя [27], — именно он лежит в центре понимания анархии реализмом. Важно сказать, что конструктивизм понимает структуры в терминах социального. Это означает, что «субъекты принимают друг друга во внимание, делая выбор». Это связано с идентичностью, о которой мы будем говорить дальше [27: 249].

Идентичность и нормы, как мы думаем, являются одними из самых важных пунктов для понимания идеи конструктивизма. Социальные факторы оказывают влияние на поведение государств, и они «действуют <...> основываясь на значении, какое объекты имеют для них» [26: 397–398]. Культура, которую акторы разделяют, «может представлять собой конфликт или сотрудничество» [27: 251]. Выбор зависит от правил игры и степени доверия, что их партнер будет следовать им. По словам Вендта, актер может следовать правилам из-за силы, выгоды или легитимности, и каждая из этих причин соответствует роли врага, соперника или друга соответственно [27: 250]. Если акторы определяют друг друга как враги — это означает, что они не разделяют общие ценности и не принимают данные правила, так что единственным способом заставить их следовать им является

принуждение. Если акторы оценивают друг друга как конкуренты — это означает, что они не разделяют общие ценности, но понимают их, и для них более выгодно следовать правилам, чем не делать этого. И, наконец, если акторы оценивают друг друга как друзей — это означает, что они разделяют общие ценности и думают о них как о собственных. И следуют нормам, потому что верят в них [27: 259–298]. Мы обратили внимание на эту классификацию, потому что она тесно связана с практической частью нашего эссе, где мы увидим, как данные правила работают и как мы можем объяснить противоречия.

Non-compliance behavior и современные вызовы культуре друзей

Что представляет собой *non-compliance behavior*? Начнем с того, что можно разделить на две стадии процесс проведения реформы. Это период законодательного принятия решений и период его имплементации. В настоящий момент Европейский Союз включает 28 стран, которые, очевидно, не обладают идентичным размером, культурным наследием, политическим весом на международной арене и другими характеристиками. Значит, могут отличаться и их интересы, которые иногда невозможно учесть в равной мере при принятии какого-либо решения. Однако мы понимаем, что вступление в ЕС налагает на его членов определенные обязательства. Иными словами, если невыгодное для того или иного государства решение все же принято на общеевропейском уровне, то теоретически на данном этапе процесс борьбы за отстаивание собственных интересов для этой страны должен закончиться. Однако в реальном мире, когда мы не можем попасть куда-либо через главный вход, велико искушение попробовать зайти через черный ход. Герда Фалкер и ее соавторы говорят об отказе от имплементации общеевропейских решений на национальном уровне как о политическом протесте посредством черного хода. По мнению исследователей, если государство было «переголосовано» и оказалось в меньшинстве, тем самым потерпев поражение на уровне «загрузки» решения, оно может оказывать сопротивление на уровне его исполнения. В качестве примера авторы приводят кейс со Швецией, которая отказалась имплементировать в свое национальное законодательство Директиву о беременных рабочих [14: 6–9].

Чтобы продвигать свое видение на международной арене, ЕС должен быть «нормативно сплоченным и последовательным в своей политике». Нормативная сила ЕС стимулирует страну действовать согласно общим интересам из-за осознания, что партнеры ожидают от страны определенных действий и из-за страха репутационных издержек.

Ссылаясь на Купера в своей статье, Д.В. Офицеров-Бельский говорит, что в ЕС существует понятие «хорошей международной гражданственности как руководства для своей дипломатии» [7: 128].

Согласно этой точке зрения, мы ожидаем, что должны рассматривать ЕС через культуру друзей. Но если воспринимать ситуацию так, то члены ЕС должны принимать нормы как собственные и следовать им, однако в действительности мы видим другую картину. По словам Тани Борхзель, в ЕС есть проблема с «растущим non-compliance behavior» [13: 803–804]. Практически эта проблема видна в случае с миграционным кризисом, который мы собираемся исследовать.

«Европейский Союз согласовал план, против которого голосовали Венгрия и ряд других бывших коммунистических стран, разделить 120 000 беженцев среди своих членов» [25]. Страны приступили к реализации плана, но с октября ЕС стал сталкиваться с возникающими один за одним вызовами при имплементации. Так, Венгрия построила стальной забор вдоль границы с Сербией и Хорватией [22]. Кризис создал напряжение в отношениях между членами ЕС, и вера во взаимную поддержку была подорвана. Хорватия обвинила Словению в попытке свалить весь груз ответственности на Хорватию, так как «Словения сначала заявила, что может впускать до 8000 беженцев (ежедневно), затем цифра снизилась до 5000, затем до 2500, и теперь она была сведена к нулю» [25]. Словения заявила, что Хорватия ухудшает ее положение, «не обращая внимания на наши просьбы, наши планы» и, наконец, просто прекратив отвечать на телефонные звонки [25]. Ситуация набрала обороты, когда Словения и Хорватия «закрыли свои границы для большинства беженцев», после чего Сербия и Македония объявили о намерении предпринять аналогичные меры [12]. Это показывает, что миграционный кризис явился вызовом для европейской идентичности и особенно для «приверженности Европы Шенгенскому соглашению об открытых границах» [19]. С рациональной точки зрения легко понять, почему страны прибегли к таким мерам. 478 000 мигрантов прошли через Словению с октября, 1500 беженцев в настоящее время в Македонии и 1000 в Сербии [12]. Такое положение дел расценивается как «угроза европейско-христианскому и демократическому образу жизни» [22].

Более того, как показывают недавние события, все это может подорвать безопасность страны, и в данной ситуации становится невыгодно следовать общим правилам, что может объяснить их нарушение. Однако, согласно теории конструктивизма, такой объяснительной силой обладает конкурентный тип взаимоотношений. Получается, что страны являются частью союза, так как это несет

множество преимуществ, таких как свободное передвижение и торговля, но, сталкиваясь с недостатками, они готовы нарушить общие правила и ни о какой общей дружеской идентичности речи не идет. В целом мы могли бы закончить этими словами свои рассуждения на данную тему, однако на самом деле картина сложнее. Как минимум необходимо вспомнить ситуацию прошлого года, когда все страны поддержали решение об антироссийских санкциях. Согласно руководству о принятии и развитии ограничительных мер (санкций), санкции могут быть введены в рамках общей внешней политики и политики безопасности [18]. Это означает, что принятие решений о санкциях касается межправительственной сферы и требует единогласия. То есть теоретически любая страна могла заблокировать санкции, однако не сделала это, несмотря на то что они были крайне невыгодны многим государствам – членам ЕС. В частности, Россия являлась важным торговым партнером ФРГ с товарооборотом, по данным 2013 г., 76 млрд евро [8]. Финляндия, где Россия имеет «удельный вес в 13,9% от финского внешнеторгового оборота» [4], представляет отдельную историю.

Финляндия никогда не скрывала свою заинтересованность во взаимодействии с Россией. Так, в правительственном документе о политике ЕС за 2014 г. Финляндия выражает надежду на развитие отношений с РФ и подчеркивает интенсивность их взаимодействия [23]. Нужно отметить, что проект «Северного измерения» (СИ) – это одна из колонн, на которой строится сотрудничество между Финляндией и Россией. История проекта начинается в 1997 г., когда Финляндия впервые выступила с инициативой о СИ на заседании Европейского Совета в Люксембурге, а в 2000-м принят первый план действий. В рамках программы проводится множество проектов. Для примера можно вспомнить проект «Сооружения защиты Санкт-Петербурга от наводнений» на сумму 2000 млн евро или проекты в области повышения ядерной безопасности, 8 из которых, согласно данным 2009 г., получили финансирование на 95 млн евро [23].

Кроме того, А.А. Декальчук, ссылаясь в своем исследовании на Титова, отмечает Россию как очень прибыльного соседа для Финляндии [2]. Согласно данным Таможенного управления Финляндии, в 2013 г. оборот внешней торговли товарами между Россией и Финляндией составил 21 082 млн долларов, доля России в товарообороте Финляндии – 13,9%. Основными статьями российского импорта в 2013 г. были машины, оборудование, транспортные средства и химические продукты [4]. На экономические отношения Финляндии и России можно взглянуть и под другим углом. Так, важным

аспектом для финской экономики является российский туризм. В 2008 г. из 6,1 млн иностранцев, посетивших Финляндию, 2,3 млн являлись туристами из России. Так, российские туристы привнесли в финскую экономику около 595 млн евро [9]. Привлекателен для финнов и тип российского туризма, так как чаще всего это однодневные путешествия с целью шопинга [2]. Менеджер финского торгового центра, расположенного в приграничном городе Лаппеенранте, в интервью для *Euronews* утверждает, что 50–60% покупателей – русские туристы [10].

Все это подводит нас к мысли, что санкции невыгодны Финляндии. Она заинтересована в экономическом и политическом сотрудничестве с Россией и обычно отстаивает ее интересы в ЕС. Санкции ставят преграды для взаимодействия и тормозят экономическое развитие. Так, в рамках санкций Европейский инвестиционный банк прервал финансирование проектов в России – в частности, проекта «Северное измерение», в котором Финляндия заинтересована [3]. Уже на данный момент видны экономические последствия: количество российских покупателей сократилось в три раза, магазины в торговых центрах закрываются, безработица в финском городе Лаппеенранте подскочила до 14% [10].

Премьер-министр в интервью сказал, что санкции могут привести к экономическому кризису в Финляндии [16]. Кроме того, он уверен, что санкции имеют неравномерное воздействие на страны и Финляндия попадает под удар в большей степени, чем остальные [24].

Однако Финляндия, как и другие страны ЕС, осудила действия России, связанные с Украиной, и проголосовала за введение санкций. Выше нами было показано, что введение рестриктивных мер против России невыгодно Финляндии, однако на начальном этапе не существует информации о значительных дебатах в Совете Министров, что говорит о том, что Финляндия была сдержанна при отстаивании своих национальных интересов. На уровне имплементации она также оставалась сдержанна, и хотя не раз отмечала, что санкции ей невыгодны, не придавала критического значения этой проблеме. Финляндия не публиковала информацию о проведенных экспертизах, которые бы усиливали ее аргументационную базу. Высказываясь о возможных негативных последствиях для себя, она порой уменьшала их возможное влияние. К примеру, министр внешней торговли Ленит Тойвакк в интервью заявила, что новые санкции не принесут серьезного вреда экономике Финляндии [5]. При этом, говоря об экономических издержках, руководители Финляндии подчеркивали необходимость получения финансовой помощи от ЕС, а не отмены санкций или отказа от введения новых [6].

Финляндия показала чрезвычайную приверженность общим правилам, ценность которых она разделяет. Пойти через черный ход в данных условиях не представлялось для нее возможным. К примеру, Венгрия, Греция и Кипр просили послабления санкций со стороны России [1], Финляндия же обозначила, что «не может просить у России уступок по ответным санкциям», так как она «встала единым фронтом с Европой» [6]. Даже в ситуации с задержкой секторальных санкций, которых Финляндия, согласно некоторым источникам, не хотела, она подчеркивала, что нет никакого раскола в ЕС и что Финляндия поддерживает санкции и просто хотела устранить сомнения в необходимости их введения [15].

Насколько это возможно в рамках правил, Финляндия пыталась минимизировать издержки от санкций. Она сохранила доброжелательные отношения с Россией и не прекратила дипломатических контактов. Так, официальные представители Финляндии были первыми из стран ЕС, посетившими Россию с момента эскалации конфликта на Украине [17]. Однако все это вписывалось в общую линию поведения и не нарушало концепцию «хорошего гражданина», который чтит правила.

Это показывает, что страна готова демонстрировать сплоченность и разделять некоторые ценности. В чем причина различий этих двух кейсов – еще предстоит выяснить. Мы предполагаем, что поведение стран зависит от темы, которой касается решение, и стоимости его реализации. Вполне логично, что 28 стран не могут иметь одно и то же видение касательно всех вопросов, и это означает, что не всегда здесь есть идентичность друзей. Данную идею может в определенном роде подтвердить британский референдум о членстве в ЕС. Таким образом, оказывается, что среди ЕС есть как культура друзей, так и культура конкурентов. Тип идентичности между членами зависит от темы и, возможно, от стоимости имплементации решения. Причем стоимость должна оцениваться в эквиваленте не только денежном, но и социокультурном. Это не окончательный ответ, однако такие вызовы идентичности ЕС, безусловно, должны исследоваться академическим сообществом.

Источники

1. Венгрия, Греция, Кипр ждут от России поблажек // Вести. Экономика. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/54633> (дата обращения: 01.04.2015).

2. *Декальчук А.А.* Schengen borders in practice: facts about Finland (and Russia) // НИУ ВШЭ. URL: <http://www.hse.ru/data/2014/09/19/1315858784/051R2014.pdf>. (дата обращения: 24.03.2015).

3. Европейский инвестиционный банк прекратил финансирование проектов в РФ // Комментарии. URL: <http://comments.ua/world/478603-evropeyskiy-investitsionniy-bank.html> (дата обращения: 24.03.2015).
4. Обзор торговых отношений Финляндии с РФ // Портал внешне-экономической информации. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/fi/fi_ru_relations/fi_ru_trade/ (дата обращения: 21.12.2014).
5. Обзор финской прессы: новая «финляндизация» // InoСМИ.ru. URL: <http://inosmi.ru/overview/20140919/223102108.html> (дата обращения: 01.04.2015).
6. Обзор финской прессы: Россия — ЕС, ответные санкции // InoСМИ.ru. URL: inosmi.ru/world/20140808/222246491.html#ixzz3Qoa1NXaK (дата обращения: 05.02.2015).
7. *Офицеров-Бельский Д.В.* Перспективы общей внешней политики ЕС // Международные процессы. 2013. № 1. С. 122–131.
8. Товарная торговля Германии с Россией в январе-декабре 2013 года // Портал внешнеэкономической информации. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/de/de_ru_relations/de_ru_trade/ (дата обращения: 04.02.2015).
9. Финляндия посчитала доход от российских туристов // Фонтанка.ру. URL: <http://www.fontanka.ru/2009/06/24/086/> (дата обращения: 24.03.2015).
10. Финляндия: требуются... русские туристы // Euronews. URL: <http://ru.euronews.com/2015/02/06/rouble-trouble-finns-sharing-the-pain-of-of-russia-s-currency-crisis/> (дата обращения: 24.03.2015).
11. *Adler E.* 'Constructivism in International Relations: Sources, Contributions, and Debates' in: Walter E. Carlsnaes, Thomas Risse, Beth A Simmons. Handbook of International Relations (2nd ed.) London: SAGE Publications Ltd. 2002. P. 127–158.
12. Balkan route shutting down fast for refugees as Slovenia, Croatia close borders for transit // RT. URL: <https://www.rt.com/news/334996-slovenia-croatia-refugees-eu/> (дата обращения: 27.03.2016).
13. *Borzel T.A.* Non-compliance in the European Union: Pathology or statistical artifact // Journal of European Public Policy. 2001. N 5. P. 803–824.
14. *Falkner G., Hartlapp M., Leiber S., Treib O.* Non-Compliance with EU Directives in the Member States: Opposition through the Backdoor? // West European Politics. N 3. P. 452–473.
15. Finland denies obstructing EU deal on Russia sanctions // Ft.com. Europe. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/07b198ac-382a-11e4-b69d-00144feabdc0.html#axzz3W4sk4Uyg> (дата обращения: 01.04.2015).

16. Finland warns Russia sanctions could spell ‘economic crisis’ // EurActive. URL: <http://www.euractiv.com/sections/europes-east/finland-warns-russia-sanctions-could-spell-economic-crisis-307769> (дата обращения: 24.03.2015).

17. Finland will impose no new sanctions on Russia – Finnish PM // RT. URL: <http://rt.com/news/180384-finland-no-sanctions-russia/> (дата обращения: 01.04.2015).

18. Guidelines on Implementation and Evaluation of Restrictive Measures (Sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy // Министерство иностранных дел Литовской Республики. URL: http://www.urm.lt/uploads/default/documents/uzienio_politika/tarptautiniu_sankciju_igyvendinimas/srv.pdf (дата обращения: 01.04.2015).

19. Hollande, Merkel discuss the EU’s overlapping crises // EurActive. URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/hollande-merkel-discuss-the-eu-s-overlapping-crises/> (дата обращения: 27.03.2016).

20. *Hop T.* The Promise of Constructivism in International Relations Theory // *International Security*. 1998. N 1. P. 171–200.

21. *Ian M.* The normative ethics of the European Union // *International Affairs*. 2008. N 1. P. 45–60.

22. Orbán slams EU migration policies ahead of Juncker’s mini-summit // EurActive. URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/orban-slams-eu-migration-policies-ahead-of-juncker-s-mini-summit/> (дата обращения: 27.03.2016).

23. Report of the Grand Committee 1/2014. The Government’s White Paper on EU Policy 2014 // Eduskunta. URL: http://web.eduskunta.fi/dman/Document.php/~public/SuV/SuVM_1_2014_English?folderId=~public%2FSuV&cmd=download (дата обращения: 24.03.2015).

24. Russia imposes retaliatory sanctions on EU // Euobserver. URL: <https://euobserver.com/foreign/125205> (дата обращения: 24.03.2015).

25. Sealing of Hungarian borders puts Croatia, Slovenia to the test // EurActive. URL: <http://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/sealing-of-hungarian-borders-puts-croatia-slovenia-to-the-test/> (дата обращения: 27.03.2016).

26. *Wendt A.* Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. 1992. N 2. P. 391–425.

27. *Wendt A.* Social theory of international relations. Australia: Cambridge University Press, 2003. P. 433.

Утонувший мальчик или обесчещенные женщины?

Аннотация

Миграционный кризис достиг той точки, когда Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты больше не могут физически принять беженцев. Однако беженцы должны куда-то отправиться от ада войны. Соответственно, они выбрали те страны, в которых высокий уровень жизни, а это мирная Европа и близлежащая Россия. Следует также понимать, что количество беженцев в Европе – это лишь малая часть всех беженцев. Бегство в Россию и Европу можно рассмотреть с разных точек зрения: бытовой, экономической, общесовицизационной. В зависимости от этого ищется решение, которое одновременно сохраняет ценности Европы и России и нивелирует возможное неприемлемое поведение беженцев. Существует несколько альтернативных решений для принимающих стран: среди них – сохранить статус-кво, сделать жизнь для беженцев дорогой.

Abstract

Migration crisis has reached a point where Saudi Arabia and the United Arab Emirates cannot accept physically the refugees, but refugees should run somewhere from the hell of a war. Accordingly, they chose countries with a high standard of living, that is peaceful Europe and the nearest Russia with open arms. However, it should be understood that the number of refugees in Europe – the splashes from the boiling pot. The escape to Russia and Europe can be seen from different angles: domestic, economic, civilizational. Depending on this, in this frightening historical point a solution is sought, which both preserve the values of Europe, Russia and eradicate the refugees' violence. There are several alternative solutions for host countries, some of it: maintain the status quo, make life more expensive for refugees.

Неуправляемая толпа людей, пытающаяся пробраться через заборы с колючей проволокой, захватить грузовик, идущий в тоннель под Ла-Маншем, оккупировавшая перрон с поездами в Германию... Такую картинку нам показывают по телевизору: яркую, броскую,

¹ Юмаева Наталья (yumaeva.natalya@gmail.com; natasha_yumaeva@mail.ru) – студентка НИУ ВШЭ СПб.

страшную. Люди бегут из Сирии от войны, от ада в спокойную Европу. Однако беженцы направляются и в Объединенные Арабские Эмираты, и в Саудовскую Аравию — только их там не регистрируют в статусе беженца, поэтому неизвестно их точное количество. Но достоверно известно, что эта цифра в разы превышает число беженцев, направившихся в Европу. Ситуация достигла той точки, когда Эмираты и Саудовская Аравия физически не могут принять столько людей — вода из этого котла переливается через край. Брызги, которые летят через край, совсем несущественны и к тому же хорошо считаемы, а кадр «утонувшего мальчика» не оставляет в стороне никого.

На территории России пребывает 2,6 млн беженцев из Украины [1], спасающихся от пролетающих над головой снарядов. На поддержку беженцев выделено 4 млрд рублей [3], но де-факто они не получают должного финансирования от российской власти, и существуют проблемы с жильем, поэтому многие возвращаются обратно на свои родные места — там хоть родственная душа есть.

Случай с мигрантами можно рассматривать с нескольких позиций. Бытовой: мигранты представляют опасность, являются рассадником терроризма и преступности. Они не вписываются в устои и ценности мирной Европы и России. Можно посмотреть через экономическую призму: Европа стремительно стареет. Возьмем, к примеру, Германию — в ней проживает 46 млн «теоретически способных к труду» [7], а при отсутствии иммиграции количество этих людей уменьшится до 29 млн в течение ближайших 30 лет. Сокращение трудоспособного населения приведет к меньшим взносам в фонды медицинского и пенсионного страхования, уменьшению поступления налогов в казну. Луц Шнайдер предсказывает, что миграция из европейских стран не превысит 70 тыс. человек к 2050 г., поэтому Европа будет находиться в слабой позиции в отношении рабочего класса [5]. Приезжающие беженцы в основном не имеют профессиональной подготовки, однако это не ограничивает их действия. Европе и России нужны не только люди с университетским образованием, но в первую очередь те, которые займут места, требующие минимальной квалификации. Есть также позиция общецивилизационная: страдающий народ должен быть спасен и пригрет.

В России, как и в Европе, есть миграционный кризис, который решается (либо не решается) разными способами. В условном Париже эта проблема обсуждается на всех уровнях власти, во всех телерадиопространствах, проводятся саммиты и конференции. Жители Европы ищут решение, хотя никакого ответа на «скользкий» вопрос о судьбе мигрантов еще нет. В России же не проводились системные

обсуждения о приезжих, их условиях работы, жилье, медицинской помощи [2]. Этот момент находится в «серой» зоне, о нем не говорят ни члены правительства, ни сами граждане, некоторые из которых сдают квартиры мигрантам, ни бизнес, эксплуатирующий гастарбайтеров. В России проблема беженцев — табу, а в Европе — это открытая дискуссия, в рамках которой обсуждается хоть какое-то решение.

Европа пыталась следовать умеренно-прагматическому пути: прием 1,8 млн беженцев ей обошелся в 10 млрд евро из собственного бюджета [4]. Но данный процесс приобретает такой масштаб, когда выносить проблему на аутсорс невозможно. Перед Европой возникает проблема своей идентичности: построить забор с колючей проволокой или попытаться затерять иммигрантов в толпе европейцев? Что перевесит: затерявшаяся лодка беженцев с детьми в Средиземном море, спасающаяся от ада войны, или женщины, потерявшие честь на арене насилия и страха перед Кельнским собором?

В этой пугающей исторической точке сложно предложить верное решение, которое сохраняло бы выстраданные ценности Европы и искореняло разбои беженцев. Можно последовать примеру Латвии, создавшей экстраординарные условия для беженцев: 2,15 евро в день, крыша над головой в течение трех месяцев, возможность учить латышский язык за счет государства во время проживания в убежище. На этом помощь заканчивается, то есть когда человеку присуждается статус беженца, он должен покинуть убежище, начать самостоятельную жизнь, устроиться на работу, что невозможно, не зная языка. Такая система крайне нежизнеспособна.

Решением может послужить пограничный контроль на внутренних границах Европейского Союза, как поступили Германия, Дания, Франция, Швеция, Австрия. Можно также воздвигнуть высокие стены. Каждое из этих решений по отдельности рационально, но суммарно они не решают проблему. Сотни тысяч беженцев, в основном сирийцы, находятся в пути между Грецией и Германией, который возник в качестве основного хода для потоков беженцев. Каждый дополнительный пограничный контроль вытесняет проблему далее вниз по линии.

Неустанно увеличивающееся количество беженцев угрожает миру. Необходимо смелое решение, которое проявит себя в долгосрочной перспективе. Следует создать зоны безопасности в Турции и Сирии, чтобы люди смогли мирно организовывать свою жизнь.

Беженцы не только создают проблемы, но еще и предоставляют возможности Европейскому Союзу и России для развития. Иммигранты оказывают влияние на экономику и культуру общества. Кроме

того, на фоне старения европейского населения и растущих потребностей рынка спрос на рабочую силу из других стран в ЕС будет увеличиваться. Даже если иммиграция необходима, чтобы компенсировать демографический спад в краткосрочной перспективе, она также приносит с собой новое требование к политике, такое как интеграция.

Межправительственная логика государств-членов ЕС привела к разработке концепции по интеграции иммигрантов с использованием набора ненормативных правовых моделей согласно методам мягкого права, основанных на обмене знаниями, координации политики и обмена информацией.

В программе Тампере (1999) три политические цели имеют центральное значение в содействии интеграции мигрантов:

1. Принцип справедливого обращения с гражданами третьих стран, проживающих на законных основаниях в ЕС.
2. Предоставление прав и обязанностей, сравнимых с правами и обязанностями граждан ЕС.
3. Необходимость в сближении национальных законодательств об условиях принятия и проживания.

Интеграция – дорога с двухсторонним движением. Это означает, что, с одной стороны, принимающее государство должно гарантировать, что формальные права иммигрантов «на месте», а с другой стороны, иммигранты должны уважать основополагающие нормы и ценности принимающей страны и участвовать в процессе интеграции, в чем-то даже отказываясь от своей национальной идентичности.

Важной основой для полной интеграции является доступ иммигрантов к институтам, предоставляющим государственные и частные товары и услуги. Основной недостаток государственного управления обусловлен «институциональной неспособностью» эффективного обеспечения прав мигрантов.

Наиболее важными дисфункциями государственного управления являются потенциальные подозрения по отношению к иммигрантам, отсутствие образования и интереса государственных служащих, а также отсутствие ясности институциональных рамок. Эти факторы могут привести к нарушениям прав иммигрантов.

Местные и региональные власти находятся на линии фронта в ведении вопросов иммиграции и интеграции и первыми реагируют на экономические и социальные последствия миграционных потоков. Кроме того, они могут играть важную роль в предотвращении и выявлении ксенофобии и расистских настроений, обучая людей демократическим принципам. Тем не менее власти сталкиваются с целым рядом управленческих проблем:

1. *Фрагментация государственных структур.* Коммуникации нередко препятствует фрагментация структур миграционной политики. На национальном уровне ответственность за интеграцию иммигрантов часто ложится на целый ряд различных правительственных ведомств, каждое из которых участвует в различных программах финансирования. В Нидерландах, например, Служба иммиграции и натурализации в рамках Министерства юстиции несет ответственность за правовой допуск, выдачу виз и вида на жительство для всех групп мигрантов, в то время как Министерство социальных дел и занятости отвечает за трудовую миграцию, наблюдает за соблюдением закона занятости, обеспечивает соблюдение трудовых прав и поддерживает «Закон о занятости иностранцев» (*WAV*) среди других законодательных актов.

2. *Разрыв между предложением и спросом на рынке труда.* Региональные органы власти должны смотреть на иммиграцию как на способ достижения более широких целей экономического развития. Возможности локальной структуры часто игнорируются при разработке местных инициатив, и, таким образом, иммигранты рискуют трудиться на несуществующих рабочих местах. Регион Ломбардия в Италии представляет собой образцовый пример, поскольку здесь проводились обучающие программы, направленные на обеспечение конкретных навыков для удовлетворения региональных потребностей. Кроме того, резюме иммигрантов были включены в онлайн-каталог базы данных, что позволяет работодателям в Ломбардии рассмотреть и пригласить требующихся кандидатов.

3. *Улучшение координации и партнерства.* Местная власть должна идти дальше мейнстрима, тем самым нацеливая всех местных жителей в своей стратегии по содействию интеграции. По данным европейского руководства по интеграции, сотрудничество с мигрантами полезно, поскольку они могут обратить внимание на такие проблемы, как здравоохранение, жилищное строительство или образование, а также вносить предложения по совершенствованию соответствующих министерств.

4. *Взаимоотношение между интенсивностью, эффективностью мер и ориентации.* Один из способов воздействия на интенсивность и эффективность мер может предполагать проведение действий, точно ориентированных на потребности иммигрантов. Например, при ориентации иммигрантов с наивысшим уровнем занятости (то есть людей, имеющих разрешение на работу, обладающих профессиональными навыками, квалификацией) акцент должен быть сделан на нахождение работы или получение соответствующей профессиональной подготовки. Напротив, для лиц с низким уровнем занятости

внимание должно быть сосредоточено на их социальной и личностной подготовке, изучении языка.

5. *Создание благоприятной политической среды как на национальном, так и на местном уровнях.* Местная власть не имеет возможности оказывать значительное влияние на поддержку интеграции иммигрантов, когда они не имеют соответствующей квалификации для удовлетворения спроса на рынке труда. Даже при решении вопросов иммиграционной политики в большей степени на национальном уровне, чем на муниципальном, при условии, если интеграция неэффективна, это отражается в первую очередь на муниципалитетах, которым приходится иметь дело с последствиями безработных иммигрантов [6].

Беженцам необходимы четкие дорожные карты, чтобы лучше ориентироваться между различными службами, которые будут поддерживать их переход в новую жизнь. Существует потребность в хорошо скоординированных и доступных государственных услугах, направленных на удовлетворение потребностей иммигрантов. У чиновников всех уровней власти есть возможность стать профессионалами в иммиграционной политике путем сотрудничества с иммигрантами.

Источники

1. *Kyrieri K.* The Role of Public Services in Promoting Migrant Integration in Europe // European Institute of Public Administration. 2011. N 1. P. 53–57.

2. В ФМС подсчитали украинских беженцев в России. URL: <https://lenta.ru/news/2015/07/22/fms/> (дата обращения: 24.04.2016).

3. СК подсчитал затраты России на размещение беженцев с Украины. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/75731> (дата обращения: 24.04.2016).

4. Мы сидим и учим Ангелу Меркель жить. URL: <https://meduza.io/feature/2015/09/28/my-sidim-i-uchim-angelu-merkel-zhit> (дата обращения: 24.04.2016).

5. Юнкер: ЕС потратил из бюджета более 10 млрд евро на поддержку беженцев. URL: <http://ria.ru/world/20160419/1414948661.html> (дата обращения: 24.04.2016).

6. Germany's labor market needs more immigrants from non-EU countries. URL: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/de/presse/pressemitteilungen/pressemitteilung/pid/germanys-labor-market-needs-more-immigrants-from-non-eu-countries/> (дата обращения: 24.04.2016).

7. Spiegel online. URL: <http://www.spiegel.de/> (дата обращения: 24.04.2016).

Послесловие

от участников конкурса

При подготовке материалов конкурса к публикации издатели обратились к авторам сборника с вопросом: «Чем лично Вам был интересен конкурс памяти Г. В. Старовойтовой?» Для организаторов и жюри миссия конкурса связана с благодарной памятью о Галине Васильевне Старовойтовой, с развитием тех направлений в социальных науках, в которых Старовойтова работала, с созданием интеллектуальной площадки для раскрытия талантов молодых исследователей. Важны также отклики на конкурс со стороны его непосредственных участников.

Дарья Скибо: Участие в конкурсе памяти Галины Старовойтовой дало мне возможность осознать различие между теми режимами, в которых я обычно работаю над текстом. Писать в стол, представлять результаты исследования в международном сообществе, создавать эссе, которое прочтет высокое жюри, или готовить статью для официальной публикации — все эти виды работы с текстом требуют воспитания значительной исследовательской ответственности. Наверное, результаты моей работы впервые были «отданы на суд» людей, которых непосредственно касается затронутая тема. Я хочу верить, что мои изыскания не напрасны, и участие в таком важном событии, как конкурс, позволило мне найти точки пересечения между моей профессиональной и гражданской позициями.

Галина Негодина: Это мой любимый, объективный, интересный, открытый, свободный конкурс с любопытными дискуссиями и яркими темами. В отличие от многих конкурсов, «Галатее» завершается конференцией, где выступают финалисты с презентациями своих работ, и это всегда живые междисциплинарные обсуждения. В 2016 г. были выступления социологов, политологов, юристов, студентов, изучающих международные отношения и психологию. Половина времени отводится на доклад, половина — на обсуждение, и эта конференция мне очень запомнилась именно дискуссиями на актуальные волнующие темы, интересными идеями и подходами других студентов к исследованиям.

Александра Макеева: С самого начала мне казалось, что моя работа не попадет в финал: где-то в глубине души я, конечно, надеялась на это, но не ожидала подобного результата. Возможность выступить на таком мероприятии стала лучшим подарком к наступлению лета. Впечатления от конференции остались самые положительные. Многие работы коллег стали для меня настоящим открытием: я узнала, как можно говорить о таком сложном явлении, как терроризм, с позиции социальных наук, увидела многие социальные проблемы с другой стороны — не с той, с которой раньше их объясняла себе. Это, конечно, замечательный опыт и очень полезная пища для размышлений. Также я благодарна конференции за знакомство с новыми коллегами совершенно разных уровней: от студентов до умудренных опытом экспертов, поражающих глубиной знаний и прогрессивностью.

Алексей Сорбалэ: Что касается впечатлений от конкурса, то самым важным для меня стали его интер- и интранациональность. Люди со всех концов России и, что не менее важно, из других государств, объединенные общей темой и общим интересом, собрались на одной площадке в Вышке и попытались донести до остальных участников и жюри свою точку зрения на современную российскую и зарубежную политическую, экономическую, правовую и социальную реальность. Как мне кажется, конкурсы уровня «Галатеи» помимо очевидной цели прироста научного знания должны преследовать еще одну немаловажную цель — развитие общения между представителями различных «социальных миров», ведь, как известно, социум состоит не из индивидов, но из связей между ними.

Таисия Шенцева: Конкурс — это прежде всего площадка, где ты можешь увидеть, что кто-то еще, кроме тебя, сидит за учебниками по ночам или бегает с анкетами. Это приятно и полезно. На «Галатее» я познакомилась с людьми, с которыми теперь периодически списываюсь, обмениваюсь идеями и работаю. *Social networking* в самом чистом его воплощении! Кроме того, будем честны, все мы немного тщеславны до внимания и признания. Поборов страх публичных выступлений, здесь можно получить и то, и другое. Полезный опыт — в комплекте.

Сергей Федюнин: В России 2010-х гг. пространство для размышлений, критически важное не только в политике, но и в научной, исследовательской, интеллектуальной среде, продолжает сжиматься.

Насаждаемое единомыслие, страх перед плюрализмом мнений и индифферентность по отношению к другому делают всякую общественную, гражданскую инициативу, способствующую этой рефлексии, особенно необходимой. Конкурс научных работ памяти Г.В. Старовойтовой, безусловно, относится к таким инициативам. Участие в нем стало для меня поводом взглянуть на происходящее отстраненным взглядом. Рассуждая об идее кризиса демократии, особенно популярной сегодня в странах с давней демократической традицией, убеждаешься в том, что и Россию следует перестать рассматривать изолированно от других стран. Уже потому, что испытания, которые встают на пути строительства и поддержания демократии, и опасные иллюзии, связанные с демократической идеей и практикой, во всех случаях требуют прежде всего концептуального осмысления.

Современные вызовы гражданским обществам и государствам в Европе и России: угрозы и безопасность vs солидарность и права человека

*Сборник статей участников
Семнадцатого международного конкурса научных работ
студентов и молодых ученых
памяти Галины Васильевны Старовойтовой «Галатhea»*

Под редакцией В.В. Костюшева

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Редактор, корректор – Капитонов Д.М.
Технический редактор – Фофанова Н.М.
Дизайн и верстка – Малышева И.Ю.

ISBN 978-5-87857-269-9

Подписано в печать 28.10.2016.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonC. Печ. л. 14,5. Тираж 300 экз. Заказ №
Издательство «Норма»,
192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, 37.
Отпечатано в цифровой типография «Галерея печати».
Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199.